

Алексей
Сысоев

14

ИНКАРНАЦИИ

Саны Серебряковой

16+

Алексей Николаевич Сысоев

14 инкарнаций

Саны Серебряковой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28754624

SelfPub; 2019

Аннотация

Саша студент-физик, он популярен, у него много друзей, безоблачное будущее, и он не желает ничего большего, как вдруг появляется странная девчонка, заявляющая, что он – ее параллельная инкарнация, и рассказывающая о вещах, о которых он прежде никогда не задумывался. Начинаются причудливые приключения с богиней мультиреальности. Жизнь совершенно меняется: таинственные сны про рыжую девушку из Англии, которая просит ее найти и спасти, путешествия в прошлые жизни и попытки изменить реальность так, чтобы исправить некоторые ужасные ошибки человечества.

Содержание

История 1. Богиня мультиреальности.	4
Глава 1. Ее зовут Сана.	4
Глава 2. Жизнь никогда не будет прежней.	28
Глава 3. Перспектива прошлого.	63
Глава 4. Девятнадцатый век и Мари.	89
Глава 5. Сана приходит в гости.	111
Глава 6. Элементарные частицы.	139
Глава 7. Париж и Центральная Африка.	167
Глава 8. Что дальше?	190
История 2. Лаура Соммерфельд.	200
Глава 1. Эксперимент.	200
Глава 2. Дикое прошлое.	218
Глава 3. Лаура на дне.	263
Глава 4. Дружья и отличия мира.	284
Конец ознакомительного фрагмента.	301

История 1. Богиня мультиреальности.

Глава 1. Ее зовут Сана.

Он сидел за столом, разглядывая облака через большое мансардное окно в крыше аудитории Академии, рассеяно размышлял об абстрактности математики, чьи бесконечные формулы текли по доске из-под мела учителя, и еще не знал, что именно сегодня, нынешняя жизнь достигла поворотного момента. Настолько поворотного, что через один час двадцать пять минут и десять секунд привычная реальность будет полностью уничтожена, понятие времени потеряет всякий смысл, а бесконечные мультиварианты начнут разворачиваться вокруг в безумном вихре. Учитель бы оценил всю красоту мгновения, если бы увидел математическое выражение этого процесса, ну или хотя бы мог в каждый момент принятия решения отслеживать перемещения своего «Я» в реальность А, Б, В и далее, но, к сожалению, он этого не умел, поэтому просто рисовал на доске формулы, думая, что с помощью них познает хоть чуточку больше той крупницы мира, что его окружает.

Саша тоже не мог видеть эти перемещения, иначе он бы

уже заметил, как ткань реальности плавно расползается вокруг него, готовя судьбоносную встречу, которая уничтожит одну Вселенную и породит другую.

Впрочем, на какую-то долю секунды ему показалось, что облака переливаются, а в голове возник образ девушки с короткими каштановыми волосами, которую он когда-то где-то видел, может быть, в прошлой жизни.

Саша встряхнул головой и поморгал, надо поменьше тащить глаза вверх и почаще на доску, тогда не будет мерещиться что-то странное. Он размял затекшую шею, зевнул, и вернулся к математике.

Скоро зазвонил звонок, студенты стали шумно собираться и покидать класс. Саша кинул планшет в сумку, закинул ее на плечо, и, насвистывая какую-то песенку, отправился в столовую.

Солнечные лучи расчерчивали пол пустынной галереи на четвертом этаже. За стеклами высились черные обелиски небоскребов центра города. Саша задержался на секунду, вглядываясь в знакомый пейзаж. Серебряные нити мостов железной дороги, струились над землей меж зданий. По ним ползали продолговатые капельки поездов, а по небу плавали дирижабли с видеорекламой на боках.

В Солнечном Городе была осень. Такой могла бы стать Москва, но...

Ее уничтожили.

Саша провел пальцем по стеклу. Мир казался каким-то

нереальным, готовым начать расплываться, стоит только отвлечься и посмотреть в сторону. Сегодня самый обыкновенный день, твердил он себе и сам не знал, почему. Хотя, его подсознание уже уведомили, что к чему, и оно отрубилось, как будто выпив литр валерьянки, поэтому Саше было особенно спокойно.

Прогулочным шагом он дошел до столовой, любуясь ясным осенним деньком через окна в коридорах. Поболтал с толстой поварихой на раздаче, одарил парой шуток хихикающих девчонок, стоящих в очереди, и, попивая сок из трубочки, подсел к приятелю.

– Что это ты такой сегодня умиротворенный? – спросил Толик.

– Да я даже не знаю, – Саша потянулся. – Прямо лег бы и уснул. Высшая математика подействовала.

– Кстати, о математике. Видел новенькую с факультета теоретической математики?

– Что? А должен был?

– Там совершенно удивительная девушка! О ней ходят поразительные слухи!

– Какие, например?

– Да всякие! Она совершенство, гений красоты, парни все так и падают, когда на нее посмотрят. Я сам ощутил этот эффект на себе – полный улет. Она как чертов ангел с небес!

– Да ну?

– Она чудачка. Говорят, вообще двинутая на всю башку. И

имя у нее странное. Ана... Сан..., подожди, сейчас вспомню.

– Сана Серебрякова, – пробормотал Саша, приложившись к соломинке.

Толик уставился на него:

– Что? Так ты ее знаешь? Ну вот, а притворяешься, что не слышал.

– Подожди-ка, а что я только что сказал? – насторожился Саша.

– Ты назвал ее имя.

– Хм... как-то само вырвалось. Может, кто-то рассказывал уже.

Саша потер лоб, и правда, странно, что это он только что выдал? Отпив сок, он постарался выкинуть это из головы и непринужденно спросил:

– И что, никто ее еще не приструнил? Новеньким не положено наглеть.

– Желающих нет. Говорят, те, кто ей не нравятся, просто исчезают.

– Проваливаются сквозь землю? – хмыкнул Саша, не веря ни единому слову.

– Да нет, просто не приходят на пары или пропадают куда-нибудь. Одного парня цементовоз переехал прямо у ворот Академии, говорят – ее рук дело.

– Цементовоз? Ты серьезно? Слушай, Толик, хорош заливать.

– Да ты что, на Луне живешь? На прошлой неделе. Вся

Академия на ушах стояла!

Он почувствовал легкое беспокойство, потому что на прошлой неделе точно ничего такого не было.

«Варианты уже сменяются», – будто прошептал кто-то.

Саша потряс головой, приходя в себя. Все это какая-то ерунда, Толик просто прикалывается. Симпатичная новенькая от его глаз бы не укрылась. Тем более, если уже неделю здесь училась! И как там ее? Сана? Что за странное имя...

Последнее он пробормотал вслух, и Толик с готовностью ответил:

– Никто не знает, так ли ее зовут на самом деле. Вроде не иностранка, фамилия-то русская. Но девочка с приветом, сказала, что ее зовут Сана, и никак иначе. Бог знает, как учителей в этом убедила, точно гипнозом.

– Ну-да, ну-да, – махнул рукой Саша, Толик превзошел сам себя, надо же, порет какую-то чушь, и думает, что ему верят! – Послушай, Толик, – начал Саша.

Но вдруг звук пришедшего сообщения прервал его. Саша машинально полез в карман брюк за телефоном, чувствуя нарастающее легкое беспокойство. Подсознание оживало, крича – вот оно, началось!

На экране высветилось:

«Приходи в спортзал. Ты моя вторая инкарнация в этом времени, я нашла тебя.

Сана».

Саша брызнул фонтаном сока на стол, соломинка выпала изо-рта.

– Ты что? – вскочил Толик – на него чуть не попало. – Что там тебе пришло? Девушка бросила?!

– Это она! Боже! Она существует?

– Кто?!

– Сана! Она... Черт знает, что это... что за бред?!

– Дай посмотреть!

– Похоже, эта девчонка назначила мне свидание!

– Она точно двинутая, – выдохнул Толик.

– Не завидуй, что поделать, я популярен, это факт, – проговорил Саша, немного успокаиваясь.

И это было правдой, он слыл первым красавчиком в Академии, непослушные светлые волосы всегда были слегка растрепаны, а проникновенные голубые глаза, зачаровывали любую девушку. Этот взгляд он старался почаще тренировать перед зеркалом.

Он оторопело повертел телефон в руках и заново перечитал надпись на экране.

Толик фыркнул:

– Я? Завидуешь? На тебя положила глаз какая-то долбанутая инопланетянка, тебе остается только посочувствовать. Что она написала?

Саша сунул телефон другу под нос:

– Посмотри, ты видишь тоже, что и я? Что это за околе-

сица? Она что, шизофреничка? Перепутала меня с каким-то своим мультиком?

Толик оторопело вчитался, а потом разразился хохотом:

– О да, это в ее репертуаре! Полный финиш! Как там? Вторая инкарнация? Это что, новый термин для второй половинки? Чертовски романтично!

– Кончай ржать, Толик, я не понимаю, что происходит! Минуту назад я вообще не знал о ее существовании, и вот, она шлет мне сообщения! Если эта чокнутая в меня просто втюрилась, то это еще полбеды, мне не привыкать, но «ты моя вторая инкарнация» звучит ни хрена не романтично! Что это? Что это значит?

Друг почти скатился под стол от смеха:

– А-а-а... Наш Санёк, дополнительная ипостась дивнутой эсперки-анимешницы с факультета математики! Полный улет, я сейчас всем расскажу, ха-ха-ха! Поторопись в спортзал, кажется, она хочет преподать тебе индивидуальный курс гимнастики на матах!

Толик сложился пополам, но его смех прервал неожиданно громкий сигнал второго сообщения. А ведь уведомления были отключены перед началом учебного года, как раз потому, что постоянно одолевали поклонницы, посылая каждую минуту какую-нибудь фигню.

Приятель сразу перестал смеяться и насторожился.

Саша раздраженно включил телефон и посмотрел на экран. И должно быть, изменился в лице.

– Что там?! – побелел Толик.

– Э-э...

– Да что там?! Покажи!

Саша повернул к нему экран, и Толик стал похож на привидение, осев на стул. Его можно было понять, в послании от таинственной Саны говорилось:

«Если твой приятель, не перестанет меня обзывать или кому-то расскажет о происшествии, свидетелем которого он только что стал, то его тоже переедет цементовоз».

Саша сунул телефон в карман, озираясь. Похоже, она где-то рядом и все слышит! А как она узнала его номер? И тут его осенила догадка – друг подговорил кого-то, и его сейчас просто весело разыграли!

– Какого черта, Толик? Никакой чокнутой девчонки с экстрасенсорными способностями не существует, не так ли? Эти сообщения пишет, небось, та очкастая, с которой ты водишься? Признаюсь, я сначала купился от растерянности. Не знал, что у тебя хватит фантазии на что-то такое, ты растешь в моих глазах! Дохлая мышь в моей сумке в прошлом году – это был верх твоего творчества, а сейчас что-то новое. Откуда это? Про инкарнации – какой-то буддизм? Не знал, что ты вообще читаешь книги, не говоря уже о таких. Толик? Эй, Толик...

Друг как-то меньше всего походил на человека разыграв-

шего удачную шутку и нетерпящего в этом признаться. Он сидел совершенно белый, испуганно косясь по сторонам.

– Санёк, она меня убьет. Черт, она точно меня убьет! Как она услышала нас? Я не вижу ее! Ее здесь нет! Она читает мысли, Саня! Все, что про нее болтают – правда!

– Ты что? Хочешь сразить меня еще и актерским мастерством? Должен признать, у тебя талант, – раздраженно бросил Саша.

И тут он вдруг подумал, а как этой странной девчонке удалось вообще ему писать, ведь у него блок на номера не в списке.

– Саня, ты не понял, что ли? Эта сумасшедшая существует, и она ждет тебя.

Конечно, он не собирался идти в спортзал искать какую-то дурочку, которую в глаза не видел. О чем думала эта девчонка? Хотела показаться оригинальной? Надо же «ты моя вторая инкарнация». Ничего страннее он в жизни не слышал. Пусть даже она действительно симпатичная, с головой у нее явно не в порядке.

Саша решил принципиально не приближаться к спортзалу. Кем бы не была эта Сана, следовало поучить ее манерам. Если она думала, что он прибежит, стоит только написать пространное сообщение, то она стрельнула мимо. Он не привык бегать, как только какая-то дурочка, себе на уме, пишет

интригующие сообщения, вообразив, что ему может быть до нее дело.

Прислала бы фото сначала!

С этими мыслями он вышел из столовой, Толик решил посидеть там еще, наедине со своими мрачными мыслями о скорой кончине от цементовоза, но обещал подтянуться в аудиторию к началу пары.

Саша шел по коридору, привычно закинув сумку на плечо и насвистывая песенку. Какая-то пристающая мелодия крутилась сегодня в голове.

Он так задумался, что чуть не столкнулся заведующим кафедрой Виктором Сергеевичем.

– Саша, ты куда? – остановил его тот.

– Э-э... на пары.

– Подожди, отнеси вот это в спортзал.

И Виктор Сергеевич протянул ему... скакалку.

– Вы что – шутите?! – опешил Саша.

– Не понял?

Саша встретился глазами с Виктором Сергеевичем, пристально его изучая. Происходящее не укладывалось в голове и напоминало какой-то дикий заговор. Сейчас в спортзале его ждет Сана Серебрякова, и заведующий кафедрой, вдруг, посылает его туда со скакалкой? Но Виктор Сергеевич выглядел совершенно серьезно, да и заподозрить его в том, что его подговорил Толик или кто-либо еще, было за гранью возможного. Заведующий кафедрой – научный работник со

стажем, пятидесяти трех лет, в очках с тонкой серебряной оправой, руководящий лабораторией при Академии и гоняющий, как мальчишек, всех преподавателей и сотрудников. Глупые шутки ему были так же чужды, как бабе Нюре игра в гольф.

Положение усложнялось тем, что Саша, как подающий надежды студент, был принят в штат, подрабатывал лаборантом, и этот самый Виктор Сергеевич, был его прямым и непосредственным начальником, чьи распоряжение следовало выполнять без неуместных расспросов!

Даже если это неожиданная просьба посреди коридора отнести скакалку в спортзал.

– Где вы это взяли? – все-таки решил уточнить Саша с подозрением.

Завкафедрой небрежно взглянул на нелепый предмет в своей руке и пояснил:

– Только что был семинар у первокурсников. Для демонстрации опытов мы заимствовали кое-что из спортзала. Я хотел сходить вернуть инвентарь, но раз уж ты тут слоняешься, отнеси, пожалуйста, а то я уже не в том возрасте, чтобы круги наматывать по всей Академии, у меня много других дел.

У Саши сложились неплохие отношения с Виктором Сергеевичем, и глупо было бы пререкаться в ответ на невинную просьбу, тем более начальника. Но что за подстава? Неужели бывают такие вот нелепые случайности?

– Да, давайте, я отнесу, конечно, – выдавил улыбку Саша.

– Спасибо, – завкафедрой по-отечески похлопал его по плечу и пошел дальше.

У Саши мелькнула мысль, вернуться в столовую и заставить Толика, но не факт, что тот еще там, а бегать искать его времени нет, скоро будет звонок. Все это так нелепо, неужели он боится встретится с той, что ждет его в спортзале?

Ругаясь себе под нос, Саша побрел в соседнее крыло, все еще удивляясь, какое странное совпадение случилось, будто бы специально.

Экстрасенсорные способности?

Да боже мой, даже если Сана Серебрякова обладает телекинезом, ясновидением и телепатией в придачу, как она могла бы подстроить, такую сложную схему, семинар, скакалка, Виктор Сергеевич? Ей надо тогда быть самым господом богом!

За этими мыслями, он прибыл к двери спортзала. Коридор вокруг был подозрительно пуст.

Саша замешкался у входа, испытывая какое-то неуместное волнение, как будто, если открыть эту дверь и переступить порог, жизнь никогда не будет прежней.

Да что с ним? Это же просто какая-то девчонка с причудами, которой взбрендило в голову познакомиться!

Саша деловито открыл дверь и шагнул.

Просторный зал был залит светом. Сквозь стеклянную куполообразную крышу лились косые солнечные лучи. Казалось, сам воздух светился, переливался, блики играли на

каждой поверхности. Прямо в центре неподвижно стояла девушка в клетчатой юбке и черном пиджаке, темные волосы подсвечивались солнцем и колыхались от невидимого, едва заметного ветерка. Над ее головой плыли облака, расчерченные в клеточку перекрытиями крыши. Облака были и под ногами, отражаясь в дощечках паркета, разлинованного под баскетбольную разметку.

Она словно создание, сотканное из света, подумалось Саше невольно.

Он быстро мотнул головой, сбрасывая наваждение. Что за глупости, в самом деле? Просто девчонка знает толк в эффектах, спортзал был одним из красивейших мест в Академии, и в солнечный погожий денек стоять в его центре, все равно что на сцене под софитами.

Неужели она так и торчала тут в этой позе, все это время?

Или она знала с точностью до секунды, когда он откроет дверь?

Почему-то Саше внезапно с НЕЙ не захотелось встречаться, тем более, наедине. Он просто развернулся и как ни в чем не бывало направился обратно в дверь. Интересно, куда все подевались, и кто ее сюда пустил...

– От меня не убежишь, Саша, – раздался за спиной мелодичный голос.

Он резко обернулся:

– Слушай, ты, а откуда ты вообще меня знаешь?

Она смотрела на него насмешливо и даже чуть надменно,

улыбаясь, приподняв уголок рта. Саша раздраженно кинул скакалку на стол, стоящий в сторонке.

Девушка ответила:

– Откуда я тебя знаю? Ты часть меня.

Он не спеша подошел, на ходу разглядывая девчонку, способную брякнуть подобное.

Глубокие темные глаза – так и затягивали, каштановые волосы спускались чуть не доставая плеч, играя на солнце. Да, она была очень красива. Кто-то, быть может, бы сказал, что обворожительно красива. Было в ней нечто этакое, странное, притягивающее. Ангел с неба – это может быть чересчур, но какое-то «сверх» в ней ощущалось.

Девушка молча улыбнулась, сделала два шага на встречу, остановилась, скрестив ноги, подняла тонкие руки и крутанулась на месте, словно красуясь. Короткая клетчатая юбка взметнулась, открывая и без того незабываемые бедра.

Саша заинтересованно смотрел.

– Ну и как я тебе? Практически совершенство, не правда ли? – спросила она, чуть наклонив голову, и тоже как будто его разглядывая.

Саша фыркнул:

– Пфф, совершенство?..

Он хотел сказать, что это чересчур громко сказано, но запнулся, когда она склонила голову на другой бок, заулыбавшись еще более обворожительно.

– Забавно, я даже на тебя произвожу впечатление, а ведь

мы суть одно и то же. Представь, как я действую на всех этих мальчиков пубертатного возраста. Я для них словно мечта, явившаяся из снов.

– Самомнения тебе не занимать, – оценил Саша.

Никто бы не сказал, что он склонен теряться перед девушками, даже напротив, всегда был первым донжуаном в Академии, но эта инопланетянка действовала на мозг, как бокал шампанского. Что-то ему подсказывало, что она совершенно права, и другие давно бы распластались у ее ног, с просьбой принять в рабы навечно. Почему он сам еще не распластался, Саша даже не мог себе четко объяснить. Она была красивой, мистически завораживающей, но он, как будто, ожидал этого. Иначе не скажешь, просто ожидал и поэтому был все более спокоен, справившись с первым удивлением.

– Мальчики пубертатного возраста, а тебе самой сколько? Двадцать-то исполнилось? – спросил он, насмешливо.

– Сколько мне? – она засмеялась и звук ее мелодичного смеха эхом раскатился по спортзалу. – Ты спрашиваешь, сколько мне лет? – Она легким шагом прошла вокруг него, сложив руки за спиной. – Может ты хотел спросить, сколько нам лет, Саша? Нам уже сотни, тысячи, а может даже миллионы. Я просто не помню все.

– Для миллионов лет ты неплохо сохранилась, – заметил Саша, поглядывая на ее длинные ноги. Черный пиджачок с гербом Академии идеально подчеркивал фигуру, он был расстегнут под ним белая блузка с игривым красным банти-

ком на груди, видимо поэтому Толик назвал ее анимешницей. Хотя это форма Академии, а занятный фасон давно воспет в кулуарах, носить ее пока строго не обязывали, как введенную недавно. Дизайн, как говорится, обкатывался. Поэтому не так много студенток щеголяло в этом. Но что и говорить, Сана наряд очень шел.

Девушка приблизилась, подняв большие глаза.

– Жить миллионы лет непрерывно в одном теле скучно и бесполезно, поэтому мы умираем и возрождаемся. Сейчас мне двадцать и я студентка факультета теоретической математики, но я помню куда больше.

– Короче, Сана, или как там тебя на самом деле, что у тебя за игра? Зачем ты назначила мне встречу? Вступление более чем располагает. Тебе миллионы лет, ты носишь клетчатую юбочку и почему-то называешь себя во множественном числе, причисляя и меня в этот странны конгломерат. Сейчас ты мне расскажешь, что ты с другой планеты и нам надо спасти мир, или что? Давай, как-нибудь, побыстрее, а то я на теорию поля опаздываю.

– Я вполне себе обычный человек в этом воплощении. Почему ты думаешь, что я с другой планеты? Нет, у меня есть мама и папа, я родилась и выросла здесь, в России, как и ты. Но я жила далеко от тебя, все это время – в Хабаровске. Просто однажды я поняла, что здесь, в этом веке и на этой планете есть не только я, есть еще и ты, и я нашла тебя.

– В этом месте мне, видимо, надо обрадоваться.

– Еще бы, это воссоединение, я изменила первоначальный вариант нашей судьбы, которая должна была складываться по обычной схеме отдельно друг от друга, и создала что-то новое. Мы теперь вместе, и наша жизнь изменится и никогда не будет прежней.

– Эй-эй, давай помедленней, девочка, что это за разговоры о воссоединении и совместной жизни? Сначала мне нужны кино и цветы, а потом я еще подумаю, – рассмеялся Саша.

Сана с интересом разглядывала его.

– Хватит шутить, ты ведь уже все интуитивно понимаешь, я чувствую. Я могу частично улавливать твои мысли.

– Ого, ну тогда у нас вообще семейной жизни не выйдет, лапочка.

Она медленно наклонилась к нему:

– То, что ты вспомнил о юморе и наглости говорит о том, что ты уже освоился в моем присутствии, да?

Ее лицо было так близко, а в этих темных карих глазах можно было утонуть. На какую-то долю секунды ему показалось, что она собралась его поцеловать, и эта мысль, отчего-то, привела его в ужас.

Сана отстранилась, довольно улыбаясь, а Саша напряженно соображал, не порозовел ли он. В самом деле, что за девочка со странностями, и почему он стоит здесь и треплется с ней о чем-то довольно абсурдном, когда надо идти на теорию поля?

– Ты не опоздаешь на пару, это место в локальном вре-

менном пространстве, – сообщила девчонка, словно прочитав мысли.

– А... что?

– В этом спортзале, сейчас, я создала пространство за пределами обычного течения времени, чтобы никто не мог ненадолго нам помешать.

Да, у девушки был тяжелый случай. Эффектная внешность и девиантное поведение, видимо, приучили ее к тому, что все реагируют на нее, как на ходячее чудо света, да она и сама верит в то, что э-э... Может создать локальное временное пространство? Или она просто играет с ним, намеренно эпатирует, и это у нее стиль жизни?

– Слушай, Сана, кажется, так тебя зовут? Ты всегда так с парнями знакомишься? Называешь вторым воплощением и порешь какую-то фантасмагорическую чушь?

– Я? Знакомлюсь с парнями? Какой ты дурачок. Я могу посмотреть, и, ты верно подумал, они бегают за мной, мечтая выполнить любую мою прихоть. Но до сих пор мне не попадались экземпляры способные чем-то особенно заинтересовать.

Она сказала «ты верно подумал»? На одну ужасную секунду ему показалось, что она и правда читает его мысли, но быстро пришел в норму, отмахнувшись от этого, как от совершенного идиотизма.

– Дай мне руку, Саша, и я тебе расскажу все.

– Если у тебя за углом подружка, и она это сфоткает, а

потом ты выложишь на своей странице в интернете, то я буду недоволен, – предупредил Саша полушутливо, но просьбу выполнил.

Сана ничего не ответила, медленно взяв его за руку. Было в этом что-то, странное. Саше даже хотелось инстинктивно отдернуть руку. Ее ладонь была мягкая и теплая, и через нее будто бы струилась какая-то мощная пружинящая энергия. У него невольно расширились глаза.

– Чувствуешь? Это я.

– По-моему у меня какие-то глюки.

– Ш-ш-ш... – прошептала она, приложив палец к его губам. – А теперь просто молчи, слушай и смотри мне в глаза.

Саша смог только удивленно моргнуть совершенно парализованный, что у нее за манеры?

– Мы одно существо, Саша, воплощенное в двух телах и в двух личностях. Такое периодически происходило в наших прошлых жизнях. То, чем мы являемся целиком, сущность слишком сильная, и не всегда одно человеческое тело способно выдержать его сознание, или не всегда этого требует задача новой жизни. Ты меньшее порождением моего изначального «Я», поэтому менее сознательное и понимающее происходящее. Я тоже порождение, не несущее всю его великую силу и знание, но у меня сохранена связь с ним и частично память. Я прима, ты секунда. Для тебя эта жизнь кажется единственной, как будто ничего не было до, и ничего не будет после, но это не так, и ты всегда это знал. Я вопло-

тилаась в этом времени и пространстве на четыре дня раньше тебя, потом возник ты. В детстве я тебя осознавала, потом забыла. Но я всегда знала, что я часть чего-то большего, и прибыла в этот мир с какой-то целью. Я поняла, что Сана Се-ребрякова, не полная проекция моего истинного «Я», в эту реальность, есть еще одна, я видела тебя во сне, я улавливала «воспоминания» от твоей жизни здесь. Я знала, что ты существуешь, я решила тебя найти. Я думаю, ты pomoжешь мне вспомнить.

– Вспомнить что?.. – прохрипел Саша пересохшим горлом, все это время он так и стоял, застыв, сжав ее руку в своей, с широко раскрытыми глазами.

– Вспомнить, зачем мы здесь. У нас есть цель Саша.

Саша несколько раз моргнул и уточнил:

– Будем, все-таки, планету спасать?

– Планета мне до лампы, Саша. Познание и саморазвитие, вот что главное.

Он смотрел на нее, она на него.

– Ты что, мне не веришь? – насторожено прищурилась Саша.

Саша мягко высвободил свою руку.

– Очень приятно было с вами познакомиться, девушка, но мне уже как-то пора. Меня ждет урок этажом выше этого э-э... локального пространства. И вот уж кто точно не может обойтись без меня в процессе познания, так это учитель теории поля. Ну, пока, не скучай. Впрочем, о чем это я? Вас

ведь тут, похоже, больше одного. Передай привет своей высшей составляющей и извинись, что я не останусь на вашей вечеринке, не знаю, что вы там курите, но я думаю, вам будет весело и без меня, адью.

– Чего? А ну стой, ты куда?

Саша сделал уже несколько шагов по направлению к двери и обернулся:

– Куда-нибудь туда, где у меня одно тело и нет такой замечательной «сестренки». Аниме не идет тебе на пользу, малышка, я серьезно.

– Вот же подсунули кретина, я начинаю сомневаться, что ты вторая проекция моего сознания, – спокойно проговорила ненормальная, сложив руки на груди.

– Довольно свежая мысль, Саночка, – сообщил он, продолжая шагать, не оборачиваясь. – Звучит даже своеобразным комплиментом.

– Еще раз назовешь меня Саночкой, я тебя развопложу в пыль!

– Можешь начинать прямо сейчас, Саночка.

– Ты не веришь, что мы связаны? Подумай, неужели временами тебе не казалось, что ты девчонка?

Саша даже запнулся, снова обернулся, воззрившись на нее:

– Э-э... как бы нет. А если тебе часто кажется, что ты парень, то стоит рассказать маме, она покажет тебя доброму дяденьке, который расскажет, как с этим быть. Как бы там

ни было, врач тебе точно будет не лишним и с удовольствием послушает обо всех твоих высших составляющих.

Сана уже ничего не отвечала, разглядывая его с безмятежной улыбкой. Как-то быстро она успокоилась, словно приняла, что выкрутасы не подействовали, и он сваливает.

Саша пожал плечами и зашагал к двери.

– Я все поняла, – раздалось за спиной.

– Прости? – он в очередной раз обернулся.

– Это своеобразное испытание. У тебя не только стерта память, но твоей личности еще и не хочется покидать свой устоявшийся мирок, чтобы воссоединится со мной и открыть врата к новой жизни.

– Не говори вот это вот про «открыть врата» и «воссоединение» первому встречному, могут не так понять, ладно я – человек приличный.

– Хорошо, Саша, я подумаю, что с тобой делать. Это даже интересно. Действительно, почему я решила, что ты так сразу мне поверишь, ты ведь всего лишь меньшее порождение, чуть получше литературного персонажа в книге.

– Так меня еще никто не оскорблял.

– Иди «братик», твоя реальность все равно уже разрушена, и есть только я. Мы еще встретимся, не сомневайся.

– О да, где-нибудь в области гардероба, в конце пар. Там встречаются все ищущие души, чтобы сбиться орущей толпой и мешать друг другу получить куртку.

Саша помахал рукой на прощанье и вышел, удивляясь про

себя, как таких личностей выпускают из дома без сопровождения. Даже страшно ее здесь оставлять, вдруг подерется с огнетушителем, приняв его за демона из преисподней?

Когда он вернулся в главную часть здания, почти сразу наткнулся на печально бредущего в кабинет Толика.

– О! А ты что здесь делаешь? – воскликнул Саша. – Я думал ты уже на паре.

– Скоро меня не станет, Саня, мне надо было смириться с этим и мысленно попрощаться со всеми родными, близкими и девушкой, которой у меня нет.

– Я уже повстречался с твоим персональным ангелом смерти, по-моему, она не держит на тебя зла, ее заботят вещи куда более хм...возвышенные.

Толик удивленно замер:

– Ты разговаривал с ней? С Саной Серебряковой?

– Сомневаюсь, что в этой школе встретится вторая такая идиотка, так что это была она.

– Так ты пошел к ней на свидание?! Я в шоке!

– Я сам в шоке, Толик, но даже не спрашивай. Я не собирался, но произошла какая-то нелепая череда случайностей, Виктор Сергеевич отправил меня в спортзал, а там эта принцесса параллельных реальностей и покемонов уже поджидает меня! Она вывалила на меня полтонны беспрецедентной чуши и так меня заболтала, что скоро, наверное, уже пара кончится.

– О чем ты? Она и не начиналась, звонка еще не было.

– В смысле не было?

Тут он заметил, что в коридорах действительно довольнолюдно.

Саша потер щеку, посмотрел на часы и удивленно пробормотал:

– Ничего не понимаю. Я говорил с этой умалишенной не меньше пятнадцати минут. Я думал, препод из меня сейчас котлету сделает!

– Не было звонка. Прошло всего минут десять, с того момента, как ты вышел из столовой. Не мог ты с ней пятнадцать минут говорить, тебе едва хватило бы времени дойти до спортзала и вернуться обратно.

Саша опять взглянул на часы, но они как будто вообще стояли. Действительно, прошло около десяти минут.

– Она несла что-то про локальное пространство, но... Толик, как так? Черт возьми, видимо, я больше пялился на ее ноги, чем следил за разговором, вот и показалось...

– Санёк, ты меня пугаешь. Я уже почти убедил себя, что Сана Серебрякова не обладает магией и мне не грозит опасность, но то, что ты сейчас рассказал, это жутко.

– Ты веришь в то, что эта малышка с развитым воображением создала локальную реальность? Не смей меня.

Глава 2. Жизнь никогда не будет прежней.

– Сходим на этот фильм? Это бомба! – вещал Дэн, размахивая раздобытой где-то банкой пива.

Хотя компания еще не покинула территорию Академии, и это могло плачевно закончиться для всех. Даже просто ходить по улице с пивом в руках означало стопроцентно нарваться на неприятности с первым же патрульным, а по двору Академии... Но всем было пофиг.

– Я пойду, заметано, – ответил Саша.

– Тогда я тоже. Если Санёк идет, я должен его сопровождать! – воскликнул Толик.

Все засмеялись. То, что он всегда был подле Саши, почитал его за авторитет и готов отправится с ним на любую авантюру, было давно известно и порождало шуточки разной степени приличности.

– Зачем его сопровождать? – засмеялась Света, и Маша подхватила, выпустив струю сигаретного дыма Толику в лицо:

– Мы со Светкой будем его сопровождать, расслабься, никто не обидит твоего сюзерена.

– Какие ты слова знаешь! – расхохотался Игорь.

– Вы будете меня сопровождать, а не его, – веско сказал девушкам Дэн, – А, Сашке вы без надобности он пойдет со

своей девчонкой. Верно Саня?

– Э-э, может быть, – уклончиво протянул Саша.

– А что такое? У тебя нелады с Кариной? Мы тебя давно с ней не видели, – спросил Игорь.

– Да нет, все нормально. Но... Что-то она мне надоела, что ли.

Девушки засмеялись, Толик картинно схватился за сердце, воскликнув:

– Ты что?! Она же такая красавица! Блин, почему ему всегда так везет! Такая девчонка подцепилась, а ему, видите ли, надоело?! Ты что, Санёк?

– Да ты не хрена не понимаешь, – отмахнулся Саша.

– Сашка, вы же с ней уже месяца три встречаетесь, не ошибаюсь? Это для тебя, очень серьезные отношения, мы уже шутили, когда свадьба, – сказал Дэн.

– Ага, да, щас.

– А что так, нормальная же телка, – проговорил Дэн, отпив из своей баночки.

– Она позвонила мне сегодня с утра, знаешь, зачем?

– Зачем?

– Чтобы рассказать, про свои секущиеся волосы.

Девушки опять засмеялись.

– А вы что ржете? Вы тоже только этим и озабочены каждую минуту своей никчемной жизни, – сообщил им Саша, никогда не отличавшийся особенной деликатностью.

Маша и Света смеяться перестали, буровя его мрачными

взглядами, но он не обратил на это никакого внимания, продолжив:

– Я ей, чисто поддержать разговор, стал объяснять про вещества в краске, и как они воздействуют на волосы, и что не надо налегать на краску, а она...

– Боже! – хлопнул себя по лбу Толик. – Разговаривать о химии с такой моделькой? Ты что? И тебя считают мачо?

– Некоторые, считают его грубияном, – вставила Маша.

– Ну и что? телка решила побазарить о волосах, в чем проблема? – продолжил расспрашивать Дэн. – Послушал бы, о чем она тарахтит, да и все.

– В чем проблема? Она же учится на какой-то там менеджмент, я считал ее умной! Но, последнее время с ней не о чем поговорить.

– Саша, тебе разве с девушками надо разговаривать? – захохотали Маша и Света, их поддержали Игорь и Толик.

– Да, я немного не зарекомендовал себя в этом направлении, но представьте себе, хочется, иногда, перекинуться со своей девчонкой парой слов, и чтобы она понимала, о чем ты.

– Встречайся с физичками со своего факультета, – хмыкнула Маша, стряхнув пепел на траву около дорожки.

– У меня в группе только три девушки, одна весит около центнера, с другой у нас уже случилось некоторое недопонимание, и она мне сказала, что не хочет меня больше видеть. Это, конечно, затруднительно, раз мы учимся вместе, но она

очень старается следовать этому правилу, и у нее получается, что удивительно.

– А третья? – спросила Света, глупо хихикая.

– Третья, в принципе, миленькая, но как-то не в моем вкусе, тем более уже занята моим лучшим другом, так что...

– А? Кто это? Я никого не занимал... – начал Толик, а потом ахнул: – Нина? Ты что? Мы просто дружим!

– О, наша подруга детства Толика! – воскликнула Маша, вытянув губки изображая поцелуй и пихнула парня: – Давно пора было к ней подкатить, дебил! А ты все на нас, да на нас заглядываешься! Мы птицы не твоего полета, дурень.

– Да идите на фиг! Я скоро охмурю одну девчонку. Я обещал покатасть ее на машине.

– Она только покатается и потом даже не перезвонит, поверь мне, – сказала Маша.

– Не может быть!

– Не расстраивай мне Толика, Машка, – одернул ее Саша.

– А что, я готовлю его к прозе жизни. Девушкам всегда будет интересна его машина и его деньги, надо дать парню верное представление о мире.

На лице Толика отобразилась какая-то страшная догадка:

– Так вот почему ты мне тогда не перезвонила! Ты просто хотела, чтобы я сводил тебя в ресторан и прокатил на своем спорткаре!

– Ну э-э... – Маша отвела глаза.

– Ты водил Машку в ресторан? – опешил Саша.

– Да, и поил дорогим вином в надежде... гм... кхм...

– Надежды были несбыточны, Машка столько не выпьет! – расхохоталась Света.

– Толик, не связывайся с жестокими бабами, твоя Нинка лучше, – похлопал по плечу друга Саша.

– Да не моя она, достал!

– Но мы так и не выяснили, что у Сани с Кариной, – напомнил Игорь, кинув окурок на дорожку.

– Все у нас хорошо, отстаньте, зачем я сболтнул вам это?

Он заметил, что народ что-то распоясался, и проговорил:

– Давайте хоть от Академии отойдем, парни, девки, вы что тут устроили? Я не собираюсь завтра все утро мести дорожки, если нас поймут! А этот еще с пивом разгуливает!

– Подбери окурок, Игорян, – сказал Дэн.

Он был чуть старше, и всегда мрачен, так что с ним предпочитали не спорить. Правда, парень отличался некоторым пофигизмом и разгильдяйством, что, на взгляд Саши, немного мешало, чтобы люди его по-настоящему уважали.

– А ты пивом не маши, придурок, – подмочил Дэну образ Саша.

Игорь, ворча, поднял окурок, компания пошла к ажурным воротам.

Саша отвлеченно раздумывал. Он не сказал друзьям, что все началось с того дня, как он увидел эту странную девчонку в спортивном зале. Именно тогда, что-то произошло. Мир

изменился.

Он стал много думать, и все стало не так. Любимая девушка, которая его всем устраивала, вдруг оказалась глупой пустышкой. Друзья тоже какие-то...

Что-то ему подсказывало, что в одном Сана была права, после встречи с ней, жизнь не будет прежней, а он не мог сказать, что ему чем-то не нравилась его жизнь, чтобы кардинально ее менять неизвестно на что.

У него были прекрасные родители, друзья, с которыми интересно, неплохие оценки по основным дисциплинам, красивая девчонка, которую он даже немного любил и постоянные увещевания учителей, что голова у него варит, и что его ждет прекрасное будущее. Чего еще желать и зачем, что-то большее?

Может быть, Сана была права, и у он жил в этом мире и раньше, в других веках, почему бы нет? Он не исключал теорию реинкарнации или то, что могут существовать инопланетяне и призраки, но, не видя ни того, ни другого, ему не было до этого особого дела. Какая ему практическая польза от того, что он был рыбаком в пятом веке, или королем в четырнадцатом? Это прошло, этого не вернуть, пора жить дальше и наслаждаться тем, что есть у тебя сейчас.

Так он думал и хотел бы думать так и прежде, но...

Что-то изменилось.

Компания отошла от ворот Академии и остановилась около чугунного забора.

– О чем замечтался? – спросил Дэн.

– Да ты, поди, новую нашел, Санька, вот и Каринка надоела, – хмыкнул Игорь.

– Что? Я не собираюсь менять девушку. Все ее минусы перевешивают то, как она смотрится в сарафане летом.

– Я понял! Ребята, Сана Серебрякова! – вскричал вдруг Толик.

– О нет, – отчего-то тяжело вздохнула Маша.

– Это еще кто? – спросил Дэн.

– Прекрасная и бесподобная эсперка с теоретической математики! – подпрыгнув, провозгласил Толик.

– Совершенно большая ботаничка, – вставила Маша.

– Мнения разнятся, – констатировал Дэн. – И что за слово употребил этот недоумок, только что? Что еще за эсперка?

– Не обращай внимания, у него какие-то нездоровые фантазии по поводу этой девчонки, она симпатичная, но не более того, – отмахнулся Саша, совершенно не желая об этом разговаривать.

– Что значит эсперка? – требовательно спросил Дэн у Толика.

– О, я знаю-знаю, это из японских мультиков, – воскликнула Светка. – Это значит у нее всякие сверхспособности.

– Она обладает магией! – убежденно сказал Толик. – У Саньки было с ней свидание в спортзале.

– Ого, почему в спортзале? Что вы там делали? – заинтересовано захихикала Света.

– Ничего интересного, она наговорила мне какой-то эзотерический бред, и я смотался подобру-поздорову.

– Представляю, легко отделался. Я с ней как-то сталкивалась, она может такую чушь начать нести, – проговорила Маша. – Она просто ненормальная!

– Что она тебе сказала? – спросил Саша.

– Мы столкнулись в коридоре, эта дура уставилась на меня, как будто знала. И сказала, что я падшая личность, погрязшая в блуде. И все это так, знаете, доброжелательно...

Все хором засмеялись, Саша отметил, что это было не далеко от истины, за что заслужил от девушки по-настоящему испепеляющий взгляд.

– Я слышал, она читает мысли, – вставил Игорь.

Света встрепенулась:

– Я тоже слышала про какую-то новенькую, которая перебивает и учит учителей. Вы про нее? Говорят она гипнотизерка или типа того.

– Она волшебница! – воскликнул Толик.

– Боже, я не знал, что вокруг меня столько идиотов! – воскликнул Саша. – Вы что?

– Не равняй всех, я не верю ни в какие ее сверхспособности. Она просто наглая дурочка, возомнившая о себе невесть что! – проговорила Маша, стиснув зубы.

Саша сказал Толику:

– Ты что, от нее в восторге? Помнится, ты считал, что она тебя скоро убьет. Но, я смотрю, цементовоз тебя так и не

переехал. Очень жаль, Толик, я так надеялся. Хотя чем-то ты бы меня развлек. Похоже, ты зря переживал из-за этого.

– Ты бездушен, Санёк, а я до сих пор спать не могу!

– Так, все, мне надоело слушать ваши теории про мою личную жизнь, и тем более про эту сумасшедшую, с которой мы столкнулись всего раз, и, очень надеюсь, которую больше не увижу.

– Так что, ты пойдешь завтра в кино? – уточнил Дэн.

– Я же сказал, что да. Может быть и Карина будет, звякну ей сегодня.

– Ну все, завтра созвонимся.

– Не играй там с Саной Серебряковой, проказник, – улыбнулась Маша.

Саша только в недоумении покосился на нее, махнул рукой друзьям на прощание и отправился домой. Он не пошел на станцию, решив прогуляться пешком, был приятный осенний вечерок. Хотелось пройтись и подумать. Обо всем.

Девушка возникла в его жизни, они подержались за руки, и она сказала, глядя ему в глаза очень странные вещи, которые теперь засели в памяти и не желали выветриваться. Они беспокоили и будоражили.

Что если у него действительно была такая сестра на другом конце России? Он не понимал, что еще за вторая инкарнация, а вот воспринимать ее как такую сестренку с прибабахом, он бы мог. Но откуда она могла возникнуть и, главное, зачем? Зачем она и зачем это все? Бессмыслица. Саша

не хотел об этом думать. Все, о чем ему надо думать, это о том, что скоро сессия, что у него есть Карина, и возможно, он на ней женится когда-нибудь... Ну если на следующем курсе не повстречает кого-то еще. А потом он станет многообещающим физиком, будет ездить по миру, занимаясь исследованиями, и откроет какой-нибудь важный закон.

Это то, чего он хотел, а вовсе не сестренку-анимешницу с ее прошлыми жизнями и параллельными мирами.

Вот только... остался ли мир прежним?

Саша уже не был в этом так уверен, и дело не только в том, что сумасшедшая в пиджачке и юбочке не шла из головы, но и в каких-то мелочах вокруг.

Позавчера он смотрел на небо и задался совершенно детским вопросом – почему оно синие. Конечно, он прекрасно знал, о воздухе, воде растворенной в атмосфере, но почему так? Почему оно именно того цвета, который нравится людям? Будь небо ярко красным, никто не находил бы это прекрасным, но оно красивого голубого оттенка. Как будто все люди вокруг когда-то договорились, что пусть небо будет таким, чтобы на него было приятно смотреть.

А сегодня утром, он встал, взглянул в зеркало и вдруг увидел, что там, в этом зазеркалье, он не пошел сегодня в Академию, а пошел гулять в парк, и наблюдал там бабочек у пруда и думал, действительно ли взмах крыльев бабочки может вызвать ураган на другом конце Земли. И тот мир – другой вариант сегодняшнего дня, который он увидел в зеркале, был

совершенно реален, Саша не на секунду в этом не сомневался. Просто он существует там, в зазеркалье, вот и вся разница.

Ему, вдруг, начало казаться, что мир, который он видит, какой-то маленький, законы физики управляют им лишь постольку поскольку, и за его пределами, есть что-то еще.

Почему он стал задумываться о вещах, о которых не думал прежде? Как будто она появилась и разбудила что-то в нем.

Саша шел по осеннему бульвару, для разнообразия решив подумать на темы более обыденные – грохнут ли герои того пришельца в новом сериале, и тут какой-то нарочито громкий булькающий звук привлек его внимание. Он покосился на лавочку, стоящую слева.

Там, как ни в чем не бывало, сидела Сана Серебрякова, в том же самом наряде, не смотря на то, что вечерело и довольно прохладно. Она сидела, закинув ногу на ногу, зажав руками стакан газировки на пол литра, и шумно тянула ее через трубочку.

– А, привет, – сказала она, взмахнув рукой. – Такая необыкновенная встреча! Совсем не ожидала тебя здесь увидеть! – воскликнула девушка тоном, говорящим об обратном.

Саша не представлял, как ей удалось вычислить, что он будет здесь проходить именно сегодня, именно сейчас! Обычно он ездил домой на городском поезде, какими в це-

лях благоустройства уже заменили большую часть наземного транспорта.

– Какого черта ты тут делаешь? – спросил он грубее, чем хотел, просто от неожиданности.

– Боже мой, Саша, что за банальные фразы? Давай спроси еще что-нибудь в том же духе: «ах, как ты меня нашла?» или «как ты узнала, что я здесь пойду?».

Саша моргнул, да, эта девчонка крепкий орешек, и у него не было идей, как она это делает.

– Тебе не холодно? – спросил он вместо всех ее предположений.

– Оригинально, – похвалила Сана.

– Нет, правда, погода не та, чтобы таскаться в одной форме.

Девушка склонила голову:

– Тем не менее, осень довольно теплая на этих широтах. В Хабаровске было попрохладней. Но ты за меня не переживай, мне не будет холодно даже при минус тридцати в одной обтягивающей футболке. Не хочешь посмотреть на меня в обтягивающей футболке?

– При минус тридцати? Это зрелище вряд ли будет волнующим.

– Будет-будет. Однако, зимой придется надеть пуховик. Я много чего могу, но все время нарушать базовые законы реальности как-то не хорошо. Сбивает настройку окружающим людям. Они от такого, чего доброго вдруг поймут, что

все окружающее какая-то фикция и начнут летать. Согласись, будет как-то стрёмно.

На этих словах она встала, небрежно выкинув свой стакан куда-то за спину.

– Ты что, только что намусорила на городском бульваре? Здесь по всюду камеры, штраф схлопочешь, – сказал Саша.

Девушка невозмутимо ответила:

– Стакан разлетелся на атомы, не успев коснуться земли. Перед этим я его создала из них же. У меня все экологично, от природы взяла – природе вернула.

– Ну, если ты еще и какаешь фиалками, то тебе вообще цены нет, – хмыкнул Саша.

– Встречался с друзьями? – поинтересовалась Сана, как бы между прочим.

Саша опять опешил:

– А ты откуда знаешь?

– Они мне не нравятся. Какие-то недоразвитые. Я разочарована твоим выбором.

– Ах, извините! Тебе не нравятся мои друзья? И что же нам теперь с этим делать?

– Ничего, мы от них скоро избавимся. Линии вероятностей сами сложатся нужным образом. Не от всех, конечно, некоторых я еще стерплю. Тебе не стоит общаться с кучкой каких-то дебилов, и на подсознательном уровне ты сам чувствуешь это.

– У меня есть и другие друзья, какого черта? С этими я

зависаю после учебы, но есть еще куча народа, с которым я общаюсь!

Саша вдруг умолк, сообразив, что зачем-то начал оправдываться перед этой чокнутой воображалой.

– Но нам пора вернуться к нашим баранам, – проговорила Сана, подходя вплотную. – Вернее к одному барану, – добавила она многозначительно. – Как ты себя чувствуешь? Процесс пошел?

– Не представляю, о каком процессе речь, – отвел Саша глаза.

– Все ты представляешь.

– Что ты ко мне пристала? Мне здесь без тебя было довольно неплохо.

– В том варианте, тебе по-прежнему неплохо. Синхронизируйся с ним, и живи себе дальше, в чем проблема?

– Давай я лучше синхронизируюсь с тем вариантом, где ты разлетелась на атомы вслед за своим стаканом, а я пошел в кафе ужинать.

– Твоя личность на редкость упертая и воспринимает меня, как угрозу своему существованию.

– О, да ладно. Ты угроза? Ты выглядишь довольно нежной девицей, мне стоит подставить тебе подножку, ты бахнешься, расшибив коленку, и расплачешься. Какая мне от тебя может быть угроза?

– Не тебе, а твоему «Я».

– Помнится, ты утверждала, что «Я» у нас одно, просто

тела два.

– И так и не так. Тебе понятна мысль, что у существа, может быть несколько воплощений, просто они как бы в разных веках?

– Ну, более или менее понятно. Что-то такое и называется реинкарнацией.

– А мы с тобой два таких воплощения некоего сверхсущества, но существующие здесь и сейчас одновременно! Круто, правда?

– Ты что, прикалываешься?

– Сложно так сразу объяснить, тебе сначала надо осознать свои реинкарнации, тогда ты уловишь, в чем тут фишка, и сообразишь, что такая же твоя реинкарнация может быть здесь и сейчас, а не только в прошлом.

– И эта реинкарнация ты?

– Правильнее сказать инкарнация. Латинский. Incarnatio – воплощение.

– И ты все это серьезно?

– Как бы там ни было, каждое воплощение порождает не только некое тело, но и некую личность. Это проекция твоего «Я» в эту реальность и оно всегда уникально, врубаешься?

– Послушай, с тобой забавно поболтать, не часто мне попадаются девчонки, которые разговаривают целыми абзацами за раз, причем такими, где половина слов мне непонятна. Но давай ближе к делу, когда я думаю о горячем супчике в противовес беседе с тобой на ветру, то ты как-то заметно

проигрываешь, не смотря на миленькую клетчатую юбочку.

– И юбочка и то, что под ней, такое же мое, как и твое, поверь мне.

– Я даже комментировать не стану...

– Я это ты, а ты это я, но каждое воплощение обладает собственной уникальной личностью, хотя две проекции идут из одного источника.

– Сложновато, милашка, может, я пойду, а ты себе создай проекцию меня, и затирай ей хоть до утра, про все эти тонкости.

– Представь лампочку.

– Это лучше, чем представлять тебя в футболке в минус тридцать. Ну окей, представил.

– От лампочки идет два луча и падает на некий экран.

– Ты же мне сейчас не будешь теорию относительности Эйнштейна рассказывать, там было тоже о лампочках...

– Приходится объяснять на пальцах, раз не понимаешь так.

– Ладно-ладно, лампочка, от нее два луча на экран.

– Два луча это две проекции одного сознания.

– Так лампочка – это сознание! Вот это неожиданный финал! Тебе надо писать детективы.

– Дедуктивный метод тебе сейчас пригодится, Ватсон. Итак, каждый луч, попадая на экран, образует на нем пятно света. Одно такое пятно ты, другое – я. Но оба мы происходим от одной лампочки.

– Круто, мы пятна! А теперь пошли домой.

– Каждое пятно получается уникальным, согласиись. Хотя лампочка одна, и свет один, форма и цвет пятна будет всегда каким-то особенным, во многом завися и от цвета и текстуры экрана, на который падает луч.

– Да, пожалуй.

– Я пятно, естественно, побольше и пожирнее, тебе это стоит зарубить на носу.

– Без вопросов, так и запишем: Сана – жирнее.

– Таким образом, ты, хоть тебя и образует свет от той же лампочки, что и меня, обладаешь собственной личностью и у тебя свое пятно-жизнь. У нас есть и другие воплощения, в других веках, ты их не помнишь, так же точно, ты не осознаешь связь со мной.

– Ну, хорошо, а почему я не помню и не осознаю? Я что, какая-то ущербная проекция нашей лампочки?

Сана театрально развела руками:

– Весь мозг ушел в меня, что еще я могу сказать?

Саша молчал, разглядывая ее.

Девушка примиряюще проговорила:

– Ну ладно, не обижайся. Вот скажи, где ты?

– В каком смысле?

– Ну, где сейчас твое «Я»?

– Тут, стоит перед тобой, и голодает без прекрасного супчика, по твоей милости.

– Вот видишь? Ты думаешь, что ты вот здесь. – Сана ле-

гонько ткнула указательным пальцем ему в лоб. – От этого и все твои проблемы. А где, по-твоему, я?

– Бог знает, где ты. Неизвестно, что надо выкурить, чтобы хотя бы предположить. На Альфа Центавре?

Сана сложила руки на груди, разочаровано покачав головой:

– Какой же ты глупенький. Что я тебе говорила только что? О схеме лампочки и двух проекций? Мое «Я» сейчас находится почти в лампочке Саша.

– Это жесть Сана. Что я еще могу сказать?

– Я тоже нахожусь здесь и сейчас, но кроме этого я помню и свои прошлые жизни. Я осознаю себя не просто пятном на экране. Я знаю, что моя текущая личность – проекция, одна из многих. Я осознаю свою связь с единым центром этих проекций и через него осознаю их.

– Подожди-ка, ты меня запутала. Так ты лампочка, от которой я происхожу, как проекция, или ты просто осознаешь с ней связь?

– Это сложно объяснить в обычных терминах. Я самостоятельная личность, так же как и ты, отдельная от тебя. С этим сложно поспорить, не правда ли? Я стою, здесь, перед тобой, у меня отдельное тело и отдельный мозг. Мое сознание больше сосредоточено здесь и сейчас, чем где-то еще. Поэтому технически, я проекция лампочки, как и ты. Но я очень развитая личность, мне многое доступно. Я помню свое прошлое, знаю будущее, осознаю ветви вариаций. Кроме теку-

щей жизни и личности, я могу настраиваться на другие, в одну секунду проживая их заново.

– Что, закрываешь глаза, и уже там? Я о таком никогда не слышал.

– Мне не надо даже закрывать глаза! Улавливаешь суть, Саша? Я здесь и сейчас, я Сана Серебрякова, но в то же время, я во многих измерениях одновременно, и это не мешает мне быть собой, моя личность не растворяется и не испаряется, я по-прежнему здесь и живу своей жизнью. Я вижу все связи, я здесь и сейчас, но в то же время, я могу оказываться там, куда сходятся все линии, я источник.

Саша почесал макушку:

– Нда... ты умеешь заставить задуматься. Я кажется, понимаю. Раз ты стоишь сейчас здесь, то ты фактически не есть сама лампочка, но закрывая глаза, ты становишься ею... Квантовая физика...

– Каждый находится там, где думает, что находится, каждый то, что способен о себе осознать. Где твоя точка самосознания, там и ты. Осознавая другие воплощения себя, я, тем самым, приподнимаю точку самосознания над плоскостью ближе к тому источнику, откуда идет свет, образующий нас обоих. Врубаешься?

Саша медленно кивнул. Чокнутая девчонка говорила интересные вещи. Если это бред, то в нем было какое-то рациональное звено. Он проговорил:

– Получается, ты здесь и сейчас – Сана Серебрякова, но

можешь настраиваться на какие-то свои другие воплощения, и само это уже делает тебя не одномерным пятном на плоскости, а приподнимает над ней, позволяя увидеть все пятна.

Девушка лучезарно улыбнулась:

– Именно! Ты сказал это даже лучше, чем я!

– А почему ты думаешь, что мы как-то связаны, что я твое какое-то дополнительное воплощение?

– Потому что, временами я бываю у тебя вот здесь, – проговорила она, наклонившись близко-близко и постучав пальчиком ему по лбу. – Ты – это я, Саша.

Опять эти ее штучки, у него перехватило дыхание, Саша стал тонуть в ее больших гипнотизирующих глазах.

Сана жарко зашептала:

– Я вижу сны, в которых живу твоей жизнью, я знаю о тебе почти все, и чувствую твои мысли. Ты для меня, как реинкарнация в каком-нибудь прошлом веке, которую я могу «вспоминать», но ты не в прошлом, а здесь. Я могу тебя пощупать, я могу с тобой разговаривать – и это очень интересно. Я знаю, что ты моя вторая проекция в эту реальность, так же как ты знаешь, что твоя рука, это твоя рука, а не что-то отдельное.

Саша мог только беззвучно ловить ртом воздух.

– Думай обо мне, как о старшей сестренке, если тебе так проще, – весело проговорила она, ткнув пальцем ему в нос и оттолкнув от себя.

– Господи, ну и двинутая же ты девчонка!

– Ничего не говори, я чувствую, что ты кое-что, наконец, понял, хоть и не веришь мне до конца. Но ты уже допустил, что, возможно, в моих словах что-то есть, и что, возможно, ты и правда что-то большее, чем просто Саша.

Саша с подозрением поглядел на нее. Уж не читает ли, действительно, мысли, как у своего воплощения? Но вот в это он как-то не мог поверить.

Сана выпрямилась, сложив руки за спиной:

– Ну что же, раз, наконец, ты что-то понял, я, пожалуй, пойду.

Саша, пребывающий в задумчивости, лишь машинально спросил:

– Куда?

– Домой. Мне тоже надо иногда изображать, что я принимаю пищу, а то мои родители меня не поймут, хотя, я уже могу и без нее.

– Блин, все-таки ты какая-то чокнутая, сестренка. Можно поверить в то, что ты помнишь прошлые жизни и про устройство сознания выдаешь интересные идеи, но вот эти твои фразочки, что ты стакан аннигилировала, можешь в минус тридцать ходить голой и обходишься без пищи – это как-то через чур. Я как твой внезапно обретенный братик, должен выразить обеспокоенность. Ты такими фантазиями себя покалечишь.

– Вот что, братик, когда я поняла механизм, по которому формируется вся эта реальность, она стала для меня, как

пластилин. Так что не переживай. Пока.

– Но ты так вот просто уйдешь и все?

– А что, тебе уже не хочется со мной расставаться? Ты так рвался к своему супчику.

– Нет, я просто о том, что если мы две проекции, нам что – не надо теперь таскаться везде вместе? И вообще, ты к чему мне все это рассказала? Сбила с толку, а дальше-то что?

Сана уже махала рукой и шагала прочь по потемневшему бульвару.

– А дальше, ты просто будешь вспоминать и искать себя.

– Вот делать мне больше не фиг, у меня завтра доклад по ядерному синтезу!

Сана обернулась с улыбкой, пожала плечами и пошагала дальше.

– Ну, ты бы сказала хотя бы с чего начать?

Сана вдруг остановилась, о чем то задумавшись. Сунула руку в кармашек своего пиджачка и подошла. Взяла его руку, положив в нее какой-то предмет.

Саша недоуменно разжал пальцы, увидев игрушечный деревянный домик в китайском стиле.

– Вспомни, во что ты играл в детстве, – улыбнулась Сана, развернулась и пошла.

– Вспомнить, во что я играл в детстве, – пробормотал Саша задумчиво.

Девушка ушла, а он продолжал смотреть ей в след, совершенно ошеломленный.

Ядерный синтез – чудо природы, когда из ничего рождается целое солнце. Две маленькие частицы обладают колоссальной энергией, она не проявляет себя, пока они не объединятся, но по отдельности, они никогда не узнают об этом.

Саша убрал руки с клавиатуры, откинувшись на спинку кресла. Чертова Сана, заставила задуматься, и теперь вся эта фигня лезет в голову.

Он еще раз взглянул на текст, удалил последнюю сентенцию, и заменил на более подходящее ядерной физике предложение. На этом, в общем-то, доклад был готов.

Саша выключил и закрыл ноутбук, крутанулся в кресле, оглядывая свою комнату. Потом взял в руки этот чудной игрушечный китайский домик. Провел пальцем по крашеной шероховатой поверхности. Что-то ему напомнило это ощущение.

Как она там сказала? Во что ты играл в детстве? Все вроде бы как у всех, солдатики, машинки, даже странно сидеть и вспоминать такое.

Китайский домик...

Как-то раз, когда он был совсем маленьким, родственники подарили игрушечный домик из дерева в старинном китайском стиле с мебелью и фигурками. Родителей это насмешило, подобная вещь больше подходила девочке, чем мальчику, но родственники находили, что ничего такого, это же не

кукольный домик, а китайский. Он был небольшой, искусно сделан – с несколькими комнатами и характерной крышей с загнутыми кверху краями. Внутри были разодетые фигурки, монахи, пара стражей у входа, какие-то дамы. Вообще, это был храм, но Саша сразу стал называть домик дворцом.

На какое-то время это стало его любимой игрушкой. Саша улыбнулся воспоминаниям. Одну фигурку дамы он даже как-то называл. Кажется, Чيان Ми. Надо же, до сих пор помнится. И у нее была любовь с фигуркой стража. Они всегда жили в этом дворце и были счастливы. Смешно, как причудлива детская фантазия – напридумывать все это, с игрушечным китайским храмом!

Кажется, в детстве ему нравились фильмы про Китай, это все всегда казалось чем-то близким.

А постойте-ка. Саша вдруг задумался. А действительно, откуда все это появилось? Что еще за история любви между девушкой и стражем дворца? Это рождало какое-то странное ощущение в душе. Теплоты, боли утраты. Стоило вспомнить об этом дворце и игре, как стали оживать подробности. Больше всего он всегда боялся, что на дворец нападут другие солдаты, и этот страж со своим единственным соратником не смогут его защитить.

Черт, да откуда же все это?..

А образы все расцветали, крутились перед глазами. Он смотрел на игрушку в руках, и что-то домик уже увиделся какой-то большой и настоящий, бегущие люди в китайских

доспехах, и щемящее чувство в груди...

И тут началось, комната стала растворяться, это чувство будто увлекало куда-то. Сашу словно выбросило из тела через собственную макушку в бесконечную тьму, он полетел, через глубину веков, в далекое прошлое.

Она сидела на мягкой подстилке и расчесывала длинные черные волосы. Было жарко от многослойных цветастых одежд, воздух был наполнен запахами благовоний и горящих свечей.

Она еще раз полюбовалась на свое отражение в зеркале и подумала с досадой, когда же ее юное лицо с круглыми щеками станет более женственными и вытянутым? Хотя и так уже прошло семнадцать лун со дня рождения. Но в целом, она находила себя довольно симпатичной. Кому достанется такое сокровище? Отец обещал не отдавать ее за одного из этих надутых князей с тонкими бородками, что отирались здесь толпами.

Бумажная перегородка отошла в сторону и в комнату заглянула служанка:

- Госпожа, вы готовы? Отец ждет вас.
- Было время, когда ты звала меня просто Чанг Мин.
- Это было давно, и вы были маленькой. А теперь мне нельзя обращаться так к дочери императора.
- Чем я взрослее, тем все вокруг церемоннее.

– Ах, что у вас с волосами? Зачем вы сами их расчесывали, надо было позвать меня!

– Просто, мне захотелось, Чин. Мне кажется... когда-то очень давно, я сама расчесывала волосы, но это было не здесь, в какой-то другой стране.

– Ах, опять эти ваши фантазии. Вы с рождения живете в этом дворце.

– И ни разу не была за его пределами, – поджав губы, проворчала Чанг Мин.

Служанка Чин принялась укладывать ей волосы.

– Прическа вся нарушена, теперь уйдет слишком много времени, чтобы сделать все, как надо! – посетовала она, засовывая в складки волос поддерживающие деревянные палочки.

– Оставь, Чин, у нас ведь не официальный прием, отец не расстроится, увидев меня с распущенными волосами.

– В таком возрасте неприлично ходить с распущенными волосами, к тому же ваш отец там не один.

Чанг Мин оживилась. Была почти ночь, и если отец в покоях не один, то это точно не сановники, а лишь слуги и охрана.

– Он будет там? – выпалила Чанг Мин куда поспешнее, чем того хотела.

– Будем считать, я не догадалась, о ком вы, госпожа, но конечно он будет там. Ведь он охраняет вашего отца.

– Но сейчас ночь, мы во дворце. От кого? – непонимающе

пробормотала она.

Чанг Мин увидела в отражении зеркала, как по лицу Чин прошла какая-то тень. Служанка ответила:

– Наступают сложные времена, поэтому ваш отец уже нигде не чувствует себя в безопасности. Ладно, идемте. Это, конечно, не та укладка, которая должна быть, но мне сказали привести вас как можно скорее, так что пошлите господжа.

Чанг Мин тяжело поднялась, таскать на себе столько одежды было нелегко. Чин поправила пояс и бант у нее за спиной.

Они вышли в тихий коридор. Чанг Мин горела нетерпением, она снова увидит его! Когда, однажды, отец говорил ей, что позволит самой выбрать мужа и спрашивал, нет ли у нее кого-то на примете, пришлось солгать, сказав, что нет. Но она не могла рассказать ему правду. Потому что она давно уже любила Хен Со, начальника императорской гвардии.

Пройдя по бесконечным тусклым галереям, они вошли в большой, хорошо освещенный зал. Отец сидел на подушках в полном императорском одеянии и с мечом у бедра. Это сразу неприятно насторожило Чанг Мин, но она тут же забыла об этом, встретившись глазами с мужественным человеком в красных пластинчатых доспехах, стоящим рядом с ним. Это был он, Хен Со, ее любовь, с которой ей не суждено было быть вместе.

Его взгляд лишь на минутку потеплел, когда она посмотрела на него, но потом Хен Со просто привычно уставился в

точку пред собой. Он тоже понимал, что им не суждено быть вместе, но она знала, что он любил ее. Было несколько прекрасных вечеров в том саду. Ах, она не может думать об этом сейчас, в присутствии отца, к тому же, когда он так мрачен.

– Почему так долго, Чин? Я же сказал привести ее немедленно! – гаркнул император.

– Простите, я просто укладывала волосы.

– Волосы! Скоро это превратится в ерунду, не имеющую значения!

– Что случилось, отец? – взволновано воскликнула Чанг Мин.

– Много чего случилось, дочь, – уже спокойнее проговорил император. – В стране заговор. Этой ночью заговорщики планируют напасть на дворец.

– Что? – ноги у Чанг Мин подкосились.

– Ты немедленно уезжаешь в наши северные предместья. Там тебя спрячут, пока все не уладится... Если все уладится. Ты отправляешься прямо сейчас, Хен Со поедет с тобой, с вами будет небольшой отряд из его лучших воинов.

Мысль о том, что она отправляется куда-то с Хен Со, заставила Чанг Мин испытать немного неуместное сейчас радостное возбуждение, но оно тут же сменилось беспокойством:

– Но как же ты, отец? Ты останешься здесь?

– Я император! Я не могу смотреть, как эти змеи вырывают власть прямо у меня из рук! Я буду сражаться с ними!

Верная мне армия встала на стены дворца, предатели не войдут сюда!

Вдруг с наружи донесся звон мечей и треск ломаемых перегородок.

– Что происходит?! – резко, вскочил отец, хватаясь за меч. Для его комплекции, это было не так просто.

Хен Со подскочил к стене, и отодвинул ширму, выглядывая.

– Все пропало, они уже во внутреннем саду!

– Но как?!

– Нас предали, мой император! Их пропустили без боя! Сражения ведут только мои гвардейцы!

– Моя дочь! Защити мою дочь! – закричал отец.

– Я уже поклялся, что буду защищать ее, как вас! Быстрее, принцесса, может быть нам удастся прорваться к северным воротам!

Но в этот момент мечи рассекли бумажные перегородки, и в зал заскочили люди в черных доспехах. Ничего страшнее Чанг Мин в жизни не видела.

Хен Со молнией метнулся к одному из них, меч сверкнул в воздухе, и враг упал, но через прореху в перегородке за-скакивали еще. Доблестный воин завязал бой сразу с двумя, отец с мечом наголо кинулся на третьего, где-то в углу истошно визжала Чин.

И вдруг, Чанг Мин увидела, что в саду четвертый, и он целится в нее из арбалета.

Свистнула стрела.

С удивлением Чанг Мин увидела, как у нее из груди торчит черное оперение древка, а по расшитому платью расплывается красное пятно. В груди жгло, она почувствовала слабость, и медленно упала на пол. Сквозь застилающий туман, она увидела, как Хен Со, справляется с врагами, и опять неуместно подумала, что он так прекрасен в бою.

Через мгновение она увидела его лицо над собой, перекошенное отчаянием. Он подхватил ее на руки.

– Все, я говорила, что нам не суждено быть вместе, – прошептала Чанг Мин, силы покидали ее.

– Нет, не умирай, я люблю тебя! – вскричал Хен Со.

– Тогда поцелуй на прощание, – проговорила Чанг Мин тихо.

Хен Со смотрел на нее полными болью и слез глазами, а потом наклонился и поцеловал.

Это был самый прекрасный поцелуй в жизни Чанг Мин, и он стал последним.

Саша с громким вздохом выпрямился в кресле. Глаза его были широко открыты, сердце бешено колотилось, а на губах еще ощущался поцелуй Хен Со.

Осознав последнюю мысль, Саша в ужасе вскочил, начал плевать и лихорадочно тереть губы, потом замер, поняв, как глупы его действия.

– Вот же черт, что это было? – выдохнул он.

Но он знал, что с ним только что случилось. Он помнил все это: скучную жизнь во дворце, толстого отца императора и... Хен Со.

Саша позволил себе длинно выругаться.

– Я что, был китайской принцессой? – пробормотал он в замешательстве, и пощупал грудь в том месте, куда ударила стрела. Сейчас там, конечно, ничего не было, никакой крови. Тут он кое-что вспомнил и, оттянув воротник футболки, рассмотрел кожу. Ну точно, его родинка, которая была с детства, находилась точно в том месте, куда ударила стрела.

– Твою мать, нда... – выдохнул Саша.

В том, что увиденные события не плод воображения ему стало ясно со всей очевидностью.

Он никогда не слышал, чтобы воспоминания прошлых жизней сопровождались потерей сознания, да и такой полный перенос в то время и событие, вроде как, происходит лишь под гипнозом.

«Или у меня мозг какой-то особенный или я сам себя случайно погрузил в гипноз, а может... не обошлось без этой дурочки в клетчатой юбочке, и ее домик что-то сделал», – подумал Саша, потирая лоб.

– Так, ну на сегодня хватит, поцелуев еще с каким-нибудь мужиком я точно не перенесу, – пробормотал Саша, вставая с кресла, но глаза его невольно уставились на обложку журнала про компьютерные игры, что лежал на полке, там были

изображены рыцари на фоне замка и...

– Вот дерьмо... – успел сказать Саша, как его снова накрыло.

Он сидел на коне, слегка покачиваясь и ждал когда же его оруженосец, наконец, зачерпнет воды в реке. Глотку нещадно сушило от выпитого накануне, а чертовы доспехи мало того, что были тяжелы, как будто на него навешали связку камней, так еще и притягивали солнечные лучи, ватник под ними уже весь пропитался потом насквозь! Ему казалось, что если конь поскачет галопом, то при каждом ударе задницы о седло из него будут брызгать струи воды, вот будет умора всем этим немывтым крестьянам с луками, что стоят в арьергарде.

– Вот сир, вода, сир Джон, – сказал Томас, разгибаясь и подавая ему шапку с льющейся водой.

– Что это? Надеюсь не твой носок? – пробурчал Джон.

Томас был славный парень, грязноват на лицо, во рту не хватало пары зубов, светлые волосы торчат во все стороны, но в целом неплох для крестьянина. Правда, чересчур услужлив и навязчив.

Джон, довольно крикнув, вылил воду себе на голову. Это немного его взбодрило, но как же болит голова!

– Что вы делаете, сир Джон? Я думал, вы будете пить! – воскликнул Томас.

– Ну и дурак же ты! Пить воду из реки! А! Ну надо же! Я не хочу потом просидеть все сражение, удобряя почву в том лесу. Настоящие рыцари пьют не воду, ну-ка дай мне флягу!

– Вы уверены, сир? Пить вино перед сражением... Да еще после того, как вы столько приняли на грудь накануне...

– Ты что, моя жена, мне указывать, а? – возмутился Джон, погрозив кулаком и чуть не упал с лошади, но удержался, ухватившись за вожжи. – А ну давай сюда мою флягу! Мы взгреем этих чертовых французов, как стаю детей!

– Ну не знаю, их так много и все они так блистательно выглядят, – пробормотал Томас, глядя вдаль, на выстраивающиеся шеренги, и с некоторой укоризной покосился на сира Джона, как будто намекая, что кое-кто выглядит не столь блистательно.

Джон опрокинул в горящую глотку сразу половину фляги, а потом, покачнувшись в седле провозгласил:

– Как только наш король двинется на них, они просто разбегутся, вот помани мое слово, Томас! С нами бог! Сколько еще эти французики будут нас унижать, мы обладаем всеми правами на часть этой земли! Сегодня закончится столетняя война, Томас!

– Э-э, сир, по-моему, уже трубят атаку. Я вижу, как войска сэра Бэдфорда, и сэра Мортимера выдвигаются, вам, наверное, тоже пора.

– А что это за место, Томас? Ик! Такие чудные поля и деревца, ик! Ты не знаешь, ик?!

– Э-э... не совсем. Говорят, тут неподалеку какая-то деревенька Азенкур.

– Вот, запомни это название Томас, Азенкур станет местом моей неувядающей славы и победы английского духа! Мы разнесем толпу этих разряженных французи́ков, как чертовых свиней!

И он воинственно взмахнул фляжкой, неосмотрительно выпустив из рук вожжи. В следующее мгновение небо почему-то оказалось внизу, а потом снова вверх и стало как-то мокро.

– Боже мой, сир! О нет! Вы упали в реку, сир!

– Что за ложь, рыцари не падают в реку! – пробулькала сир Джон, чувствуя, что куда-то погружается, а пахнувшая илом жижа заливается в рот.

– Сир, ох сир, я не умею плавать сир! Помогите, кто-нибудь! Сир Джон упал с лошади в реку! Попробуйте протянуть мне руку, сир Джон!

– Я не упал с лошади! Меня скинула эта строптивая кобыла, черт тебя подери! – успел возмутится Джон, выплюнув фонтан ила, а потом начал погружаться на дно, слыша приглушенные причитания.

– О нет! Кто-нибудь! Помогите, сир Джон упал в реку, и он пьян, он сейчас утонет, а я не умею плавать! Помогите, кто-нибудь!

– От тебя никакого толку, Томас! – нечеловеческим усилием вынырнув, проорал сир Джон, а потом вода накрыла

его с головой, и он погрузился во тьму.

Саша осторожно открыл один глаз и огляделся. Он лежал на полу – ну, хотя бы не на дне реки, и то хорошо. Ага, это была его комната, все в порядке, он вернулся из воспоминания. Черт возьми, как можно было так нажраться перед битвой, что упасть в реку даже не успев доехать до поля боя? Саша не мог поверить, что мог быть таким кретином.

А кстати, что там сказал этот Томас? Азенкур? Главная победа англичан над Францией в 1415 году? И он был там, и просто упал в реку не успев оголить меч? Вот это и называется эпический фейспалм. Так бы, может, кто в учебниках написал о нем, а теперь, имя неизвестного сира Джона свяжут с Азенкуром только если какой-нибудь французский фермер наедет трактором в болоте на его замуфицированный труп, как было с той мумией, найденной не так давно где-то в Европе. Оставалось надеяться, что ученые не узнают, что он умер вовсе не от геройской стрелы.

Ох стрела, Саша снова вспомнил горячий прощальный поцелуй Хен Со, и посетовал, что не истек кровью раньше, чем этот китайский Казанова покрошил всех врагов и решил пообниматься с умирающей любимой.

Глава 3. Перспектива прошлого.

Наутро Саша встал в каком-то воодушевлении. Пережитое вчера, ошеломило его, и в тоже время, наполнило жизнь новыми красками и новым содержанием.

Как такое может быть? Живешь себе в двадцать первом веке, помнишь детство, школу, и вдруг, кроме этого, как какое-то далекое забытое прошлое, всплывает нечто такое: целая жизнь, в другом теле в другом времени. Яркие эмоции, испытываемые к тем другим людям, живые и настоящие, теплятся внутри, лица родных людей стоят перед глазами. Другой отец, другая мать, он помнит, какими они были, как они смеялись или как гневались.

Черт, он был девушкой, какой-то китайской принцессой – подумать только! Но он помнил это так же ясно, как, например, себя в школе, уже в этой жизни. Он помнит себя несмышленным школьником, конечно, немного другим, чем сейчас, с другими, детскими, взглядами на жизнь, но это был он – и в этом невозможно сомневаться. Так же точно, он помнил себя китайской девушкой. Она другая, жила в другом времени, имела другие взгляды на жизнь, но она – это он, он чувствовал это без всяких сомнений.

Воспоминания все время лежали на поверхности. Забытое прошлое пронизывало всю его жизнь. В детской игре с китайским домиком совпадало почти все. Имя девушки Чи-

ан Ми – измененное Чанг Мин. Страж, которого она любила, был просто Хен – сокращение от Хен Со. Одна из фигурок монахов была отцом девушки, и Саша помнил, что ему все время не нравилось, что эта фигурка худая, а толстых монахов в комплекте не было. Детский мозг адаптировал имеющиеся элементы, превратив игрушечный китайский храм в дворец, а фигурки – в действующих лиц той истории.

Он играл в это и никогда не задумывался, откуда все это взялось. Ни он, ни кто-либо вокруг, наблюдавший за его играми, никогда не видел в этом что-то необычное. Сколько детей в мире играют в свои прошлые жизни, и ни их родители, ни они сами, не осознают этого?

Рыцари и Азенкур тоже проявлялись в играх и предпочтениях. Саша до сих пор любил исторические фильмы про средневековые войны. И помнил, как в школе, когда вскользь прочитал в каком-то учебнике про эту битву, очень заинтересовался, ходил в библиотеку, и, найдя какую-то энциклопедию, прочитал об этом всю статью. Он как сейчас помнил, что узнав о победе англичан, подумал: «Ага, они-таки взгрели этих французиков!». И опять, вот же забавно, ему не пришло тогда в голову обратить внимание, почему он так подумал, и откуда всплыло подобное неpolitкорректное обозначение жителей Франции, которые ему, вроде бы, на тот момент ничем не насолили.

Сколько таких случаев было в жизни? Вероятно, много, и все их он просто никогда не замечал, а сейчас уже и вовсе

успел позабыть.

Саша машинально собрался в Академию, продолжая поражаться, как не вспомнил раньше, и как все это удивительно.

Учеба начиналась с двух часов, первая половина дня была посвящена работе в лаборатории, где он подрабатывал, как младший сотрудник. Но и там, Саша, бомбардируя пластинку альфа-частицами, возвращался мыслями к приключившемуся вчера открытию прошлых жизней. Неужели это все она? Как Сана Серебрякова это с ним проделала?

– Что-то ты отстраненно выглядишь, – заметил Толик, когда они вновь сидели на обеде в столовой.

– Лучше не спрашивай...

– Что, побывал вчера на какой-то жаркой вечернике без меня?

– Ага, типа того, обе были просто убийственные в прямом смысле слова.

– Даже на двух? Мне впору обидеться, Саня. Как ты мог пойти туда без меня? Наверняка получил поцелуй какой-нибудь жгучей красавицы, а я опять...

Саша, вновь пивший газировку, поперхнулся и закашлялся.

– Толик, только не надо о поцелуях. Пожалуйста, – взмолился он.

– Ну ты даешь! У тебя же девушка есть, а ты обжимаешься на вечеринках с другими?

– Отстань, ты не знаешь, о чем речь, а мне долго объяснять. Скажем так, я был сам не свой.

– Блин, Санёк, опять смешал коктейли? Как я тебя понимаю, ты уверен что, после поцелуя ничего больше не было?

Саша опять поперхнулся и отставил стакан в сторону.

– Слушай, Толик, ты можешь вставлять такие фразочки не тогда, когда я пытаюсь допить свою колу?!

– Прости, я больше не буду. Но что ты так реагируешь? Так ты уверен?

– Более чем, после поцелуя я уже был практически мертв.

– Да, Саня, кто же пьет перед сражением...

Саша уставился на друга:

– Что ты сказал?

– Э-э... Ну ты прости, если обидел.

Саша тем временем пораженно разглядывал его.

– Офигеть! Это же ты!

– Э-э...

– Мой оруженосец! Ты был моим оруженосцем, Томасом!

– Саня, похоже, ты вчера чересчур много выпил.

Саша вглядывался в друга и все более уверялся в том, что не ошибся. Конечно, лицо немного другое, лишенное крестьянских грубых черт, но в то же время, что-то в нем есть от того самого Томаса, эти светлые волосы и смеющиеся зеленые глаза. Точно, глаза. Это были глаза его оруженосца То-

маса. Саша не мог в это поверить!

Он воскликнул:

– Ты ничего не помнишь? Тринадцатый век, битва при Азенкуре, я упал в реку пьяным?

– Ты что несешь, Санёк? Поцелуй той жаркой девицы, похоже, окончательно лишил тебя мозга. Какой еще тринадцатый век? Сейчас двадцать первый, Саня.

– Поразительно, ты был моим оруженосцем, ха-ха, это многое объясняет!

– Ты что, пытаешься меня оскорбить? Дохлый номер. И не был я никаким твоим оруженосцем!

– Ну да, слышал когда-нибудь о реинкарнации?

– Интеллигентные и образование люди, Саня, типа меня, такой ерундой не интересуются.

– А про столетнюю войну между Англией и Францией слышал?

– Чего? Как может война длиться сто лет? Не выдумывай.

– Да уж, ты все такой же интеллигентный и образованный, Томас, как я посмотрю, – засмеялся Саша.

– Смейся-смейся, хотя я даже не понимаю, о чем ты, – обижено сложил руки на груди Толик, и отвернулся.

К ним подошла Нина.

– Привет, Толик, – поздоровалась она, а на Сашу взглянула довольно неприязненно.

Она от чего-то считала, что Саша дурно влияет на Толика и вообще человек не из тех, с кем стоит проводить много

времени. Что бы, интересно, сказала Сана об этом? Но такое ее отношение было понятно, почти все, с кем общался Саша, считали ее ботаничкой и заучкой, ей от этого не было повода питать особую симпатию к самому Саше.

У нее была короткая стрижка, темные волосы. Большие круглые очки. В принципе, Саша находил ее симпатичной, хотя не в его вкусе. Он любил девушек чуть ярче. Но если бы не эти очки, мешковатые кофты, что она все время носила, и ореол упертой хорошистки, многие бы обращали на нее внимание.

– А со мной что не здороваешься, Нинка? – поинтересовался Саша. Он, при всем ее отношении, всегда был не против с ней поболтать. Все-таки они учились в одной группе, она разбиралась в физике, а девушки, с которыми Саша проводил время обычно, о физике имели весьма призрачное представление.

Нина холодно проговорила:

– Во-первых не Нинка, а Нина. А во-вторых, с тобой я не здороваюсь. Опасаюсь, знаешь ли, вдруг я от этого превращусь дурочку-блондинку.

– Да ладно, тебе бы не помешало, – брякнул Саша неосмотрительно, за что заслужил колючий взгляд.

Она села рядом с Толиком, поставив сумку на стол.

– Нина, Санька обзывает меня оруженосцем!

Нина посмотрела на Сашу строго. С очками на лице, у нее это получалось очень выразительно:

- Что? Ты уже не знаешь, как еще обозвать своего друга?
- Да это не обзывательство, что ты сразу?
- Он говорит меня, звали Томас и при каком-то Аренкуре или Аракуре, я уронил его в реку или он сам туда свалился.
- Что? Азенкур?
- Прикинь, он не знает, про Столетнюю войну, а ты с ним водишься, – усмехнулся Саша.
- Я не удивлена, это же Толик, что ты от него хочешь?
- Вы меня разыгрываете? – спросил Толик. – Как можно сто лет воевать, такого не бывает!

Нина мотнула головой:

- Бывает, Толик. Столетняя война длилась между Францией и Англией из-за нескольких клочков земли с 1337 по 1453.
- Ого, ты помнишь все даты? – заметил Саша.
- Я читаю книги, в отличие от вас обоих.
- Я думал, битва при Азенкуре закончила эту войну.
- Совсем нет. На самом деле эта битва положила начало новому горячему этапу войны.
- Ты как ходячая энциклопедия, за это я тебя и люблю! – воскликнул Саша.
- А что, твоя девица Карина с длинными ногами не просвещает тебя по истории?
- Ты шутишь? Она просвещает меня в вопросах ухода за волосами.
- Печально.

– Я не знал, что у Франции с Англией когда-то были терки. Да еще целые сто лет... – продолжал выражать сомнения Толик.

– Война не шла непрерывно все сто лет, это условное название, там были периоды горячих столкновений и периоды совершенного затишья, – сказала Нина. – А про Наполеона ты тоже не слышал?

– Как это, не считай меня совсем дремучим. Император, Благодетель Европы. Кто не знает Наполеона, вы что?

– Он был императором Франции и у него тоже была война с Англией, а ты говоришь не слышал о войнах этих стран.

– Правда?

– Это потом он захватил всю Европу, заключил союз Российской Империей, а с Англией договорился.

Саша решил тоже блеснуть знаниями:

– Я читал, что если бы он настоял на континентальной блокаде Англии, Россия бы, скорее всего, отказалась, союз был бы разрушен и ему пришлось бы напасть на нас. Была бы война между Россией и Францией, кто бы мог подумать?!

– Да? Не знаю, мне кажется, это была бы сушая глупость. К счастью, этого не случилось. Иначе история бы пошла совсем другим путем, и кто знает, кто бы тогда дал Европе законы и экономику нового типа, а наша страна вряд ли бы получила такое влияние на мир впоследствии.

– То есть, ты считаешь, Российская Империя много выиграла от дружбы с Наполеоном?

– Наверное, да. В девятнадцатом веке были заложены основы наших связей и влияния на все части света, не только Европу.

– Да, вот только немцы нам слегка подмочили мировое господство, уничтожив обе столицы и чуть не стерев с лица земли как государственное образование, – хмыкнул Саша.

– А к чему, вдруг, все эти разговоры об истории, вы мне так и не объяснили, причем тут Азенкур? – напомнила Нина.

– Я вспомнил пару прошлых жизней. Ты веришь в такое?

– Что? Ты совсем спятил. Ты где учишься? Мы физики.

– Я серьезно! Я был в битве при Азенкуре! Вернее... видел подготовку к ее началу, потом там, э-э... со мной произошла одна неприятность, и я умер. А Толик был моим оруженосцем Томасом!

– Твой друг ловелас окончательно свихнулся, – сказала Нина Толику.

– Он был вчера на какой-то вечеринке, даже двух, – пояснил Толик. – Наверное, принял что-то не то, знаешь ведь, там могут впарить всякую дрянь.

– Но я надеялась, этот красавчик не такой debil, чтобы глотать кислоту! – проговорила Нина, оглядывая Сашу с подозрением.

– Нет-нет, вы что? Я ничего не принимал. Не знаю, зачем я сказал вам о воспоминаниях, Толику я не собирался рассказывать подробностей, но я думал, ты то мыслишь более прогрессивно. Это он так и остался крестьянским парнем, не

смотря на богатых родителей в этой жизни.

– Я собираюсь быть физиком, Саша. А не теткой в платке со стеклянным шаром, зачем мне думать о глупых эзотерических теориях, – ответила Нина.

– Это все Сана, она дала мне какой-то домик, и я вдруг вспомнил... Забудьте, может быть, это и правда были какие-то глюки.

– Сана? Кто это? Я слышала где-то такое имя, – сказала Нина.

Толик воскликнул:

– Как! Я же тебе рассказывал! Удивительная девчонка со сверхспособностями!

– Что? Она существует? Я думала, ты придумываешь какие-то небылицы, насмотревшись чего-то по телеку.

– К сожалению, она существует, – кисло вставил Саша.

– И что, она умеет летать?

– Я не говорил, что она умеет летать, что ты выдумываешь? – обиделся Толик.

Саша вздохнул:

– Она не умеет летать, читать мысли и баловаться телекинезом. Обычная девчонка, хотя пыталась меня вчера убедить, что аннигилировала стакан из-под газировки силой мысли.

– И она вызвала у тебя воспоминания о прошлых жизнях? Погрузила в гипноз, что ли? – спросила Нина.

– Нет, дала мне игрушечный домик и сказала вспомнить,

во что я играл в детстве.

Нина смотрела на него, не мигая.

– Я как-то никогда не понимала ваши с Толиком шутки. Ну ладно он, но тебя, при всех твоих недостатках, я считала посерьезней. Чудо-девушка, вызывающая видения?

– Я вовсе ее чудом не считаю. Но она как-то разбудила мне память прошлого, и я не могу это объяснить.

– Гламурные девочки закончились, решил перейти на чудачек, Саша?

– Я вообще не знал о ее существовании, она просто нашла меня и пристала.

– Ну, тебе это не впервой – отбиваться от назойливых поклонниц.

– Нет, таких, как она, я еще не видел. Это нечто.

Толик встрепенулся:

– Слушай, а не Сана ли была той знойной девицей, что подарила тебе незабываемый поцелуй на вечеринке, о которой ты рассказывал?

– Сбрендил? Я всего пару раз виделся с этой чокнутой. А та знойная девица, что меня поцеловала... она бы тебе не понравилась, можешь мне поверить.

– Пару раз? Так ты с ней уже был на втором свидании? Ну ты рискованный парень, Саня. Она же опасна!

– Боюсь, что она уже перевернула мою жизнь с ног на голову, и никуда теперь от нее не деться.

Саша как в воду глядел.

Отсидев пару, он пошел домой, чувствуя, что еще не до конца пришел в себя после вчерашнего, и стоит провести день в тишине и спокойствии.

Он вышел из здания, пошел по главной дорожке к воротам, и зазвонил телефон, это оказалась Карина.

– Привет, – проговорила она. – Почему не звонишь? Ты, как будто, забыл обо мне!

– Я... у меня тут... я просто закрутился, извини.

– Послушай, Саша, у меня такое чувство, что ты мной совсем пренебрегаешь!

– Да нет, я вовсе не... Ты сказала, пренебрегаю? Блин, откуда ты это взяла? Я только о тебе и думаю!

– Ты не сказал мне сейчас, что соскучился!

– Света, просто последнюю пару дней...

– КАК ты меня назвал?!

– О, господи! Карина, извини, меня что-то сглючило! Я сегодня сам не свой, со мной такое было! Но я даже не знаю, ты, наверное, не поймешь...

– Ага, то есть последнюю пару дней ты совсем обо мне не думал и не скучал. Я так и поняла, Саша. Когда я звонила последний раз, ты даже меня не слушал!

– Слушал, ты говорила о волосах. Мне это, от чего-то, так запомнилось...

– Кстати я сходила к одному классному стилисту и он мне посоветовал один бальзам... У него оказался один лишний, я сразу купила...

– Ну конечно, затем он и советовал, – хмыкнул Саша.

– А между прочим, стилист вообще классный, он и муж-чин стрижет, тебе надо к нему сходить обязательно, он...

– Карина-Карина, давай не будем о стилистах, в самом деле, у меня и так голова с утра пухнет!

– Вот видишь, тебе не интересны мои проблемы! Почему ты такой? – Ну, Света, блин...

– ЧТО?!

– О черт... да что со мной сегодня?! Карина, честно, я не понимаю откуда вдруг взялось это имя Света, и почему оно выпрыгивает. Слушай, давай сходим куда-нибудь сегодня ве..., нет, пожалуй не сегодня. Завтра. И я послушаю и про стилиста и про...

Вдруг он замер, увидев, что Сана Серебрякова ждала его на дорожке впереди. Вокруг опять подозрительно никого не было, она стояла под опадающими листьями, неподвижно, снова без верхней одежды лишь в одной форме Академии, хотя на улице похолодало еще больше. На жухлой траве все еще виднелся утренний иней, но Сана, как будто, не замечала холода, стоя с лучезарной улыбкой.

– Саша? Саша, ты что замолчал? – пищала трубка у уха и уже, видимо, давно.

– А? – опомнился Саша. – Извини, мне сейчас некогда, меня тут ждут. Я вечером перезвоню.

Карина что-то возмущенно начала выговаривать, но Саша нажал отбой и сунул телефон в карман. В самом деле,

он не собирался слушать про какого-то стилиста, тем более, когда там стоит и пялится на него эта чудаковатая девчонка, изображая памятник самой себе. Не мудрено, что о ней ходят всякие слухи – надо же так замереть посреди дороги без движения.

И что за Света выскакивала в разговоре? Это какой-то полный дурдом. Единственную Свету, которую он знал, была эта вечно хихикающая подружка Машки, но он бы призирал себя до конца жизни, если бы имел с ней какие-то шашни. А сейчас, его переклинило, он почему-то подумал, что его девушку зовут Света, а не Карина. Надо же, бывает же такое.

– Привет, – попытался быть вежливым Саша, подходя.

– Здравствуй, братец, – улыбнулась Сана, склонив голову и разглядывая его. – Это была Карина? Я могла и подождать. Вдруг она хотела сказать что-то важное?

– Как ты узнала, что это Карина? Постой, а откуда ты вообще знаешь, кто такая Карина?

– Ой, сколько вопросов враз, Саша. Я же говорила, я много чего знаю о твоей жизни, в силу того что...

Сцепив руки за спиной, она шагнула к нему, приподнялась на цыпочки и, заглянув в глаза, закончила:

– Я умею смотреть на мир из твоих глаз.

– Да-да, конечно, не рекомендую делать это, когда я в туалете.

– Ах, я не видела ничего столь уж примечательного.

Сана крутанулась на месте, отошла и спросила не оборачиваясь:

чиваясь:

– Весело провел вчерашний вечер?

– Весело? Ты шутишь? Меня, по меньшей мере, два раза убили, я вспомнил себя принцессой, и какой-то древний китаец в пластинчатых доспехах, целовал меня по-французски, пока я валялся на полу со стрелой в груди! Если не считать этого, вечер был неплох, спасибо, что спросила.

Девушка обернулась:

– Ты вспомнил жизнь Чанг Мин? Молодец.

Саша уставился на нее, как громом пораженный.

– Откуда ты знаешь, как ее звали?

– Потому что я тоже помню эту жизнь, дурачок, мы же одно сознание, спроецированное в два тела, забыл? Я осознаю некоторые твои жизни, они тоже, как часть меня.

Саша завис на добрую минуту. Чтобы не несла эта девчонка, он никак не мог поверить, что может быть каким-то ее параллельным воплощением. И черт, есть ли объяснение тому, что она только что угадала имя из вчерашнего видения?!

– Мы в той жизни были слиты в одно воплощение? – уточнил он.

– Нет. Но та твоя жизнь была лучше многих. Ты обратил внимание, как Чанг Мин высокосознательна? В ней теплилась память о прошлых жизнях, она помнила, что не всегда ее волосы расчесывала служанка, когда-то она делала это сама. Перед этим была жизнь в Европе простой крестьянской девушкой.

– Я будто перенесся туда! Словно меня погрузили в гипноз.

– Такой перенос, стал возможен, благодаря моим способностям, которые доступны частично и тебе, хоть ты этого и не осознаешь. У других людей воспоминания приходят, скорее, чередой образов и ощущений. Они могут быть довольно яркими, как воспоминания детства, но не более того.

Саша удивленно ее разглядывал. Она так серьезна, как будто прошлые жизни и двойные тела – нечто в порядке вещей и совершенно нормально! Он спросил:

– Можно этот перенос делать не отключаясь? Я вчера себе чуть шею не свернул, упав с кресла.

Сана пожала плечами:

– Тебе просто нужна сноровка. Я могу в одно мгновение войти в эти воспоминания, пережить там час или два и вернуться обратно. Все это, не прерывая разговора с тобой!

– И ты не теряешь сознания?

– Нет. Я даже могу ассоциироваться с двумя-тремя такими своими воплощениями одновременно.

– Ну, ты просто экстрасенс восьмидесятого левела, сестренка!

– Мне не нравится слово экстрасенс. Навевает какую-то ассоциацию с типами, что вызывают духов, снимают порчу и читают будущее. Я личность, осознающий свою многомерность.

Саша просто не мог поверить и умолк. Девушка смотрела

на него с полуулыбкой, склонив голову на бок. Саша, не выдержав поинтересовался:

– Но как ты это делаешь? Оказываешься в самых неожиданных местах, безошибочно все угадываешь. И узнала имя той китаянки! Что это, если не какие-то экстрасенсорные способности? Черт, да я уверен, что ты что-то сделала с этим домиком, чтобы я вдруг увидел вчера прошлые жизни!

Девушка мотнула головой:

– Нет. Ты сам вспомнил, я лишь заставила тебя задуматься о том, что ты такое в этом мире, благодаря чему, твоя память о прошлом стала пробуждаться – только и всего.

– Ты добила своего – я удивлен. И даже очень. Но как? Это какой-то фокус? Гипноз на расстоянии?

– Ты что, упертый материалист? Никак не хочешь принять то, что я тебе втолковываю?

– Я учусь на физика, малышка, кем мне быть, если не материалистом?

– Именно физики будут первыми, кто через науку наткнется на магию и признает ее существование! – рассмеялась Сана. Потом она посерьезнела и тщательно проговорила, с видом, что ей надоело повторять одно и тоже: – Это не фокусы и не трюки. Ты – мое параллельное воплощение в этой реальности, поэтому я помню, тоже, что и ты, многое знаю о твоей жизни, и даже угадываю, как ты выразился, твои мысли.

Саша оторопело смотрел на нее, потом почесал затылок,

озираясь, куда бы присесть, чтобы переварить все это, но поблизости не было ни лавочки, ни камня. Просто поразительно, неужели может быть правдой, все то, что она говорила? Но одно стоит признать, встреча с ней, что-то меняет в нем самом. И вчера он увидел две свои прошлые жизни, и это действительно не фокус и не какой-то наведенный гипноз, он чувствовал это. Он помнил те жизни! Черт, да он играл в эту китайскую жизнь в детстве, как Сана могла это подстроить? И как она смогла назвать имя, которое он сам узнал только вчера и никому не рассказывал о нем?

– А как звали война, что устроил мне засос? – прищурившись спросил Саша.

– Ты решил устроить мне проверку? – заулыбалась Сана. – Его звали Хен Со. Еще есть вопросы?

– О боже! – выдохнул Саша, попятившись.

Она реально читает его мысли! Или действительно помнит! Или все вместе! Одно имя можно угадать, пусть это маловероятно, или почти невозможно, но два имени из видения, которое никто больше не видел, и о котором он никому не рассказывал? Как? Невозможно!

– Все возможно в этом мире, Саша, совершенно все, – засмеялась Сана, чем ввела его в еще большее смятение. – Я помню эту жизнь намного лучше тебя, так что могу назвать тебе все имена и описать события в деталях. Хочешь поиграть в эту игру еще?

– Э-э... не знаю...

– Ты пока вспомнил только часть, наиболее эмоциональное событие – момент смерти. Это часто вспоминается первым делом. А то, что было в саду ты ведь не помнишь?

– Только какие-то обрывки мелькнули. Мы с этим китайцем.. ну этим Хен Со, были на каком-то свидании.

Сана прикрыла глаза и заговорила:

– Это был чудесный вечер, нам удалось встретиться в саду, я не знала, как он ко мне относится, но любила его уже давно, и лишь иногда ловила на себе его взгляды, мне казалось, что в его, таких всегда холодных глазах, что-то теплится. Надежда грела меня. В тот день, в саду, мы признались друг другу в любви и первый раз поцеловались. Мы поклялись любить друг друга вечно, хотя знали что это невозможно, ведь я была принцесса, а он просто солдат моего отца, – она открыла глаза и улыбнулась: – Я могу описать всю биографию той жизни в подробностях. Хотя момент со стрелой, был там, пожалуй, единственный интересный.

– Эта жизнь так оборвалась, может быть, там все бы еще было, – пробормотал Саша.

– Что это? У тебя в уголке глаз выступила слеза? – засмеялась Сана.

Саша быстро смахнул ее рукой:

– Ну... так печально. Ведь я так любила Хен Со, и вот, когда нам больше ничего не мешало, отец собирался отправить меня с ним... нас убили.

– Нет, Хен Со остался жив, он умудрился выбраться отту-

да и прожил после этого еще сорок лет.

– О... Так долго? – удивился Саша с некоторым разочарованием. – Но меня ведь с ним уже не было. Нас разлучили навсегда...

Сана со смешком произнесла:

– Не расстраивайся, малышка Чанг Мин, Хен Со был тем еще засранцем!

– Откуда ты знаешь? – возмутился Саша.

– Потому что после этого была еще куча жизней, и в парочке из них, этот урод изрядно попортил нам крови!

– Ну вот, зачем ты рассказала, разрушила светлый образ!

– Просто не бери в голову, – отмахнулась Сана.

– Не могу понять, как мы помним одно и то же! А рыцаря, что упал в реку ты тоже помнишь?

– Помню. И еще с десятков подобных бравых воителей.

– Так много?

– И все, как правило, довольно недалекие. Видимо, в них много от тебя. Когда я воплощаюсь в одном времени и пространстве двумя личностями, вторая частенько оказывается ущербной. Издержки ситуации.

– О да, ты же у нас супер волшебница, как уверен Толик.

– А ты в это не веришь? – склонила она голову на бок.

– Послушай, моя незабвенная, внезапно обретенная сестренка, даже если я, вдруг, стал видеть свои прошлые жизни и готов признать, что между нами, вероятно, есть какая-то ментальная связь, которую я не способен объяснить, я, тем

не менее, не стал от этого безоговорочно верить в любую бредятину, которую ты скажешь или, тем более, которую может выдумать наш чересчур впечатлительный Толик!

– Будущее тебе все покажет, Саша. Я уже начала тебя развивать, скоро тебе будет открываться все больше.

– Вот-вот, так и представляю, что ты отловила моего бе-долагу оруженосца в коридоре, возникла так вот эффектно перед ним, как ты это умеешь, похлопала глазками, наплела чего-то в том же роде, и он решил, что ты, по меньшей мере, с другой планеты, умеешь летать, швыряться файрболами, и читать мысли.

– Ну, это не все мои таланты, можешь мне поверить.

– О, даже так? Ну-ну, конечно. Кстати, он что, действительно был моим оруженосцем в той жизни при Азенкуре?

– Да, и ты сам это знаешь. Анатолий, без сомнения, глу-поват и впечатлителен, но как видишь, иной раз стоит его слушать, чтобы не завершить славный военный поход на дне реки. Вот и в этот раз, называя меня волшебницей, он не так далек от истины, и как будто подсказывает тебе то, что ты никак не желаешь видеть.

– Да ну. В чем же твоя сила, кроме того, что ты можешь подглядывать за мной в туалете?

– То, что я умею, это не волшебство, а природные способ-ности каждого сознания. Я лишь в совершенстве управляю своими мыслями.

– Да? Только и всего? Ну, сестренка, боюсь тебя разоча-

ровать – в этом ты, вряд ли, уникальна. Хороший самоконтроль доступен многим.

Сана загадочно улыбнулась:

– Нет Саша, с самоконтролем нет ничего общего у того, о чем я говорю. Я управляю своими мыслями. – Она значительно помолчала и продолжила: – Спроси себя, можешь ли ты уничтожить свою мысль или создать по одному лишь желанию?

– Ну... э-э... наверное, – Саша что-то засомневался, девочка умела запутывать.

– У тебя есть сейчас мысль, что ты не умеешь летать. Замени ее на противоположную, и ты взлетишь.

– О чем ты? Люди не умеют по законам физики, это просто невозможно!

– Ах, вот видишь, людям мало своих глупых ограничивающих мыслей, так они еще и, сбиваясь в группки, собирают и каталогизируют всякие нелепости, называют их законами физики и вкладывают эти мысли друг другу в головы, а потом и всем остальным. Так возникает наука, и наш мир вслед за ней.

– То есть ты из тех, кто считает идею первичной материи?

– Не правильная постановка вопроса. Идея и материя возникает одновременно, а порождает их думающее сознание.

– Черт, разве это не то же самое?

– Не бери в голову, Саша, ты сначала разберись со своей мыслью о полете, ты можешь ее уничтожить и взлететь? Это

не закон физики. Это твоя личная мысль. Физика как раз набор идей, шаблон, программа, вложенная тебе в голову окружающим сообществом людей, договорившихся, что так мол и так, в этой реальности нельзя будет летать без крыльев. Это просто базовое представление, и оно вызывает у тебя мысль – я не могу летать. Так вот, вернемся к первоначальному вопросу: можешь ты растворить мысль о невозможности полета или заменить на противоположную?

– Пожалуй, нет...

– Тогда ты не взлетишь. А я могу, потому что я управляю своими мыслями и могу менять базовые представления. Лишь наши мысли управляют всей этой глобальной иллюзией вокруг, меняя их, я обладаю почти беспредельными возможностями.

– Твое «почти» меня обнадеживает.

– Почти, потому что, я только учусь, впрочем, как и все вокруг. Управлять своими мыслями, как ты убедился, не так легко, так что и у меня еще остаются базовые представления, которые сложно даже просто пошатнуть, не то что преобразовать в другие. Но я уже многого достигла. Для большинства людей, моя сила покажется божественной. Я умею менять эту реальность в довольно широких пределах, и многие из тех других, до которых способна дотянуться. Поэтому я могу скромно назвать себя богиней. Богиней мультиреальности.

– Богиня мультиреальности? Да ты сбрендила, Сана! Мо-

жет тебе просто нравится играть в такую типа девочку-волшебницу?

– Элемент игры в моей поведении есть. Это довольно весело, – призналась Сана.

– Ну вот, так бы сразу и сказала! Тебе нравится быть чудачкой, эпатировать окружающих и обрушивать на них тонны метафизического бреда.

– Я не буду спорить, пока достаточно и того, что ты стал чувствовать – природа реальности куда шире, чем тебе казалось раньше, тебе открылся опыт прошлых жизней, и ты прислушиваешься к моим объяснениям, больше не смеясь над каждым словом.

– Но я повторяю – не думай, что я верю всему, что ты говоришь.

– Я этого и не жду.

Вдруг у волшебницы зазвонил телефон.

– Прости, я отвечу, это мама. Алло... Нет, я не на учебе... Нет, я еще не ходила за хлебом и у меня дела. Ну мам! Ну ладно...

Она выключила телефон, и виновато пожав плечами, проговорила:

– Мне надо идти, но я навещу тебя позже.

– Да, я слышал, богиню мультиреальности погнали в магазин за хлебом.

– Понимаю твою иронию, но кое-в-чем я стараюсь жить обычной жизнью. Мне она нравится, есть вещи, которые я в

ней цену. Например, мои родители, не во всех жизнях они у меня были. У Чанг Мин, например, отца порубили в капусту солдаты заговорщиков, так что, Саша, надо ценить, то, что у нас есть сейчас, даже если это кажется неважным.

Он только развел руками, не зная, что ответить. Девочка-то, оказывается, может быть серьезной, и ничто человеческое ей не чуждо.

Сана грациозно пошла по дорожке прочь, а Саша задумчиво проводил ее глазами.

Придя домой, он забыл позвонить Карине, и даже не думал об этом, первым делом включив ноутбук, чтобы найти какую-то информацию обо всех этих вещах, что рассказывала странная девчонка.

Немного поостыв после встречи, он решил, что глупо принимать на веру все рассказы Саны, каким бы впечатляющим опытом и совпадениями они не сопровождались. В конце концов, он будущий ученый и должен подойти к делу, как ученый. А именно, собрать информацию, внимательно проанализировать все данные, поискать доказательства. А без этого, услышанное лишь гипотеза.

Саша почитал о реинкарнации и случаях когда люди вспоминали прошлые жизни. Оказалось, подобное случалось сплошь и рядом. Он также почитал о гипнозе и внушении, но это не очень то подходило ситуации. Так можно было бы объяснить, откуда она знает содержание его видений, но не то, что он играл в детстве в такую игру, и сильные чувства,

вызываемые увиденным воспоминанием.

Где-то в момент, когда он сидел, углубившись в чтение статьи про методы регрессии в прошлую жизнь, ему позволил Дэн и напомнил, что они собирались всей компанией пойти в кино. Саше было совсем не до этого, он отделался от друга сославшись на нездоровье.

На небе уже светили звезды, когда он выключил ноутбук и устало откинулся на спинку кресла. Голова пухла, он не нашел каких-то более менее удовлетворяющих его ответов, как она, черт возьми, это делала. Ну что ж, хотя бы он узнал, что в мире встречаются такие вещи, и некоторые психологи их изучают, и даже пытаются как-то их объяснять научно. В конце концов, что мы знаем о сознании, мозге и как это работает? Не так уж много. Сам факт квантовой телепортации еще недавно казался чем-то невообразимым, а сейчас нормальная часть сегодняшней физики. Может быть, и эти все вещи про прошлые жизни и всякие параллельные инкарнации станут частью науки.

Саша потерял глаза, выключил комп, и лег спать, решив завтра во всем разобраться. Или послезавтра.

Глава 4. Девятнадцатый век и Мари.

Этой ночью Саше приснилась Сана. Во сне он сам был ею, вернее, как будто, находился у нее в голове таким наблюдателем смотря на мир ее глазами. Но это было еще не самое странное. В этом сне Сана была, как будто, не Сана, а некой женщиной в каком-то с виду девятнадцатом веке. Тем не менее, он откуда-то знал, что это именно она, в такой другой ипостаси.

Ее звали Мари де Лакруа, ей было сорок три, но она выглядела чуть моложе. На голове красовалась шляпа-кокошник, немного устаревшая для последней моды, и черное кружевное платье, впрочем, тоже, достаточно консервативное для парижских салонов. Но Мари не было дела до того, насколько модно или не модно она выглядела. Она и без этого умела производить впечатление обаятельной и красивой дамы, на которую бы с интересом посмотрел любой мужчина. Но и мужчины ее совершенно не интересовали.

Мари де Лакруа была аристократкой по происхождению, но род ее деятельности был таков, что в двадцатом первом веке ее называли бы, наверное, правозащитницей. Однако, в Париже 1863 года еще не было такого устоявшегося определения, а тех, кто занимался, чем-то подобным считали в лучшем случае оригиналами, в худшем опасными смутьянами и революционерами, затевающими разрушить последние

устой общества.

Сейчас Мари шла по улице, сильно спеша в свою небольшую конторку на углу Сент-Женераль и Риволи. Вот и знакомая дверь с квадратными оконцами. Мари распахнула ее, буквально влетев в маленькое помещение, похожее на какую-нибудь лавку скобяных изделий, но здесь стоял массивный деревянный стол с зеленой лампой, за которым было большое окно и шкаф с бухгалтерскими книгами и папками бумаг.

Жаклин, сидевшая за столом и перебиравшая бумаги, вскочила:

– Мадам де Лакруа! Вы уже здесь!

– Да, какие известия из жандармерии, Жаклин? У меня крайне плохое предчувствие, поэтому так спешила.

– Они хотят его повесить!

– Я так и знала. Когда?

– Прямо сейчас.

– Что?!

– В полдень, на площади Роз.

– Но уже почти полдень!

– Поэтому я и говорю, что сейчас! Там уже собираются люди, эшафот собран. Все пропало, мадам, мы не успели.

– Нет, я успею, Жаклин, я не дам им этого сделать.

С этими словами она решительно выскочила на улицу.

Жаклин побежала за ней, восклицая:

– Но что вы собираетесь делать, мадам де Лакруа? Все

кончено. Мы ничего уже не можем сделать! Вы что, вытаскиваете его прямо из петли у всех на глазах?!

– Если это потребуется.

Часы на башне начали отбивать полдень, и Мари вздрогнула. Тревожащее чувство, гложущее ее с самого утра, разрасталось в груди с каждым вдохом, она чувствовала, что это случится совсем скоро.

– Мадам, мы не успеем! Что же с вами?!

– Успеем, площадь Роз совсем рядом, Жаклин. Возвращайся в контору. Я вернусь с ним через несколько минут, вот увидишь.

– Вы сошли с ума, мадам! – запыхавшаяся Жаклин совсем отстала, и остановилась. – Мадам! – Нет ответа. – Удачи вам, мадам! – выкрикнула девушка.

Мари не оглянулась, но пробормотала:

– Удача всегда на моей стороне, и я надеюсь, я ее достаточно приручила, чтобы она не отвернулась сейчас. Ах, да поможет мне Господь!

Два квартала она бежала, не помня себя, подхватив юбки. Степенные прохожие в удивлении шарахались от бегущей по мостовой дамы, седлающей честь любой скаковой лошади по скорости. Но сейчас она не думала о приличиях, в ее голове горело только одно – она должна спасти этого человека, он не должен умереть. Не сейчас.

Впереди стали сгущаться люди, площадь была заполнена ими. Зевак полюбоваться на казнь всегда хватало – что мо-

жет быть интересней для просвещенного горожанина, праздно шатающегося в выходной день? Мир меняется, приходит технический прогресс, а люди все те же. Если бы здесь рубили головы, а не занимались более «гуманным» повешиванием, то зевак бы, наверняка, собралось в два раза больше.

– Разойдитесь! – крикнула она в толпу.

И такая сила прозвучала в ее голосе, что люди, казалось бы, целиком поглощенными монотонным голосом черного судьи в белом парике, зачитывающего приговор, просто раздались в стороны, как волны, перепугано оглядываясь.

Мари легко преодолела остаток пути до эшафота по образовавшемуся проходу, замедляя шаг. Она уже успела, теперь она не даст этому случиться.

Судья с длинным свитком, помпезно стоящий на помосте, скорее почувствовал, чем увидел, как толпа затихла, и что кто-то приближается к эшафоту. Он запнулся на середине этого, заготовленного в канцеляриях, обвинения, припустил свой папирус и приподнял одну бровь, взглянув на спокойно подходящую к подмосткам Мари. И встретившись с ней глазами, он впервые в своей жизни испугался, хотя повидал всякого. А чего испугался – он не мог сказать. Просто он понял, что казни не будет, она помешает, а он не сможет ее остановить. Это знание рождалось и расцветало внутри минуя разум, берясь как будто свершено не откуда. Но разум, как раз пытался грозным гласом утихомирить эти странные чувства, указывая на то, что он же судья, царь и бог этой

толпы, как какая-то женщина сможет помешать тому, что жандармерия и правительство назвало правосудием? Но голос разума был слаб, и быстро тонул. Судье хотелось бросить свой пергамент и сбежать.

Все это Мари читала в его глазах, и улыбалась, продолжая смотреть. Этот безмолвный обмен мыслями продолжался, наверное, целую минуту, а потом она развернулась к толпе, и сказала:

– Граждане Парижа, то, что здесь происходит, не имеет ничего общего с правосудием, и этот лакей в черной ливрее знает об этом. Молодой человек на эшафоте виновен лишь в том, что говорил правду правительству. А правительству это не понравилось.

– Это возмутительно! – опомнился, наконец, судья. – Кто вы, кто дал вам право?!

Мари обернулась, пригвоздив этого ворона глазами, он попятился и чуть не выронил свиток.

Позади него стоял изможденный юноша в белой рубашке с кровоподтеками, Жан. Уже с петлей на шее, а палач по левую руку от него, только ждал команды, чтобы опустить рычаг и оборвать эту жизнь. Юноша был на грани потери сознания, но приподнял голову, чтобы посмотреть, кто вдруг решил его спасти.

Мари бросила на него лишь короткий взгляд, посмотрев на судью. Она ответила:

– Право мне дала моя совесть! И народ Франции, негодяй!

Мари вступила на ступени и грациозно поднялась на эшафот. Судья бессознательно сделал шаг от нее и, все-таки, выронил свиток, под приглушенный смехок из толпы.

– У вас нет должным образом оформленных юридических оснований, чтобы вешать этого мальчика, вы похитили его на улице неделю назад, приволокли в свои застенки и пытками заставили признаться, что он, якобы, член подпольной организации и изготавливал бомбу.

– Но он!..

– Я не разрешала вам говорить, мой милый, – вкрадчиво проговорила Мари, широко улыбнувшись. – А вы, уважаемый, – обратилась она к палачу, дородному детине в капюшоне, скрывающем лицо, – уберите руку с этого рычага, он вам сегодня не понадобится.

Палач, как загипнотизированный убрал руку.

– Итак, – продолжила Мари. – Обвинение состряпано. Как и многие другие за последние дни. Всех, кто осмеливается выступать на площади и выражать недовольство, эти люди ловят, пытаются в застенках, а потом вешают. – Она обвела глазами толпу: – Скажите народ Франции, разве этого мы добивались всей нашей историей, когда свергали королей и императоров? Чтобы какие-то крысы в кружевах, прикрываясь властью народа, вешали на улицах ни в чем не повинных людей?

– А где у тебя доказательства, красотка? – выкрикнул какой-то мужлан из толпы.

– Мои доказательства, это то, что вы видите каждый день. – Мари без труда нашла того, кто выкрикнул эти слова. Какой-то возница или подсобный работник в кепке с простодушным лицом. Она вперила в него взгляд, и он чуть присел, желая скрыться в толпе. Мари сказала ему, громко, на всю площадь: – Иди сюда, и посмотри в глаза этого юноши, и если ты увидишь в них вину, то я дам тебе самому нажать на рычаг.

Площадь погрузилась в молчание.

– Что, сам ты боишься творить правосудие? Это не так легко, верно? Может быть, кто-нибудь из вас, почтенная публика желает подняться сюда, и убедится, что человек в петле стоит там незаслуженно или нажать на этот рычаг?

Она резко обернулась на судью, и он аж отпрыгнул.

– А может быть вы, желаете привести ваш такой длинный и витиеватый приговор в действие? Идите, если вы так уверены, что правы.

Судья помотал трясущейся головой, что нет, он не желает.

Мари подняла руку и обвела пальцем толпу:

– Вы все пришли сюда полюбоваться на смерть, но не знаете, виновен этот человек, или нет, и боитесь решить, предоставив власти решить за вас. И теперь они просто похищают на улице всякого, кто им не угоден и вешают по придуманному обвинению. Что с вами люди? Разве это завещал нам Бонапарт, когда написал конституцию и прописал права каждого человека, и что никто не должен быть осужден без

суда и присяжных заседателей?

Толпа молчала.

– Я, и мои друзья собрали достаточно доказательств и документов, подтверждающих, что этот молодой человек и его друзья, которые до сих пор находятся в застенках, не виновны в том, в чем их обвиняют. Мы хотели предоставить эти документы суду, но вот он, – Мари ткнула пальцем в грудь судьи, от чего тот неловко попятился, оступился и упал, – и ему подобные решили начать вешать их уже сегодня без всякого суда, зная, что могут проиграть дело, если все сделать по всем правилам.

– Мне приказали, я не виноват! – воскликнул судья, толпа охнула.

Мари нависла над ним, и он пополз от нее в обуявшем его необъяснимом ужасе. А она обрушивала на него слова как гири:

– Ты ничтожество, да тебе не было даже дела. Ты оборвал жизнь этого юноши и всех его друзей простым росчерком пера, и ты даже не подумал, а так ли хорошо ты делаешь! Что ты скажешь на Божьем Суде, когда тебя спросят об этом? Что тебе приказали? Или что тебе было совершенно не важно, виновны они или нет? Может тебе не приказали, а заплатили? Судебная система не подчиняется власти напрямую, по нашим законам. О, безусловно, это не мешает им приказывать, когда им того хочется. Но им куда проще просто заплатить, не так ли? Слышите, люди, как звенят под его рясой

кошели с золотыми монетами?

Толпа стала определенно волноваться. Кто-то одобрительно кричал. Впереди стоящие горожане, уже порывались забраться на эшафот. Возможно, кого-то заинтересовала идея, посмотреть на эти кошели поближе, а может даже и отобрать.

Судье, похоже, тоже пришла в голову эта мысль, и он тонко вскрикнув, на корячках бросился на утек. Неловко свалившись куда-то за подмости.

– Лови его! – задорно закричал какой-то юнец.

И несколько человек с гиканьем и веселыми криками бросились вслед.

– Освободим же, наконец, невинного! – воскликнула Мари, воздев руку, и толпа одобрительно зашумела, на подмости уже уверенно заскочило несколько отчаянных молодцов, чтобы помочь. – Тем более, судья сбежал, – добавила она, и народ расхохотался.

Она решительно шагнула к Жану и сняла петлю с его шеи. Он не смог ничего сказать, просто таращился на нее, а потом начал заваливаться, теряя сознание, но его уже подхватили подбежавшие люди.

Мари взглянула на потеряно стоящего палача.

– Это просто моя работа, – проговорил он, разведя руками.

– Вам должно быть стыдно, что вы делаете ее так бездумно, – проговорила Мари, и пошла к ликующей толпе.

Палач стянул с головы капюшон и сел на ступени, расте-

ряно почесывая плоский лоб, а люди уже уносили на руках с эшафота его пленника.

На этом месте Саша проснулся в холодной испарине, рывком вскочив в постели.

– Черт бы все побрал, что это было?! – воскликнул он.

Но тишина ночи была ему ответом.

На следующий день Саша при первой возможности потряс из Толика название группы, в которой училась Сана, посмотрел расписание и направился в их аудиторию. Еще недавно он бы не поверил, что станет заниматься чем-то подобным, то есть самому искать встречи с этой чудаковатой девчонкой, но ситуация уже выходила из-под контроля, и он хотел ответов.

Группа теоретической математики на перемене проводила время в аудитории. Саша, подошедший к открытой двери, поискал глазами Сану.

Долго это делать не пришлось, красавица с каштановыми волосами в безупречной форме Академии нашлась, как ни странно, в точке наибольшего скопления людей. Более, того, при ближайшем рассмотрении, оказалось, что они скопились там именно из-за нее.

Девушка непринужденно сидела на широком подоконнике, а большая часть одгруппников расположилась вокруг нее, как дети перед воспитательницей в детском садике. И девушки, и парни, кто стоял, кто сидел на партах, не хватало еще кого-нибудь развалившегося в тоге на полу, для большей

схожести с каким-нибудь полотном «Платон и ученики». А Сана что-то самозабвенно им втирала звонким голосом.

Из того, что донеслось до его слуха, можно было понять, что говорит она о неклассических способах дифференциального исчисления. Более того, Саша готов был протереть глаза, не веря им, среди восторженных слушателей оказался и сам преподаватель – профессор Мокачевский.

Было неловко прерывать такую сцену. В другое время, Саша даже доплатил бы за возможность посмотреть, как светило математической кафедры – Мокачевский, мечта всех молоденьких студенток, и от того, до безмерности зазнавшийся, считающий приходящих на лекции, по меньшей мере, идиотами, даже в грезах не способными постичь, все то, что он пытается им донести, стоит и слушает какую-то девчонку, разинув рот.

Уже сам факт, что она смогла выдать ему что-то, чего он не знал, удивительней ее способности к телепатии, а если не знал на столько, что не сумел этого скрыть и разинул рот, заслушавшись – это такое же чудо, как хождение по воде.

Но Сана избавила Сашу от дилеммы, будто почувствовав его взгляд, она повернула голову, а потом проговорила, поднимаясь:

– О, кажется ко мне пришли. Я прошу меня извинить. Я думаю, мы можем продолжить наш разговор после звонка. Господин профессор, вы не против?

Мокачевский ответил спустя паузу, все еще находясь под

каким-то большим впечатлением:

– О, нет-нет, Сана... Честно говоря, я уже даже не знаю, о чем мне вообще теперь вести урок дальше, после того, что ты сказала. Зачем ты ходишь на пары, тебе дадут докторскую степень, сразу как ты заговоришь.

– Не преувеличивайте. А на пары я хожу хотя бы ради общения. – И Сана обворожительно улыбнулась, от чего вся мужская половина аудитории застыла в блаженстве, а женская... женская, впрочем, тоже.

Когда девушка подошла, и они вышли за двери, Саша тоже не сдержал восторга:

– Господи, Сана, тебе удалось заболтать даже Мокачевского? Если ты сняла бы его рожу на телефон, когда раскрывала ему неизведанные секреты интегралов, и выложила бы на сайт Академии, ты стала бы звездой года. Да что там, наверное, и десятилетия. Я даже не знаю, сколько он тут работает – довольно давно, – и никто его таким не видел, точно. И я даже не могу объяснить это тем, что он пялился на твою грудь или ноги, ведь я точно видел, что он смотрел тебе прямо в рот, как нерадивый послушник своему духовному наставнику.

– Иногда я немного увлекаюсь, по-моему я выдала кое-что из того, что как раз в этом десятилетии в математике еще не должны были открыть. Впрочем, ладно, Тесла раскрыл миру многие тайны электричества и создал рабочие машины, и что же? Никому нет до этого дела до сих пор. Пока мир не

будет готов к каким-то идеям, он их все равно не впитает.

– Значит, я не зря сюда поднялся и прервал твою лекцию. Меня направляла длань мироздания, чтобы этот индюк потом не хапнул нобелевскую премию, наслушавшись тебя.

– Не переживай, профессор, определенно, дарование, но не до такой степени.

– Рад это слышать.

– Но если ты хотел срочно поговорить со мной, почему не позвонил? Открою тебе тайну, мой номер уже есть у тебя в списке контактов, и да, он возник там сам собой.

Саша пропустил эти слова мимо ушей, выпалив:

– Это абсолютно не телефонный разговор, Сана, со мной случилось что-то ненормальное!

– Полагаю, это было какое-то прозрение, и не более того.

– Нет, мне приснилась ты!

– Ох, неожиданно, конечно, но, вряд ли ты первый, кому я снюсь. Хочу надеяться, что я была там хотя бы одета.

Саша уставился на нее в недоумении.

– Так ты не знаешь? – воскликнул он.

– Ты очень вчера меня развлек построением сложных и запутанных теорий, но потом мне наскучило, и я от тебя отключилась. Я знаешь ли, не хожу улавливая круглосуточно твои эмоции и происходящее с тобой, меня бы это утомило.

– Слушай, ладно-ладно, между нами какая-то ментальная связь. Окей. Я не могу найти этому объяснения. И мозг сломал, пытаюсь это сделать. Но черта с два я поверю, что ты

читаешь мои мысли.

– Я не читаю мысли. Только эмоции.

– Это обнадеживает. Речь о сне, в котором я видел тебя в другом веке и другим человеком. И если ты обладаешь таким экстрасенсорным восприятием, в коем меня хочешь убедить, почему ты ни чего не знаешь об этом?

Сана пристально на него посмотрела, изучая.

– Хм... скорее не знала, а вот сейчас начинаю кое-что ощущать. Ты пережил какой-то опыт по переносу сознания, судя по всему во сне.

Саша продолжал на нее глядеть в замешательстве.

– Так у тебя есть связь или нет? Ты совсем меня сбила с толку, чертова фокусница-гипнотизерка!

– Я еще учусь, и не знаю всего на свете. Какие-то вещи у меня получаются, какие-то пока что нет. А в этом сознании, времени и пространстве, я, к тому же, молода, и не помню многое из своего прошлого, а способности до конца не раскрыты. Так что, не надо так поражаться, что я не расчувствовала, что такое необычное тебе приснилось.

– Я думал, ты вызвала этот сон! Так же как ты сделала что-то, и я стал вспоминать прошлые жизни.

– Я ничего такого с тобой не делала, я же говорила тебе уже об этом. Ты вспомнил сам, а я просто направила тебя на верный путь и помогла лучше настроиться, войдя в контакт с твоим сознанием и задав ему нужную частоту колебаний.

– Ну, хорошо. Припоминаешь свою прошлую жизнь в де-

вятнадцатом веке?

Сана наморщила лобик:

– Какую из? Век выдался насыщенным. Меня еще периодически накрывает воспоминаниями от другой части меня, из другого мира. Там вообще сплошные кинооперы.

– Что?

– Да это я так, не обращай внимания. Я правильно понимаю, что тебе приснилась моя прошлая жизнь? Именно моя?

– Ну черт, я точно не мог быть такой эмансипированной теткой с гипертрофированными порывами к мировой справедливости.

– А поподробней?

– Нет, ты должно быть шутишь? Ты что? Не помнишь собственную прошлую жизнь? При этом готова наизусть пересказать все мои? Мари Делакруа. Это точно была ты. Твоя личность, я чувствовал это. Совершенно тот же, как бы это сказать, ореол, тип мышления, не знаю, как это называется в ваших эзотерических терминах. Короче, это была ты, просто в другом теле и другой жизни. Немного другая, но ты.

– Интересно...

– Ты реально не помнишь? Какого-то чувака хотели казнить по надуманному обвинению за антиправительственный митинг.

– Не думаю, что в том веке, это так называлось.

– Не важно. И ты спасла его, с помпой выступив перед виселицей, застыдив судью, правительство, и даже палача. Су-

дья смотался, палач чуть не расплакался, а ликующий народ, собравшийся до этого поглазеть на казнь – и разве что попкорном не запаслись – сами же, в итоге, сняли беднягу с виселицы по твоему наущению. Блин, да тебе надо в политику, с такими ораторскими задатками.

– Политикой я раньше занималась, но мне наскучило. Что-нибудь еще? Какой это был год?

– Спроси, что полегче. Я все-таки физик, а не историк и не могу так навскидку, чисто по нарядам, сориентироваться. Я полагаю, середина или конец девятнадцатого века.

– Это довольно необычно, что ты настроился на эти образы во сне без всякого моего участия. К чему бы это? Я думаю, у тебя начинается что-то получаться.

– А по-моему необычно другое – что ты не помнишь свою прошлую жизнь. Как-то это роняет тень на все твои давешние рассказы о своих способностях.

Сана пожала плечами:

– Ничуть. Я не обязана помнить каждую секунду все свои реинкарнации, какие были. Их огромное число. То, что ближе мне сейчас, и имеет какое-то значение – всегда рядом, остальное же менее важно для моего текущего «Я» и находится дальше. Чтобы эти жизни вспомнить, надо целенаправленно настроиться на них. Вот ты мне рассказал, я вспомнила. Провела синхронизацию и теперь имею представление об основных моментах той жизни.

– А мне-то почему это приснилось?

Сана развела руками:

– Вот уж не знаю. Отнесись к этому, как забавному приключению. У тебя все лучше получается погружаться в прошлое. Разве это не замечательно?

– Странно все это.

– О, Саша, самое странное еще впереди.

Он распрощался с Саной, сказав, что на сегодня ему достаточно порции смятения в его жизни, когда понадобится еще, он обязательно подойдет. Девушка на это обворожительно улыбнулась, сообщив, что пусть обращается, она всегда рада помочь.

Саша чертыхаясь вернулся в свое крыло и отправился на пары.

Спускаясь по лестнице, он неожиданно наткнулся на Машу. Несмотря на ее наружность и повадки, она тоже училась в Академии, правда на факультете химии, и Саша всегда гадал, какого рода интерес ее привел к этой науке.

– О, Саша, ты что-то пропал.

– Что? Мы пару дней не виделись, уже жить без меня не можешь?

– Ты так кинул нас с этим фильмом. Признайся, таскался с кем-то по клубам? Мы со Светой очень на тебя рассчитывали, раз Карина тебе наскучила.

– Я болел, и видимо, душевно.

– Душевно? Так ты нашел себе новую девку, шалунишка и скрываешь от нас?

– Господи, Машка, здесь под душевной болезнью надо понимать буквальное, а не большую чистую любовь. Хотя да, между тем и тем есть что-то общее.

Мимо проходящая компания окрикнула их:

– Эй Машка, Сашка, приходите сегодня к Жэке будем зажигать. Придете?

– Я непременно! – отозвалась Маша.

– А я нет. Я иду с пацанами из группы в боулинг, мне некогда, – отмахнулся Саша. – И вообще, мне бы разобраться, что в голове происходит.

Они с Машей стали спускаться дальше, ведя довольно пустой разговор, впрочем, с ней всегда так получалось. Саша, сам не знал, зачем водится с этой дурочкой, но она была как бесплатное приложение к Дэну и остальным, Света же была приложением к Маше. Вот так и получается, что полжизни таскаешься с каким-то непонятными людьми, с которыми, вроде как, таскаться не собирался. А эта еще и липла все время, надеясь его обаять. Саша уже подумывал, как бы отделаться от назойливой девчонки, но в коридоре они повстречали Толика и Нинку.

Толик обрадовался, увидев друзей. Нина же скривилась, как от лимона. От Саши она и без того обычно была не в восторге, но терпела, как лучшего друга Толика, а вместе с Машей и вовсе предпочла бы обойти стороной.

– О, сладкая парочка, подруга детства нашего Толика! Чмок-чмок-чмок, – воскликнула Маша.

Нина сразу покраснела и зло бросила:

– Двойное явление, что за чудо света? Вершина и дно нашей Академии, сразу вместе!

– В каком смысле дно, очкастая? – сузила глаза Маша.

– А я может про нашего красавчика, а ты все сразу на свой счет восприняла. Это по Фрейду.

– По кому?

– У-у, какой запущенный случай.

Саша встрял между ними, а то они могли так долго ругаться:

– Нина, ну что ты издеваешься над Машкой, и сыпешь не теми фамилиями? Назвала бы Альберта Хофмана, она бы поняла. А то Фрейд! Еще Ницше скажи, или Шопенгауэр.

– Шибко умные тут все? – разозлилась Маша. – А кто такой Альберт Хофман я знаю, да. Изобретатель ЛСД.

– Вот, я же говорил, – смеясь, развел руками Саша.

– А я вообще не знаю ни одного, – вставил Толик.

– Ну, про тебя мы даже и не сомневались, – засмеялся Саша. – Толик, друг мой, когда ты поступал на наш факультет, ты сдавал экзамены или твой папа тебя так записал, без всех этих лишних формальностей?

– Я нормально знаю физику, что ты подкальываешь? Физик должен разбираться в физике, а не во всяких Шопенгауэрах и Ницше.

– Ну насчет Ницше я с тобой согласен, бедняга был просто шизофреник, а все почему-то думали, что он философ. Но

Шопенгауэр это извини.

– Ты лучше скажи, тебе удалось найти Сану? У тебя было еще одно свидание с ней?

– Какое свидание? Она учила профессора Мокачевского математике, и уделила мне всего несколько минут.

– Что? Мокачевского? Математике? – глаза Нины округлились.

– Я сам видел, он смотрел на нее, как Платон на Сократа.

– Эти двое разве не в разных веках жили, умник? – Маша решила видимо, взять реванш на теме философов, но не удачно.

– Машка, ты не встревай, лучше, когда умные люди разговаривают.

– Ты мне не дерзи. Так ты что бегаешь за этой выпенд-режницей? Seriously?

– Я? Да ты что? Я не создан за кем-либо бегать, окстись!

– Это еще что за слово?

– Да так, древнерусское.

– Саша, ты меня поражаешь. Я думала, раз тебя потянуло на умненьких, ты остановишь выбор вон на этой четырехглазой, но у тебя губа не дура. Решил и с мозгами, и чтобы мордашка была смазливая?

– Ну, во всем должна быть гармония, Машуля, а не как у тебя.

Маша зависла, не понимая, это комплимент или наоборот.

– Все, я ухожу, ты такой стал грубиян. Оставайся тут с

этим придурком и ботаничкой.

Она развернулась и ушла, гордо покачивая бедрами, видимо, чтобышний раз напомнить Саше, что он теряет.

– Поздравляю, тебя бросила Маша, – хмыкнула Нина.

– Что? Ты шутишь? Она мне никогда и не была нужна особо. Но вот увидишь, завтра она снова будет вокруг увиваться, это же Машка.

– По-моему, у тебя была девушка, а ты уже встречаешься с Саной Серебряковой? – спросила Нина.

– Да вы что все? Мне что, нельзя поговорить с девушкой, как все начинают думать, что я к ней подкатываю?

– Так ты же именно этим обычно и занимаешься.

– Толик, почему она обо мне такого плохого мнения?

– Ну ты бабник Санёк, все это знают.

– Я еще несколько дней назад не знал ни о какой Сане, и просто почему-то везде на нее натыкаюсь! К вашему сведению интерес ко мне у нее сугубо метафизический. Я больше не собираюсь с ней разговаривать. Она чокнутая и что-то творит с моей жизнью!

– Ты же не думаешь, что так просто отмахнуться от внеземной волшебницы, если уж она тобой заинтересовалась? – спросил Толик, как ни в чем не бывало.

Нина уставилась на него и всплеснула руками:

– Это невозможно! Вам обоим надо полечиться.

И ушла.

Саша перевел взгляд на Толика и сказал:

– Сана с этой планеты она сама меня в этом заверила.

– Правда?

– Думаю, хотя бы в этом, мы можем быть уверены, – развел руками Саша.

Толик же доверительно наклонился и повторил:

– Ты не избавишься от Саны Серебряковой.

Он сочувственно похлопал по плечу.

Глава 5. Сана приходит в гости.

Темнота зрительного зала, играла знакомая мелодия, девушка на сцене пела песню. Свою песню. Рыжие волосы разметались по плечам и светились под прожекторами, а вокруг колебалось море рук в такт музыке.

Саша проснулся, морщась со сна. Он ехал в поезде домой, был вечер.

Что за ерунда стала сниться? Все из-за чокнутой девчонки. Как будто часть ее экстрасенсорных способностей передалась и ему. Если, конечно, у нее вообще были какие-то способности. Но он не видел Сану пару дней.

Чудаковатая подруга куда-то запропала, он не встречал ее в коридорах и на улицах. При этом ловил себя на мысли, что хотелось продолжения.

Девчонка перевернула жизнь своим появлением, но... Стало интересней.

Саша снимал однокомнатную квартиру в нескольких станциях от Академии в малоэтажном простеньком доме. Ему полагалась отдельная комната в общежитии, как студенту, который еще и подрабатывает в лаборатории, но места все оказались заняты, поэтому ему предложили подыскать жилье самому где-то неподалеку. Академия платила зарплату и плюс специальную надбавку на самостоятельную аренду жилья, так что Саша был не против. Жить отдельно, в пол-

ноценной квартире, а не в шумном общежитии – все равно лучше, пусть и добираться дальше.

Это был тихий райончик прямо в центре мегаполиса. Вдалеке высились небоскребы, словно другой далекий мир, а здесь в закрытых двориках с детскими площадками и палисадниками всегда царила безмятежность.

Придя домой, Саша не заметил ничего странного, зашел в комнату, переоделся, потом пошел на кухню, соорудил себе обед из того, что было в холодильнике, и поел. А потом вернулся в комнату и... так и замер с полуоткрытым ртом.

На его кровати как ни в чем не бывало сидела Сана Серебрякова, в той же клетчатой юбочке и черном пиджаке, что и обычно. В руках она держала какой-то автомобильный журнал, с любопытством листая.

– Как старомодно, Саша, хранить в ящике стола бумажные журналы, и это в наш век интернета, – изрекла она, не поднимая глаз.

Если бы у Саши в руках что-то было, он бы это выронил, а так, пришлось изображать крайнее удивление, все той же позой дерева. Он даже не догадался возмутиться, почему она позволяет себе шарить у него по ящикам и трогать личные вещи, настолько он был шокирован, что в закрытой квартире, и еще пять минут назад абсолютно пустой комнате, вдруг, как будто прямо из воздуха материализуется эта любительница мутной метафизики!

– Как ты сюда попала? – наконец выдохнул он.

– Какая разница? Ты мне опять не поверишь. Перенос сознания с последующим перевоплощением. Упрощенно – я телепортировалась. Хотя слово пошлово и подразумевает немного другое.

– Так, для начала, положи мои вещи на место, а потом, объясни нормально, как ты забралась ко мне в квартиру!

Сана небрежно откинула журнал и посмотрела на него с ироничной улыбкой.

– Саша, все здесь мне очень знакомо, я даже могу сказать, где у тебя копилка. На шкафу у стенки в углу.

– Ты и туда залезла?

– Вовсе нет, я просто помню это, так же, как и ты.

– Послушай, это наглое вторжение в личное пространство, какого черта?!

– Ну, прости, не думала, что тебя это так беспокоит, но мне казалось, нужна какая-то демонстрация. Что я это ты, и что твой дом, для меня так же родной и знакомый. Ты же не вызовешь полицию из-за этого, правда?

– Как раз подумываю об этом, – пробормотал Саша, подходя к столу, и осматривая окно.

Нет, оно было закрыто. Но тогда как? Ведь до того, как он пошел на кухню, здесь никого не было, если, конечно, чокнутая девчонка не пряталась под кроватью или в шкафу. Но перед этим ей тоже надо было как-то попасть в квартиру. Нет, окно точно было открыто, а она его закрыла, когда сюда забралась – другого быть не может. Это единственное нор-

мальное объяснение того, как, черт возьми, сюда попала эта девчонка с придурью в башке!

Четвертый этаж, на фасаде всякие рейки стильных украшений, рядом с окнами проходит водосточная труба. Нельзя сказать, что это невозможно. Ловкий человек и полностью двинутый, возможно, смог бы это проделать. На особенно спортивную девушку эта неженка не походила, но то, что у нее хватит безбашенности залезть по трубе в квартиру едва знакомому парню, он ничуть не сомневался.

– Понимаю, о чем ты думаешь, – проговорила Сана. – Ты в своем уме? По-твоему, девушка, да еще в юбке, может забраться в окно на четвертом этаже? Как? Вскарabкавшись по голой стене?

Сана даже засмеялась, от нелепости такого предположения.

– Там водосточная труба, – заметил он.

– Что? – ее звонкий смех, разносился по комнате. – Девушка в юбке полезет по водосточной трубе?!

– Ага, надеюсь, тебя уже сняли на телефон из соседнего дома, и скоро выложат в интернет. Я обязательно познакомлю с этим видео всю Академию.

Сана упала на кровать, заливаясь смехом.

– А как ты сюда тогда попала, если не через окно, черт, я реально не понимаю!

Тут Саша подумал, что, возможно, просто забыл запереть за собой дверь, а эта дурочка, изображая агента 007, таилась

в подъезде или около него, а потом проскользнула неслышно, пока он был на кухне. Или это было так или... Он застыл, чувствуя, как покрывается потом. Неужели она действительно телепортировалась? Нет, в это невозможно поверить, как? Пусть она какая-то ясновидящая, пусть много знает о тайнах природы – все это еще можно как-то понять и принять. Но телепортация?

Сана произнесла опять:

– Саша, прими как необъяснимый факт, я очутилась здесь. И вовсе не залезла по трубе и не проникла в квартиру каким-то иным способом.

– Я не верю, как я могу в это поверить? Черт, мне надо сесть...

Он отодвинул свой белый офисный стул на колесиках от стола и сел напротив Саны, стал глубоко дышать, успокаивая разыгравшийся пульс.

– Боже мой, братик, да ты сейчас действительно скончаешься от шока. И как мне тогда с тобой быть? Наверное, стоит признаться, что я проскочила через открытую дверь. Из гуманитарных соображений, чтобы пощадить твою психику. Ну ладно, подыши еще, успокойся, ты ведь не видел, как я здесь оказалась, а просто застал этот факт свершившимся. Для твоего метущегося ума в этом достаточно лазеек. Будем считать, я пошутила и никакой телепортации не было. Просто вот я как-то тут очутилась, а как – это история скроет, окей?

Саша оторопело ее разглядывал. То ли она продолжает издеваться, то ли что, он ее не понимал. Но она была права, как-то тут она возникла, и вариант с забытой дверью, кажется наиболее вменяемым. Будь на ее месте любая его однокурсница, ему бы в голову не пришло в таком смятении искать невероятных объяснений. Было бы очевидно, что она как-то проскользнула следом или раздобыла ключи. Но раз Сана такая странная, и каким-то способностями обладает, невольно начинаешь думать – а вдруг она может все, о чем говорит. Но так ли это?

– Может я сплю? – пробормотал он.

Девушка, склонив голову на бок, рассматривала его с интересом, потом откинулась назад, закинув ногу на ногу, и проговорила:

– А что делает возможным одно и невозможным другое?

– Здравый смысл.

– Что такое здравый смысл? Законы физики? Они просто набор видимых проявлений особенностей нашего мира, и то таких, которые ученые смогли заметить и понять. Наша реальность нечто большее и никто не знает, как она устроена на самом деле. Что для нашего мира правило, а что исключение? Кто может сказать? А ты знаешь, что миров много? В котором из них мы?

– В каком смысле много?

– И миров и нас, бесчисленные вариации. Каждый раз, как кто-то принимает решение, делает выбор, он создает две

новые реальности, одна становится материальной для него, другая остается отражением, и тоже существует, но в своей плоскости.

– Ты принимаешь какие-то таблетки, Сана? Признайся. Тебя временами так и прет.

– Я тебе могу простить эти маленькие грубости, я тоже бываю бесцеремонной. Но раз ты вспомнил про свой едкий сарказм, значит уже приходишь в норму. Я рада. Когда ты вошел в эту дверь, уже родилось множество вариантов того, что могло быть. Есть и такой, где меня тут не было.

– И почему я не там? – мечтательно произнес Саша.

– Реальность такова, что в ней существует все, что могло бы быть. Все, что кто-нибудь когда-нибудь подумал или представил.

– Ага, когда двинутые писатели пишут странные книжки, сразу рождается мир, где все это происходит в реальности?

– Именно! Любое сознание порождает реальности. Более того, мы постоянно перемещаемся по порождаемым нами же реальностям. Если что-то невозможно здесь и сейчас, я перемещаюсь в тот вариант, где это возможно. Вот и весь фокус. Для того, кто так умеет, возможно все, ограничения, только в том, что ты сам считаешь возможным.

– А, ну то есть, ты меня научишь, как-нибудь, телепортироваться и ходить в юбочке в мороз?

– Ну, если нам удастся подковырнуть твою систему базовых представлений... может и что-то выйдет, но насчет

юбочки не обещаю.

Саша сел свободнее, закинув руку на спинку.

– Так значит, параллельные миры существуют?

– Их как звезд на небе, любые мыслимые вариации. Где мы сейчас находимся, как называется эта страна?

– Э-э... Хороший вопрос, Сана, спроси кого-нибудь на улице, и тебя заберут в участок, до выяснения, чем ты ширилась.

– Просто ответь, без своих подколов!

– Россия.

– А город?

– Мы в столице нашей родины, малышка.

– И как называется столица России?

– Ну ты вообще. Солнечный Город конечно, как может еще называться столица России?!

– А что случилось с Москвой?

– Немцы сожгли в сорок первом.

Сана развела руками, как будто все стало очевидным.

– По-твоему нормально то, что ты сейчас сказал? – спросила она.

– Э-э... То, что у нас столиц не Москва, и что ее сожгли немцы в войну? А что не так? Конечно, нормально.

– Для тебя, меня, и этого мира – да, это реальность, но существуют миры, где Москва по-прежнему столица, и там все практически так же, как у нас, но с какими-то незначительными отклонениями в мелочах, ходе истории и очерта-

нии континентов. Причудливый вариант, но он существует. Я его видела.

– К чему ты все это?

– К тому, что наш мир, просто одна из вариаций бесконечности, и ты не можешь знать, что здесь возможно, а что нет.

– Послушай, сестренка, если ты можешь летать, телепортироваться, и еще бог знает что, почему бы тебе просто не продемонстрировать это сейчас мне. Все вопросы сразу упадут!

И он заметил, как по лицу этой самодовольной девчонки скользнула секундная растерянность.

– Нет, не сейчас.

– Ах вот как? Не сейчас? А почему? Зажги файербол, или сделай пару па в метре над полом. Что такое, волшебница? Мана закончилась?

Девушка покосилась на него с досадой:

– Нет, слишком явная демонстрация моих способностей сейчас, повлияет на тебя непредсказуемо. Ты уже забыл, как у тебя только что, чуть припадок не случился? Любой человек, столкнувшийся с чем-то по-настоящему невероятным, испытает шок и замешательство, а ты, к тому же, упертый материалист, не желающий верить в очевидные факты.

– Не драматизируй. Когда я вспомнил себя китайской принцессой, я умом не тронулся, хотя то еще открытие.

– Поначалу я просто хотела выдернуть тебя из твоего мира, показав тебе разом все чудеса мироздания, но ты не захо-

тел выдергиваться. И я поняла – так даже интереснее, я приняла правила игры. Мне надо плавно подвести тебя к мысли, что все не так, как тебе кажется, вот и все.

– Ты ставишь на мне эксперименты?

– Не без этого, надо использовать любую возможность, чтобы узнать что-то новое, – улыбнулась Сана. – Сейчас мы проведем урок по вариативным реальностям.

– Где ты таких слов набралась?

– Это тебе приоткроет завесу в том, как возникают параллельные миры.

– Неужели? Не разрушь в процессе какую-нибудь Вселенную, Сана.

– Это вряд ли, скорее мы породим три новых.

Девушка сунула руку под одеяло, и достала оттуда... небольшой розовый мячик.

– Ты где это взяла? Я не храню под одеялом розовые мячики!

– Не отвлекайся, Саша, я могла бы так достать и автомат Калашникова, давай лучше порадуемся, что это всего лишь мячик.

– Где-то без тебя закрылся цирк.

– Итак... просто лови мячик, Саша...

И она кинула ему мяч.

Саша вытянул руки от неожиданности...

Мячик ударился ему в грудь, он не успел сжать руки. Мяч отскочил вверх, Саша отклонился назад, чтобы схватить его, и почувствовал, что теряет равновесие, стул начинает переворачиваться, прокатившись на колесиках, а он только и может, что неловко взмахнуть руками. Стул с треском опрокинулся на пол. Последнее, что парень успел подумать, что сломалась спинка, именно она так и хрустнула.

2 вариант.

Он успел сжать руки, но чуть раньше, мячик с силой ударился, о пальцы, отскочил в сторону окна, раздался звон стекла, а через некоторое время заукала сигнализация какой-то машины. Саша, застыв, смотрел на дыру в окне, видел через нее соседний дом и думал, как это мог сделать просто маленький мячик, и в какую копеечку все это теперь влетит...

0 вариант.

Руки схватили мячик, и он тяжело ткнулся ему в грудь.

Саша пораженно смотрел на мяч в своих руках, и не понимал, что происходит. Ничего не было. Он поймал мяч.

Саша уставился на Сану, та только с улыбкой развела руками.

– Что это было? – спросил Саша, вскакивая со стула, и смотря на окно.

Оно было целым. Тогда он посмотрел на стул, спинка тоже

не сломана.

– Я что, увидел будущее? Или прошлое?

– Ты увидел настоящее.

– У меня какая-то каша в голове, – воскликнул Саша. – Я как будто упал со стула, а потом мяч разбил окно.

– Все верно, так и было. Но только в других вариантах реальности. Для твоего текущего «Я» они остались нереализованными.

– Что-то я ничего не понимаю. И эти варианты они что, были настоящими?

– Вполне. И они не «были» они есть и сейчас, просто ты их больше не воспринимаешь.

– Почему?

– В силу неразвитости и ограниченности твоего сознания. Ты продолжаешь жить сейчас в трех возникших реальностях. В одной ты костеришь меня за сломанный стул, в другой мы побежали на улицу смотреть, куда упал мяч. Должна тебя порадовать, там на машину упало стекло, и поцарапало ей крышу.

– Черт!

– Не переживай, стул я тебе починила одним прикосновением, а насчет окна и машины предложила не беспокоиться и все уладила. В третьей реальности мы сидим сейчас и обсуждаем происшествие. Забавно, правда?

– Это довольно странно.

– А теперь вспомни, как твое сознание воспринимало эти

события?

– Одно за другим.

– Но они были одновременны, Саша. И в этом ключ. Они одновременны, но ты воспринимал их одно за другим. Как ты думаешь, почему?

– А как бы я их воспринял одновременно? Человек может только что-то одно воспринимать и по порядку.

– Вот именно! – встрепенулась Сана. – Занятия физикой, не проходят для тебя даром, – похвалила она. – Твое сознание... как, впрочем, и у всех вокруг, ограничено и способно воспринимать действительность только по порядку в структуре линейного времени. По-другому ему сложно это делать, оно запутается, ничего не поймет. Сознание любого человека пока еще учится и способно осознавать одно свое «Я» за раз, в одном конкретном промежутке времени. Вот поэтому ты сейчас не воспринимаешь два других родившихся ответвления, хотя на самом деле, все твое существо продолжает одновременно жить во всех трех, воспринимая каждым «Я», только свою реальность и не подозревая о других.

– Хм... и как долго я буду жить в трех реальностях одновременно?

Сана вдруг захихикала.

– Ты чего?

– А во скольких реальностях ты живешь сейчас, по-твоему?

– Ну, ты же сказала, в трех!

– Дурачок, представь, сколько в твоей жизни с самого твоего рождения возникало таких ситуаций, когда были вероятности другого развития событий. Каждый раз, когда тебе бросали мяч, рождались реальности, когда ты решал пойти ли тебе в кино с девушкой или в кафе, рождались реальности, даже когда ты просто прокручивал в голове, как бы по-другому ты что-то сказал или сделал, тоже рождались реальности! – Сана развела руками: – А теперь посчитай-ка, дружок, сколько реальностей у тебя получилось за твою короткую жизнь?

– Да ты выдумываешь, их же тогда будут тысячи, сотни тысяч!

– Может и больше.

– Я что, живу в тысячах или миллионах вероятных реальностей?

– Да.

– И не осознаю?! Это просто охренеть, Сана.

– И я о том же. У твоей сущности есть, конечно же, некий центр, который осознает все эти жизни и реальности. Но твоя беда, братик, что как мы выяснили ранее, ты считаешь, что твое я... – она привстала с кровати и постучала ему пальцем по лбу. – Вот здесь. И пока оно там, все остальное для тебя далекая абстракция, которую ты не в состоянии воспринять.

Он пораженно размышлял, Сана тем временем продолжала стоять, склонившись над ним, уперев палец в ему лоб, в

глазах ее теплилось странное выражение.

Саша мгновенно опомнился и произнес:

– Послушай, Сана, ты же не хочешь меня поцеловать, а? Я знаю этот взгляд. Не Расскажи ты мне ранее, что считаешь себя моей сестричкой, я бы подумал...

– Сомневаюсь, что ты знаешь этот взгляд.

Она провела пальцем по его лбу, отбрасывая челку, потом вниз, по щеке. Саша на секунду оцепенел, чувствуя мурашки по всему телу. Да что же это она делает?

– Почему-то, меня к тебе притягивает, – прошептала Сана.

– Да неужели? – Саша бесцеремонно взял ее за руку и отодвинул от лица: – Хватит ко мне домогаться, Сана, у меня есть девушка. Что на тебя нашло?

– Девушка? Карина? Не смей меня, ваши отношения на грани. Вы совсем не подходите друг другу.

– Вот уж, мы без тебя разберемся. Мы три месяца вместе!

– Это случайность, вас ничего не связывает и ничего общего. Ты ее не любишь.

– Что?

– Неужели ты сам не понял? Она для тебя, как красивая побрякушка, но тебе не о чем с ней поговорить. А ты для нее несерьезен, не перспективен и уделяешь мало внимания.

Саша разглядывал ее, моргая. Как эта смазливая нахалка так запросто разгадала все сложности его взаимоотношений с Кариной и описала с точностью все проблемы?

Он встал со стула и решил уточнить:

– В каком смысле неперспективен?

– В прямом. Она склонна найти человека постарше, который бы дарил ей подарки и обеспечил.

– Не выдумывай, ей всего двадцать, с какой радости ей мечтать, чтобы ее уже обеспечивали? Она еще учится.

– Ты, к тому же, плохо знаешь, свою девушку, Саша, – проворковала Сана, снова оказавшись в полушаге от него.

– Что на тебя нашло? Что ты ко мне подбираешься, как крадущаяся кошка?

– А что ты отступаешь назад?

– Я опасаюсь, за твое благочестие, Сана, ты у меня в квартире и мы тут одни, а ты так и вводишь меня в соблазн.

Сана склонила голову, откровенно забавляясь:

– Да?

– В чем дело, Сана? У тебя проснулось ко мне что-то, кроме астрального интереса?

– Что, прости? Астрального? Не оскорбляй мой слух, подобной терминологией. У меня нет третьего глаза, и я не пою «Ом» по утрам вместо разминки. Я просто посмотрела на тебя и нашла, что ты симпатяжка.

– Ого, вот это да.

– Но впрочем, парни меня обычно не интересуют.

– Вот это признание. Каминг-аут.

– Ты ведь часть меня, причудливое воплощение, какой-то части личности. Вот мне и захотелось прикоснуться к тебе,

просто потрогать. А твоя реакция меня позабавила.

– Захотелось потрогать? И все? Я тебе что, милый котик, которого можно помять за щечки?

– Да, это тоже было бы интересно. Но почему я тебя смущаю? Мысль, что я полезу целоваться, тебя откровенно напугала, – она подступила еще на шаг, а он сделал шаг назад.

– Что-что? Напугала? Не преувеличивай. Понимаешь, Сана, ты как-то не в моем вкусе.

– Неужели? Красивая девушка, с хорошей фигурой и длинными ногами. Что же может быть не так?

– Я тебя не понимаю. Мы разве не лучи из одной лапочки, Сана? Типа как брат и сестра, а? Какой-то изврат получается, ты не находишь? – Саша снова попятился.

– Что плохого в том, чтобы две части сознания влекло друг к другу? Метафизически? – промурлыкала Сана, опять шагнув поближе.

– Меня как-то не влечет, уж прости. Ни метафизически, ни как-либо еще. Я тебя воспринимаю, ну, как хм... да, пожалуй, как сестру. Сама виновата, вдалбливала мне это все время, и можешь считать, что я поверил.

Сана протянула руки:

– Иди сюда, обнимемся по-родственному.

– Ты что? Сбрендила?

– Вовсе нет. Ну что ты такой зажатый. Мы же одно целое. Нам надо почувствовать наше единение.

– Не-не, благодарю покорно. Я как-то сегодня не настроен

ни с кем единяться. Тяжелый день и все такое.

Сана продолжала стоять с вытянутыми руками:

– Ну давай, иди сюда, хватит ломаться. Красивая девушка уговаривает тебя обняться, а ты жмешься к столу. Как-то это ненормально, ты не находишь?

– Я нахожу ненормальным вступать в единение со своей неожиданно возникшей метафизической сестричкой!

– Хватит во все вкладывать пошлый смысл. Это простое объятие, чистое соединение материализовавшихся символов наших «Я».

– Иди в баню, Сана.

– Ну что ты, давай. Я поясню, это вовсе не неожиданный гормональный всплеск... Ну может быть, не столько он... Мне просто пришло в голову, что при объятии синхронизация между нами будет выше, и вдруг мне откроется новое знание?

– Это ненормально, Сана, мы едва знакомы!

– Надоел упираться! – воскликнула девушка, и просто прыгнула на него.

Они оба рухнули на ковер, Саша попытался вывернуться и вскочить, с минуту они боролись, катаясь по полу, но Сана проявила неожиданную ловкость и силу, запрыгнув на него сверху и прижав к полу.

– Отлично! Но я люблю быть снизу, – заметила Сана.

Саша, пытаясь, попытался вырваться, но у этой худышки мышцы были как будто из стали и придавили намертво. Он

расслабился и перевел дух.

– Это что, блин, у тебя такие объятия?

– Так ты вырываешься!

– Решила поединяться прямо на ковре?!

– Ну, ты же сам не хотел обниматься, пришлось тебя схватить.

– Да ты ненормальная!

– Тихо-тихо, – ласково проговорила она, прильнув к нему и действительно обняв. – Вот видишь, и ничего страшного, мы просто лежим и обнимаемся.

Она подняла голову глядя своими огромными карими глазами, в которых тонула Вселенная.

Потом Сана моргнула и рассмеялась:

– Да я просто развлекаюсь, дурачок. Ты такой смешной! Что же тебя смущает, никак не разберусь.

– Ну, как бы, нормальные люди так себя не ведут, знаешь ли.

– Разве не любопытно, что я оказываю на тебя такое действие? Интересно в этом разобраться. Мы одно целое, тебя не должно ничего смущать во мне. Расслабься, я не испытываю к тебе никаких любовных чувств! Это абсурд.

Саша воспользовался тем, что руки немного высвободились из-под ее колен, и недолго думая положил ей на бедра.

– Так, это что такое? – спросила Сана, посерьезнев.

– Раз уж мы на полу, а ты сидишь на мне, я тоже решил тебя обнять.

Она ловко смахнула его руки и прижала обратно к полу.

– Единение ничего такого не предполагает, не придури-
вай.

– Ну как скучно, тогда какого черта мы тут делаем?

– Я хотела синхронизироваться, но когда ты начал отби-
ваться и хватать за задницу, то сбил всю настройку.

– А что должен делать всякий приличный человек, когда
на него прыгают больные девушки? Просто лежать смирно и
дать вытворять с собой, все что угодно? Нет, я, конечно, не
спору, что прыгни какая другая, такая же симпатичная, мне
бы не пришло в голову сопротивляться, но только если она
не чудачка, которая несколько дней до этого, заливала мне
про нашу межпространственную связь!

– Ты просто еще одна моя материализация в этом мире,
почему мне нельзя пообнимать тебя, когда мне захочется?
Не могу пообещать, что не буду больше так делать, меня это
развлекает. Но тебе не о чем беспокоится, ведь мы и без то-
го ближе некуда, я частично читаю твои мысли и эмоции, и
можно сказать, всегда с тобой, даже в ванной.

– Ну охренеть!

Вдруг зазвонил телефон.

– О, кажется это меня, – сказал Саша, рассчитывая, что
Сана его, наконец, выпустит. И откуда в ней столько силищи,
подумать только!

Но девушка просто куда-то потянулась и... подала ему те-
лефон, хотя он готов был поклясться, что они упали метрах

в двух от стола, на котором тот лежал. Но Саше некогда было анализировать.

– Да, это тебя. Карина, – сказала Сана, взглянув на экран. Она подала ему телефон.

– Карина? Вот же черт. Что ей надо именно сейчас?

Саша нажал ответ.

– Карина, привет, я как раз хотел...

– Саша, когда ты, наконец, будешь серьезней? Ты опять не перезвонил мне, а мы договаривались сходить вместе в торговый центр...

– Блин, Карина, я собирался, но ты же опять стала бы пялиться на сумочки. Я не такой любитель ходить по этим магазинам и глазеть на всякое шматье.

– Да-да, просто тебе не хочется, чтобы я у тебя что-нибудь выпрашивала. Да не стану я! К сожалению, ты не спонсор, а просто мой парень.

– К сожалению? – Саша покосился на Сану, та лишь пожала в ответ плечами, как бы говоря: «а я что говорила?» – Послушай, Карина, я хотел позвонить через пять минут, просто я сейчас немного занят.

– Ты всегда чем-то занят! Кстати, чем ты там занимаешься? Ты где? Ты, что ли лежишь на полу?

Саша заморгал, взглянул на Сану, продолжавшую как ни в чем ни бывало сидеть на нем сверху, но та лишь опять пожала плечами.

– С чего ты взяла, что я на полу? – спросил Саша в трубку.

– Ты ответил в режиме видеозвонка, идиот. Я вижу ковер, и твою щеку на нем.

– Э-э... да? Не может быть! – он отодвинул телефон от уха, взглянув на экран, чтобы убедиться, что идет видеозвонок.

Там действительно было недовольное лицо Карины, и она вглядывалась с подозрением.

– Ты что весь такой растрепанный и красный?

Вдруг Карина увидела что-то как будто сбоку, и ахнула, зажав рот.

– Что? – спросил Саша, Ближе прижав трубку к уху. – Что там такое?

– Саша! Ты сволочь! Я не могу в это поверить! Там что, на тебе сидит какая-то девка?

– Не может быть, тебе показалось, – сказал Саша, опять бросив взгляд на откровенно хихикающую Сану, и, проклиная все на свете, проследил, чтобы фронтальная камера больше ни на сантиметр не разворачивалась в ее сторону.

– Немедленно подними телефон, Саша, я должна видеть лицо этой стервы. Я не могу поверить! Как ты мог! После всего!

– Света, подожди, тут просто двусмысленная ситуация, она на меня сама прыгнула!

– Света?! Ты опять назвал меня Светой?!

– О черт! У меня просто мысли запутались, прости!

– У тебя дома, на тебя, видите ли, просто взяла и прыгнула

девушка? Ты что Саша, держишь меня за дурочку?

– Почему ты думаешь, что мы у меня дома?

– Что? Я, по-твоему, не узнаю этот ковер? После всего, что на нем было?

– Карина, успокойся, мы просто э-э... дурачились, она прыгнула, мы боролись...

– Да, еще ты подержал меня за попу, – вставила Сана, как бы ни к кому не обращаясь, и тихо.

Саша бросил на нее злой взгляд.

– Боролись? Что за детский сад, Саша, ты что, думаешь, я такая полная идиотка, что поверю в подобную чушь? – кипятилась Карина.

– Карина, я тебе еще раз говорю. Конечно, ситуация двусмысленная, но у меня ничего нет с этой девчонкой. Ты же меня знаешь, я могу пофлиртовать, но никогда тебе не изменял.

– Как ее зовут? Я могу узнать, хотя бы это? – Карина как будто успокаивалась.

– Сана.

– Сана Серебрякова? Звезда вашей Академии?

– Ну на счет звезды, я бы поспорил, – произнес Саша, буравя Сану взглядом, та делала вид, как будто ее тут нет, она не причем, и просто сидит на нем ничуть не интересуясь содержанием разговора.

– Я так и знала, что это она, мне твои друзья говорили кое-какие намеки!

– Что? Ни хрена себе друзья!

– Что ж Саша, нам давно надо прервать наши отношения, они стали бессмысленны.

– Что?!

– Ты слишком несерьезен для меня. Я хочу уверенности в жизни, чтобы рядом был надежный мужчина.

Саша невольно покосился на Сану, та опять пожала плечами.

– Я давно уже хотела поговорить с тобой об этом всем, искала повода...

– Что-что? Искала повода?

– Но ты, как чувствовал, и избегал меня.

– Я не избегал я просто...

– Теперь я вижу, почему. У меня тоже имеется кое-кто на примете, мы познакомились недавно... Он взрослее и серьезнее тебя, и оказывал мне знаки внимания.

– Что?

– Так что, будем считать, что больше нас не связывают обязательства, удачи тебе с твоей Саной. Пока.

Раздались гудки.

– Это что сейчас было? – спросил Саша.

– Ты избавился от Карины, поздравляю, – ответила Сана, – хлопнув его по груди.

– Ну-ка слезь с меня, черт!

– Ты уверен? Может быть, ты нуждаешься в утешении, и тебя надо снова обнять?

– Хватит Сана! Со своими идиотскими шуточками!

Девушка легко поднялась и протянула ему руку:

– Не переживай, она тебе была не нужна, и ты хотел от нее избавиться.

– Даже если так, я не хотел, чтобы это случилось так по-дурацки.

– Ты же не будешь теперь убиваться по ней? Вам было совершенно не по пути. Совсем разные интересы и приоритеты.

– Может ты и права. Но черт... Вот так просто, из-за нелепой случайности...

– Такая ли уж случайность? По-моему, вы шли к этому разрыву планомерно, и вам просто нужен был повод. По-моему, она сказала, что кого-то нашла.

– Она врет.

– Не думаю.

– Откуда ты знаешь?

– Я волшебница, я все знаю.

– Ну-да, а я королева Англии!

– Тебе неприятно. Но не потому, что у тебя к ней были какие-то чувства, верно же? Она давно тебе надоела, тебе с ней было не интересно. А сейчас злишься только от того, что пострадало твое самолюбие, тебе как бы бросили, ты лишился той красивой побрякушки, которой так кичился. Вот это и вызывает досаду.

– Черт, Сана, ты не была в прошлой жизни Фрейдом?

– Слава богу, нет!

– Короче, Сана, по-моему, тебе уже пора домой. Мне надо справиться с полученной душевной травмой и побыть наедине.

– Я не чувствую в тебе никакой травмы.

– Слушай ты... тебе стоило бы извиниться за содеянное. Мне почему-то кажется, что ты как-то умудрилось это подстроить.

– Вероятно магией, в которую ты не веришь, – кивнула Сана.

Саша смерил ее взглядом:

– В общем, уматывай, ты что-то засиделась. Все равно от тебя никакого толку, трогать себя за выступающие части тела не даешь, а валяться по полу, мне еще в детском садике разонравилось.

– Хорошо, мне и правда пора. Здесь есть по близости продуктовый магазин? Родители просили купить конфет к чаю по пути с учебы.

– А что, телепортатор уже сломался? Есть, прямо в нашем доме.

– Это хорошо, забегу, а потом, да, телепортируюсь. Хотя, Саша, я все-таки настаиваю на термине перенос сознания.

– Вместе с телом, да еще конфетами, это будет именно что телепортация, Сана.

– Называй, как хочешь.

– Если будешь спускаться по лестнице, не витай в облаках

и смотри под ноги, а то параллельные миры недосчитаются одного твоего экземпляра.

Он довел ее до двери.

– Послушай, а я не понял, где твоя обувь и куртка?

Сана замерла в замешательстве, произнеся:

– Упс, вот это прокол...

– Только не говори мне опять, что ты действительно материализовалась из воздуха, прямо босиком.

Девчонка закусил губу, и пробормотала:

– А! Я совсем забыла, я оставила босоножки у тебя под кроватью. Нет, стой здесь, я сейчас сама принесу.

И она скрылась в комнате.

– Босоножки? Ты, должно быть, шутишь, Сана. Ты так и ходишь по улице раздетая? Сегодня холоднее чем, в тот день.

Девушка вернулась в красных босоножках, бросила на него веселый взгляд и проговорила:

– А мне не холодно.

Когда Сана покидала его квартиру и смешно растерялась, в какой стороне лифт, она напоминала совершенно обычную девчонку. Саша проводил и показал, а то с нее станется, заблудиться и зайти к соседям, чтобы тоже наплести им какой-нибудь чуши.

В голове царил полный кавардак, от всего случившегося сегодня. Возникла как будто ниоткуда, проделала какой-то странный фокус с мячиком, да еще Карина эта со звонком не вовремя...

Сначала надо прийти в себя, а потом уже во всем разобраться.

Глава 6. Элементарные частицы.

На следующий день, вечером, Саша решил кое-что проверить. Открыв шкаф, он стал рыться в своих старых школьных тетрадах.

Пару лет назад, планшеты в учебных заведениях еще не очень то привечали, поэтому в ученическом процессе царила доэлектронная эра. И где-то завалилась тетрадка, куда он классе в одиннадцатом записывал кое-что странное.

«Я видела тебя во сне, я улавливала «воспоминания» от твоей жизни здесь. Я знала, что ты существуешь».

Почему он сразу не вспомнил об этом? Боже, неужели? Но так ведь не может быть!

Он нашел потертую тетрадь с картонной обложкой. Трясущимися руками он открыл ее, боясь читать, то, что там написано, потому что он помнил достаточно хоть и без подробностей.

Тогда ему какое-то время снились странные сны, они были такими цельными и яркими, что он решил их записать. Они казались ему забавными.

В них, он как будто жил другой жизнью в другом месте... в каком-то северном городе у моря.

И там он был девчонкой с каштановыми волосами.

– Господи, не может быть... – прошептал Саша и начал читать.

Сон 1.

Свет проникал в окна, было утро. Девочка проснулась и подумала о том, что уже ходила в школу раньше. Не вчера, и не позавчера, и не год назад. А когда-то давно, когда была взрослой. Ходила, и много раз, в разные школы, в разных городах. Но ей все равно не было скучно, это даже интересно – снова в школу. Каждый раз все равно что-то новое.

Она встала, нашла телефон – голубую раскладушку, – и позвонила подруге.

– Просыпайся, а то опять опоздаешь, сообщила она, когда заспанный голос ответил.

– Как ты узнала, что я все еще сплю?

– Просто узнала.

В школе она всегда чувствовала себя странно, сидя на перемене и смотря на суету вокруг. Ей казалось, что она видит суть происходящего. Каждое движение, обрывок фразы, все складывалось в рисунок линий. И она улыбалась или звонко хохотала, все это казалось таким веселым.

– А что ты смеешься? – спрашивали друзья.

– Я вижу причину и следствие всех ваших забот и тревог.

На уроках она всегда получала пятерки, потому что знала ответы заранее. Особенно ее забавляла история. Постоянно приходилось объяснять учителю, что события записаны бы-

ли в книги немножко неверно, а иногда, даже с намеренными искажениями.

– Откуда ты знаешь?! – воскликнул однажды учитель раздраженно. – Ты что там была?!

– Да, – просто отвечала она под дружный хохот всего класса.

Еще ей очень нравилась математика. Она совершенно ее завораживала. Это была единственная наука, в которой был какой-то элемент неожиданности и ничего предопределенного. Формулы могли вытекать одна из другой бесконечно, отражая суть мироздания, раскрывая мультиварианты Вселенной.

Она знала, что будет учиться на математика, а также то, что это будет в большом институте и почему-то в столице.

А вечером она приходила домой и ела пирожки с вареньем, которые готовила мама. Самые вкусные пирожки на свете.

Сон 2.

Они гуляли с друзьями, была уже почти ночь. Она кружилась на полупустой улице.

– Давайте играть в снежки!

– Ты с ума сошла, пора возвращаться, нас накажут.

– Не накажут, именно сегодня события сложились так, что у нас есть возможность.

И они поверили ей, потому что она всегда была права. У

нее было много друзей. Хотя ее всегда считали странной.

Они бегали и кидались снегом, пройдя пешком полгорода, дошли до моря и смотрели на отплывающие корабли и далекий маяк на скале.

Сон 3.

– Пойдешь в клуб?

– Пойду, если нас пустят.

– Ну ты же можешь сделать так, чтобы нас пустили, а? Ну пожалуйста!

– Ладно, я хочу потанцевать.

– Там будет Андрей, он давно на тебя заглядывается.

– Ах... это который?

– Ты что?! Андрей, он вчера пытался с тобой разговаривать!

– Именно что пытался. Но его словарный запас определенно не дотягивает до моего уровня. Как у Лёши, Жени и тем более Вадима. Так и передай им, чтобы меня больше не беспокоили.

– Ты что вечно такая, вроде не заучка и нормальная веселая девчонка.

– Ну, мне с ними скучно, я что сделаю?

– А Лев? Кажется, с ним тебе было не скучно.

– О... Ну в общем-то да. Но я уже видела его будущее на сорок, пятьдесят лет вперед, он не для меня. Он женится три раза, и в третий раз будет, наконец, счастлив, у него будут

трое детей и две собаки. Один вроде вырастет даже архитектором... Ну если ему купят конструктор в виде домика. Там несколько вариантов, они все в потенциале. Что ты так на меня уставилась? Ну, извини, я что-то забылась.

– Ты что всегда, встречая парня, видишь его будущее?

– Ну не всегда, если мне захочется узнать подробнее. У Андрея, например, я не интересовалась. Но он обычный, что там может быть?

– Наверное, печально встретить кого-то и каждый раз знать, что вам не быть вместе.

– Почему печально? Это жизнь, так естественно складывается реальность. А если бы я захотела, я бы могла все изменить.

– Серьезно?

– Я могу создать любой вариант и выбрать его.

– Ой, да ладно, вечно ты что-то придумываешь и придумываешь. Но с кем ты будешь танцевать, если Андрей тебе не нравится?

– Хм... об этом я не подумала. Ну что же, придется танцевать с вашим Андреем, я хочу хорошо повеселиться.

Сон 4.

– Мама и папа, познакомьтесь, это мой парень. Мы с ним встречаемся. Его зовут Витя.

– Что?! Не может быть!

– Как тебе это удалось, мальчик?

– Не надо смущать моего парня. Он немного в растерянности и еще не свыкся с этой ролью. Но не переоценивайте его способности, я сама его выбрала.

– Как ты пришла к этому решению, девочка? Долго, должно быть раздумывала и решила, что ну, наверное, надо завести парня, да? Ха-ха-ха.

– Да, мама, ты хорошо меня знаешь и сразу раскусила, а я то надеялась хоть раз пощекотать вам с папой нервы, чем-нибудь таким, подростковым. Изобразить безумную влюбленность и бессонные ночи, например... Ой Витя, не смотри на меня так. Конечно, я тебя люблю. Но ты же знаешь, какая я многогранная девушка. Поэтому любовь у меня тоже такая, всеобъемлющая и, как бы, рассеянная в пространстве...

– Ты на нем намереваешься жениться? И как, надолго?

– Ты что, папа? Мне всего семнадцать лет, какое еще замужество?!

– Да это я так, шучу. Просто чтобы уточнить.

– Нет-нет, мы повстречаемся с годик-полтора, а там посмотрим...

– Ты могла бы сказать это не при Вите...

– А? Да?..

– Ничего-ничего. А ты Витя, не обращай внимания. Тебе придется немного пообвыкнуться с ней на первых порах, она у нас очень необычная девушка. Ты, наверное, заметил. Ну... если она наметила хотя бы год для этих отношений, у тебя есть время. Ты, наверное, вундеркинд?

– Папа не издевайся.

– Почему? Я просто все пытаюсь сообразить. Как же ты нашла того, кто тебе понравился? Я думал, среди своих сверстников ты не видишь себе равных.

– К сожалению, равных мне нет и среди взрослых, а может и вообще на этой планете. Ну или они удачно шифруются.

– Послушай, мальчик, тебе придется постараться, чтобы удержать эту девочку около себя так долго. Ты ее любишь?

– У него безумная любовь, отягченная повышенным гормональным фоном. И я даже не знаю еще, что мы с этим будем делать. Но через полгода должно пройти, у семнадцатилетних сильные чувства не держаться так долго.

– Ты проводила исследования?

– Зачем? Последние пятьсот лет, у меня каждая жизнь начиналась с большой и чистой любви. Это помогает развить в себе женскую сторону. Но, видимо, мне это, впоследствии, наскучило, как и мировая политика.

– Дочка, полегче, у твоего парня уже глаза квадратные. Этак он сбежит от тебя раньше запланированного тобой срока.

– Ну, я же сказала год-полтора, а дальше все довольно вариативно.

– Мальчик, тебе придется постараться, она рассказывала, что ее любили короли и полководцы.

– Ах, не выдумывай, мама. Когда я была совсем маленькой, я несла всякие детские фантазии, а вы все запоминаете.

– Что-то он у тебя, молчаливый. Почему ты такой напуганный, Витя?

– Он просто стесняется, папа, и это подходящее качество. Я пока еще слишком юна, и всякая властность у меня так и проскальзывает. Немного послушания и ненавязчивости со стороны избранника, будет хорошим подспорьем в наших отношениях.

– Ты же не нашла его только что на улице? Он твой одноклассник? Ты достаточно с ним пообщалась?

– Ну что ты такое говоришь, мама, я нашла его на кружке пения неделю назад. А слишком много общаться нет необходимости, мы уже были с ним женаты в Индии, и прожили вместе сорок счастливых лет, так что не беспокойся, кое-какой опыт у нас в этом направлении имеется. И в этот раз, на полтора года его вполне хватит, он не должен сильно меня раздражать.

Сон 5.

Она стояла на улице в школьной форме, валил снег, но ей было не холодно. Она была не такая как все, и знала это. Она знала, что мир вокруг больше, чем кажется и что она сама больше, чем этот мир. Она размером со Вселенную.

Она посмотрела на дома, на город на целый мир вокруг. Все это слишком обычно, а она создана для большего. Что-то она забыла. Почему появилась здесь и сейчас в этом времени? Для чего?

– У меня всегда есть какая-то цель. У каждого, даже если он ее не помнит.

Саша закрыл тетрадь, покрывшись холодным потом.

Это была она. Сана Серебрякова! Сомнений быть не может. Моложе, разнузданней, но она! Эти однажды приснившиеся сцены из жизни доселе неизвестной для него девушки очень точно подходили Сане.

Тогда он учился в школе, сны начали сниться внезапно, и поначалу, показавшись занятыми и увлекательными, стали пугать, будучи чем-то слишком странным и необъяснимым. Он не хотел их больше видеть, и сны исчезли. Поэтому Саша выкинул их из головы и старался больше никогда не вспоминать об этом. Тетрадка просто валялась среди других и так и лежала не тронутая до сего дня.

Во снах никогда не мелькали имена, он не видел четко лиц, они быстро забывались поутру. Поэтому он не узнал Сану, когда встретил, и не вспомнил о той давней истории, загнав ее в самые далекие закоулки памяти. Он даже не понял, когда она сказала ему, что видела его во сне, и что он тоже должен был иногда чувствовать себя девчонкой.

А сейчас Саша вспомнил. Сана Серебрякова снилась ему несколько лет назад. Что же это может означать? Как это понимать? Как теперь с этим жить? Вдруг все, что она говорит правда? Получается, они связаны каким-то причудливым образом.

И Сана всегда была выдумщицей, судя по сценам из ее юности. Вот только выдумки ли это? А что если она... волшебница?

Карина не отвечала на звонки весь день, как и вчера, а потом написала сообщение, рекомендующее дать ей, наконец, заняться своей личной жизни, а ему – лучше позвонить своей новой подружке.

Толик пытался целиком засунуть в рот гамбургер. Они сидели в одном из кафе неподалеку от Академии. Саша задумчиво наблюдал за его потугами, а потом проговорил:

– Я вот думаю, почему мы с тобой разговариваем, как правило, в какой-нибудь едальне? Это что, тоже следствие нашей роли в прошлых жизнях? Типа, наиболее привычно рыцарю со своим оруженосцем говорить по душам за кружкой какого-нибудь эля в придорожной харчевне?

– Я вообще не пойму, что ты там несешь, Санёк. Общение с этой прибабахнутой не идет тебе на пользу. Не был я никаким твоим оруженосцем!

– Но меня так иногда и тянет тебя накормить или дать денег взаймы! Это разве нормально?

– Вполне, Саня, вполне. И вообще, когда еще поговорить, если не за едой? Мы студенты, у нас нет ни времени, ни личной жизни.

– У кого как.

– Так что стряслось с твоей супермилой девушкой? Почему она вымораживается?

– Если я тебе расскажу, ты поймешь превратно.

– Кто? Я? Да не вжись!

– И еще будешь всем рассказывать. Любовь к сплетням у тебя, видимо, тоже из простолюдинского прошлого.

– Как еще ты меня оскорбишь? Это у меня-то простолюдинское прошлое? У меня отец директор крупной компании!

– И все же, простолюдинское прошлое в тебе так и проступает.

– Ну давай уже, рассказывай, что там у тебя было. Я догадываюсь, тут замешана Сана?

– Да. Карина позвонила, я ответил, не заметил, что включился видеозвонок, в кадр попала Сана и...

– Ну-ка, поподробнее, чувствую что-то жареное. В кадр попала Сана и?.. Что вы с ней делали?

– Это совсем не твоего ума дело, что мы делали. Интеллигентно разговаривали, но Карина превратно истолковала, увидев меня с другой девушкой.

– Что-то ты скрываешь, Санёк, Карина привыкла к твоим штучкам, и не стала бы устраивать сцен, если бы увидела, что ты просто, где-то, с какой-то девушкой в кафе или на улице. Вы были у тебя или у нее дома? А? Признавайся.

– Отвянь.

– Вы были одеты?

– Представь себе.

– Что же такое увидела твоя Карина, чтобы вспылить?

– Слушай ты, я рассказал тебе, чтобы послушать от близкого друга слова утешения, а не расписывать, что мы с Саной делали у меня дома. Ты все равно не поверишь. Между нами ничего нет. Она не интересуется отношениями с парнями и всякой такой чепухой. Ты же ее видел. Но иногда, она ведет себя странно.

– Иногда? Ты что, Санёк? Да она все время ведет себя странно. Даже если она просто сидит у двери в ожидании пары... я тут пару раз полюбоваться ею на переменах, ах... она так прекрасна...

– Меня не интересуют подробности твоего влечения к Сани Серебряковой, пожалей мой мозг! Любовался он на переменах! Может еще подглядывал в раздевалке и следил, где она живет?

– Нет-нет, мне еще дорога моя жизнь. Я уверен, она сразу заметит. Она же магичка. Даже когда я на нее пялился исподтишка, я думаю, она знала, что я на нее смотрю.

– Ты что, в нее влюбился? Я думал, она тебя пугает.

– Нет, это не любовь, Саня, тебе не понять. Это притягательность неизведанной опасности. Ну как глазеть на Лох-Несское чудовище.

– Да, слышала бы Сана, думаю, ты, и правда, недолго бы прожил, за такое сравнение.

Толик замотал головой:

– Я неверно выразился. Короче, она меня притягивает, чем-то. Как ходячее чудо света, понимаешь?

– Нет.

– Ну она красивая, но она как богиня. Было бы кощунственно встречаться с ней, в кино, там, ходить и тому подобное.

Саша всплеснул руками:

– О боже, рождение новой религии! Поклонение Чудесной Сане! Толик, у меня от тебя уже изжога.

– Так я о чем, что даже когда она просто сидит и ждет пару, она все равно выглядит, как не от мира сего. Уставится в одну точку или просто, как будто возвышена над всем.

– Лучше займи рот гамбургером, сколько можно петь оды своему ангелу? Небось, если тебе снятся о ней сны, они ничуть не эротические, а Сана носит тебя над облаками в светящейся тоге.

– Смейся-смейся, не умеешь ты ценить прекрасное. Обжимался там с этой инопланетянкой, даже не ведая своего счастья.

– Пообжимаешься с такой, весь дух из тебя выжмет. Она, наверное, занимается плаванием. Хватит нести чушь, Толик, между ней и мной ничего нет. Видок у нее в этой клетчатой юбочке волнующий, но... Даже не знаю, не воспринимаю я ее, как обычную девушку.

– Вот видишь. Она богиня. Правда, безумная. Но у богинь это встречается.

– Опять заладил. Она мне как сестра ну или подруга, которую давно знаешь, и как-то... ну ты же понимаешь, с давнишней подругой начинать какие-то отношения мутить, только все портить.

– Нет, не понимаю. Вот Янка из нашей группы, воспринимает меня просто как приятеля, а я бы был не прочь перевести отношения в новую плоскость. Горизонтальную.

– Ну ты и пошляк. Сразу видно, не разбираешься ты в этом вопросе. Любовь ставит крест на дружбе. Такие вещи не стоит смешивать.

– Да когда она тебе успела стать подругой? Ты узнал о ее существовании от меня всего неделю назад!

– Что ты ко мне пристал? Эта девчонка слишком странная и чокнутая. Слишком.

Саша помолчал, разглядывая улицу за окном. Потом проговорил:

– Вот скажи мне, только серьезно. Ты, правда, думаешь, что она обладает каким-то сверхспособностями?

– Конечно!

Саша смерил его взглядом и возмутился:

– Я говорю – серьезно!

– Я совершенно серьезен!

– А с чего ты это взял? Кто тебе это рассказал?

– Так все говорят.

– А ты сам видел, чтобы она делала что-то необычное, кроме своих всегдашних ужимок и рассказней?

– Нет. Но Санька, тот парень. Цементовоз и раскатанное в блин месиво. Говорят, след на асфальте тянулся метров двадцать, отмечая весь тормозной путь.

– Что за глупости? Откуда эта дикая история, я ничего такого не помню. И даже у цементовоза не может быть тормозной путь двадцать метров, гололеда еще нет.

– Я сам видел, как потом понаехали скорые, в тот день все пары отменили.

– А я где был?

Толик завис на секунду.

– Странно, не помню. Вроде мы вместе смотрели, мы же с тобой обсуждали... А нет, это мы в столовой обсуждали, когда я тебе рассказал про эту эсперку с приветом.

– В какой день это случилось? Не тогда, когда я гонял к родителям?

– Среда.. или подожди, четверг. Черт Саня, это было больше недели назад, я уже не помню!

– Я как-то не слышал, чтобы эту историю обсуждали.

– Так ты носишься с магичкой и не общаешься ни с кем толком. Да и потом, Академия уже подзабывает эту мрачную историю. Парень-то был какой-то, то ли нарк, то ли хулиган. Учителя явно вздохнули с облегчением. Да и кому сейчас охота вспоминать про лужи крови прямо перед парадным входом?

– В общем, Толик, не убедительно. Какой-то обдолбанный попал под колеса, и только потому, что он не нравился Сане,

ты решил, что она его замочила? Как? Наложила проклятье? По-моему она не специализируется по этой части.

– Так это не я придумал, парни трепались.

Саша небрежно взмахнул рукой:

– Эта девчонка умеет производить эффекты и пудрить голову. Ты разговаривал с ней когда-нибудь?

– Да... воспоминания об этом выжжены в моей памяти. Она подходила и спрашивала какие-то очень странные вещи. Меня прошивает страх всякий раз, когда она просто на меня смотрит!

– Все с тобой понятно. Ну тогда ты должен понимать, что своим странным поведением, и удивительными разговорами, она производит неизгладимый эффект на каждого, и люди сами начинают выдумывать то, чего нет.

– Нет, ты не прав. Видимо на тебе она не применяет свои штучки в полной мере.

– Почему это?

– Ты ей нравишься.

– Пфф.

– Саня, не спрашивай откуда, но я просто знаю, что Саша Серебрякова обладает магией. Настоящей магией, совершенно невообразимой силы. Она может все.

– Толик, ты сегодня просто жжешь. Ладно, пошли на пары. Жрец превеликой Саны, блин.

Сказанное Толиком было действительно смешно. Но после вчерашних находок, смеяться совсем не хотелось. Саша

еще не знал, что скоро он вновь увидит странную красавицу, и она окончательно разрушит остатки его устоявшейся материальной реальности.

Было около двух часов ночи, Саша засиделся за ноутбуком, увлекшись вычислением в одной из новых программ, которую давно хотел попробовать. Наконец, он потянулся, все выключил и, предвкушая здоровый сон ближайшие часы семь-восемь, благо с утра не было пар, отправился чистить зубы. После он вышел из ванной, открыл дверь комнаты и...

– Сюрприз! – воскликнула Сана, взмахнув руками.

Ненормальная девчонка сидела на его кровати, как в тот раз!

– О боже! – вскричал Саша, хватаясь за грудь – кажется, сердце пропустило пару ударов. – Ты что, хочешь меня до инфаркта довести, ненормальная? Как ты тут опять очутилась?

– Неужели ты собрался повторить ту нелепую сцену, как я объясняю тебе про перемещение сознания, а ты подозреваешь меня в скалолазании по трубам?

Он заметил, что на Сане какое-то белое платье.

– Ты что, в кой-то веки решила переодеться?

Девушка легко крутанулась на месте, демонстрируя наряд.

– Да, это сарафан. Решила тебя порадовать, а то, видя ме-

ня в одном и том же, ты уже наверняка стал считать меня какой-то голограммой.

Это был действительно совершенно летний сарафан, белый, в мелкий цветочек.

– На улице почти зима, ночь, а ты в сарафане? – спросил Саша невпопад.

– Да на тебя не угодишь, студенческая форма не нравится, платье тоже. Мне что, голой ходить? Боюсь, Саша, с тобой тогда невозможно будет адекватно разговаривать, все время будешь отвлекаться.

Он потер виски, пытаясь прийти в себя, воскликнув:

– Невероятно! Входная дверь заперта ключом, весь вечер здесь никого не было. Я только что вышел из комнаты на пять минут! Как?!

– Я перенеслась, – прошептала Сана ему одними губами, и для верности покивала.

Он смерил ее долгим взглядом, а потом метнулся к окну, пристально его оглядывая. Конечно, это чистой воды идиотизм, но, похоже, она и правда забирается сюда по трубе!

– Саша, ты что, совсем дурак? Я что, как ты вылезлся, почти зимой, ночью, в сарафане полезу на четвертый этаж, цепляясь за водосточную трубу?

– Но должно же быть какое-то рациональное объяснение!

– Так! Ты мне надоел! Уже в печенках сидишь! Что тебе там надо было? Файербол?

В ее руке вспыхнул огненный шар размером с детский мяч

и повис над ладонью в нескольких сантиметрах. Огненные отблески играли на ее платье и стенах комнаты.

Саша уставился на это в полном недоумении.

Сана же небрежно проговорила:

– Я, конечно, не знаю точно, так ли эти твои файерболы выглядят, никогда особо не увлекалась фэнтэзийной литературой. Но, похоже, наверное, а?

– Это что, фокус какой-то? У тебя была зажигалка?

Сана гневно выдохнула.

– Ты что, совсем debil, Саша? Фокус? Как можно проделать такой фокус? У меня огненный шар в руке! И я им могу что-нибудь поджечь, он настоящий!

Она сунула шар ему под нос, и Саша почувствовал жар, отшатнувшись.

– Я в шоке Сана, не знаю, как ты это сделала, но фокус отпад, – пробормотал парень, заморожено глядя на горящий шар.

– Интересно, если я создам посреди комнаты танк второй мировой, ты что, тоже будешь у меня допытываться, как я сделала этот фокус? Есть же предел твоей твердолобости или нет?

– А ты можешь создать танк? Да ну, не разыгрывай меня, тем более он сюда не влезет.

– Ах так, ну я сейчас...

– Стой-стой! Подожди! Дай немного передохнуть. Мне что-то нехорошо. Черт, как же так? Огонь в руке... возник-

ла из ниоткуда, сны эти, ничего не понимаю. Может, я уже сплю? Это сон... Случайно заснул, пока чистил зубы?

Сана всплеснула руками:

– Ну вот, видишь, в этого я и опасалась, не следовало тебя так резко знакомить с моими способностями. Я чувствую, что у тебя сейчас бардак в голове, и... Эй! Ты что, собрался упасть в обморок?

Саша действительно почувствовал какую-то слабость в ногах и головокружение, но девушка мгновенно оказалась рядом и подхватила его, повела к стулу: – Давай, присядь, подыши глубоко, успокойся.

– Да все у меня нормально... ну относительно... Черт... Но ты все-таки расскажешь, как ты сюда попадаешь? Может тебя соседи пускают, а?

– Да-да, точно, соседи. Пришла так, в два часа ночи, постучала им в дверь и сказала, не пустите меня в квартиру Саши? Мне очень надо. Так все и было. Давай, вдох-выдох, все хорошо, Саша. И тебя вылечат и меня вылечат.

– А?

– Не обращай внимания, это из одного фильма, впрочем, в этом мире его не показывали. А что, у соседей есть комплект ключей от твоей квартиры?

– Э-э... нет...

– Понятно. Вот попей водички, успокойся – в ее руке возник стакан с водой.

Подождите-ка... Возник?

– Сана, где ты взяла стакан?! – воскликнул Саша.

– Нигде. Ах, ну что ты у меня такой неподготовленный, я даже отсюда слышу стук твоего сердца! Стакан стоял на столе, честно.

– Нет! Он возник у тебя в руке, я видел!

– Это тоже был фокус, Саша, оптическая иллюзия. Давай вдох, выдох, и попей...

– Мне что, попить оптическую иллюзию?

– Нет, стакан настоящий, а вот то, как он возник, оптическая иллюзия... ох, короче, хватит уже. Мне что, вклеить тебе пару пощечин, чтобы ты, наконец, пришел в себя и свыкся, что твоя сестренка может зажигать в руке огонь и творить стаканы?!

Саша взял воду, отпил глоток, сделал пару вдохов, и, кажется, действительно полегчало, сердце успокаивалось. Он потер лицо, отпил еще.

– Так значит... ты волшебница? – выговорил он, наконец.

– Ну-ну, Саша, что за старомодные слова? Я говорила о себе так в шутку. Это в средневековье могли бы так назвать подобные способности, но в двадцать первом веке пора бы придумать что-то новое, ты не находишь? Твой дружок применяет вошедшее в аниме-лексикон слово эспер, и вот оно, пожалуй, подошло бы больше, потому что подразумевает естественную способность человека творить самые необычные вещи психической природы.

– Черт возьми, Сана, я думал, ты, максимум, умеешь чи-

тать мысли, балуешься гипнозом, помнишь прошлые жизни – и это было бы куда ни шло, это, по крайней мере, как-то объясняется. Сверхвосприятие, и все такое. Но сотворить из воздуха огненный шар? Как? Я не могу в это поверить! Это же просто невозможно!

– Почему невозможно?

– Ты что, издеваешься? Как это может быть возможно? Под воздействием мысли молекулы соединяются в нужную субстанцию?

– А почему бы нет? Из чего состоит молекула?

– Из атомов.

– А они из чего?

– Это что, тест по физике? Из протонов, нейтронов и электронов.

– А дальше?

– А они из кварков, а кварки, и другие элементарные частицы считаются далее неделимыми, то есть, наименьшей единицей материи.

– А что такое элементарная частица, современная наука понимает? Нет-нет, не отвечай. Я отвечу за тебя, дальше наука совершенно перестает понимать. Начинаются домыслы и теории. А что из этого следует? Физики, придумавшие те самые законы физики, которые ты так чтишь, заявляют, что постигли наш мир довольно неплохо, знают, как все здесь устроено, иногда, скромно замечая, что тайн, конечно, у природы еще много. Тем не менее, они не имеют ни малейшего

представления, что такое эти мельчайшие кирпичики из которых строится вся наша реальность! Не чувствуешь здесь подвоха, Саша? Если они не знают, из чего она строится, значит, не знают, что из себя представляет наша реальность, и вряд ли уполномочены придумывать какие-то законы о том, как окружающий мир может работать.

– Но эти законы прекрасно работают!.. – возмутился Саша. – Пока какой-то взбалмошной девчонке не придет в голову зажечь в руке факел...

– Да, законы обычно работают, в этом конечно есть их определенная ценность. Но законы физики работают только в своей определенной области применения и до определенных пределов, и есть такие аспекты нашей реальности, где классические законы физики просто неуместны.

– Тогда что же такое элементарные частицы, а, умница ты наша?

– В глубине их нулевые точки вероятности.

– А?

– Ну, если так, чтобы попроще, эти по-настоящему элементарные частицы – потенциальная вероятность чего угодно. Чем она захочет – тем и станет. Вот это и является кирпичиками нашей реальности, а значит, все, что ты видишь вокруг – вероятность.

– Что-то я не догоняю. Как элементарная частица может захотеть что-то? Каким местом?

– Тут ты прав и не прав одновременно. Эта частица обла-

дает собственным сознанием, однако, оно настолько проста, что с тем, чтобы хотеть или не хотеть у него некоторые проблемы. Но это не беда, мельчайшие частицы сознания имеют тенденцию притягиваться друг к другу по схожести своего «хочу» и возникает уже какое-то более сложное надсознание, и вот оно уже может хотеть что-то определенное. И эти мельчайшие единицы, смотря на старшего брата, хотят того же, и превращаются в атом водорода, к примеру.

– Слышал бы тебя Резерфорд...

– Таким образом, в этом поле частиц разума возникает сознание, а у сознания уже может родиться идея, она стимулирует потенциальную вероятность, в нечто определенное, и идея воплощается в материи. Атом водорода понял, что он атом водорода и стал им.

– А кто подумал за атом водорода?

– То кто строит себя из атомов водорода, Саша, не будь глупеньким.

Саша поднял палец:

– Гляди сюда, по-моему потенциальные вероятности образующие атомы моего пальца вполне себе уже определились, какую форму принять. И кто их простимулировал на это? Если я, то я был, наверное, пьян и не помню.

– Вероятности атомов твоего пальца приняли форму именно твоего пальца, согласно идеи твоего я, звучащую примерно, как «я существую». У тебя есть даже общее представление, в какой форме это «я существую» выражается, и

элементарные частицы реализовали соответствующие вероятности, создав нужный вид, цвет и форму.

– А почему именно такие, а не какие-нибудь другие? Почему я светловолосый парень, а не сногшибательная блондинка?

– Потому что в этом воплощении твое я, представляло себя именно так. А вот в районе шестьдесят четвертого года, где-то в портовом английском городке, ты был как раз сногшибательной блондинкой. Там твое «Я», захотело реализовать себя так. Но опыт был, прямо скажем, не самым удачным, ты баловалась марихуаной со школы, торчала по дискотекам, а в 20 лет сбежала с каким-то рокером, он заделал тебе ребенка и бросил. Ты запила от расстройства, и к твоему счастью случился выкидыш. Пару лет ты поработала стриптизершей... надо же было как-то выживать в незнакомом городе, куда тебя притащил этот романтик.

– Что? А ты где была, почему не остановила меня хотя бы на этапе школы?!

– Ну... я на то и сверхсознание, чтобы давать своим частям развлекаться и постигать мир свободно и самостоятельно. У меня были дела поважнее, я учила детей в Центральной Африке. Тебе рассказать еще про то, как ты был блондинкой?

Помешкав Саша ответил:

– Раз начала, то закончи, но я подозреваю, финал был грустным.

– Смотря как посмотреть. Ты нашла себе продюсера, который разглядел твои таланты, устроил в какой-то элитный стрип-клуб, появилось много денег, много богемных знакомств, ты подсела на героин, и где-то лет так в 29, находясь в лирическом настроении после вечеринки, вколола себе тройную дозу и скончалась от остановки сердца.

– Нда... Зря я спросил.

– В общем, Саша, твое «Я» нашло, что прожитое, конечно, было веселым и познавательным, но в этой жизни, надо попробовать что-то еще и желательно не наступить на те же грабли. Так что твои атомы выполнили заказ, построившись в такого достаточно интеллигентного парня с правильными приоритетами, но, как говорится, таланты не задавишь, так что какие-то вещи проявляются в разном виде, например, в непостоянстве отношений и друзьях-идиотах.

– Какие непостоянства отношений?! Я встречался с Кариной, и все было прекрасно, пока вдруг высшая составляющая меня, не решила заняться моим образованием!

– Я не поэтому переселилась к тебе поближе и вошла в контакт, но, два года наркоты серьезно повредили твою бессмертную личность, так что тут тоже есть, над чем поработать.

– Как это повредили личность?

– А ты думал как? Пустишь тело в расход, а потом с новеньким будешь жить как ни в чем не бывало? Этот фокус прокатывает, если ты нажил себе геморрой или тебе простре-

лили голову, но не тогда, когда были применены определенные психотропные вещества, особенно искусственного происхождения. Они действуют не только на тело, но и на сознание, изменяя его самым опасным образом. Так что сейчас будем две-три жизни тщательно исправлять последствия.

– Черт возьми...

– Вернемся к частицам. Твое «Я» при воплощении в этой жизни дало кучке атомов идею, и заключенная в них потенциальная вероятность обрела форму тебя. Это понятно?

– Ну... вроде бы... Но черт, я был стриптизершей?

– Эй-эй, ты сейчас будешь до утра переживать и сокрушаться? Алле, привет, сейчас другая жизнь. Прошрое нам дано не для того, чтобы жалеть, а чтобы не повторить его в будущем.

– Ладно-ладно, так что ты там бухтишь про атомы? Ну окей, моя идея дала им команду сформировать меня. Но как это отвечает на вопрос, откуда у тебя возник огонь в руке?

– Оттуда же, откуда возникаешь ты сам каждую новую секунду. Если наш мир построен из потенциальной вероятности, то правильно направленная мысль, может материализовать, что угодно. В руке у меня были частички вероятности, я подумала – они стали огнем. Все просто.

– И почему люди тогда не летают, если все так просто?

Сана пожала плечами:

– Потому что придумали законы физики и верят, что это невозможно.

– Понятно, даже не буду дальше развивать.

– Ну а теперь, когда мы с этим разобрались, – Сана встала, хлопнув в ладоши, – как насчет того чтобы немного погулять по Парижу?

– Но сейчас ночь и... подожди, ты сказала по Парижу? Не понял?

– Поднимайся и морально подготовься к тому, чтобы увидеть вещи, которые ты никогда в жизни не видел, вещи столь волшебные и невероятные, что у тебя дух захватит.

Глава 7. Париж и Центральная Африка.

Она встала в центре комнаты, таинственно улыбнулась, и провела по воздуху пальцем снизу вверх, за ее ногтем потянулась светящаяся голубая полоска, как будто она разрезала самую реальность. И, похоже, так оно и было, потому что раскрылась прямоугольная дыра с мерцающими краями, а за ней виднелись крыши домов и темно-синее вечернее небо. И, черт возьми, крыши были той особенной архитектуры, что сомневаться не приходилось – это Париж.

– Сана, что это? Ты сделала портал у меня в комнате? – спросил Саша изменившимся голосом.

– На самом деле все эти спецэффекты – переливчатое свечение, дырка в пространстве и то, как я проделала ее ногтем, – совершенно не нужны, для того чтобы я могла доставить нас туда. Но, мне показалось, тебе нравятся такие штуки – тебе же подавай файерболы и прочие визуальные подтверждения чудес. Но мне и самой нравится. Красиво получилось.

– О, спасибо Сана, за заботу. Моя психика просто добита. У меня посреди комнаты переливающаяся дыра в Париж! Просто отлично! По-моему, я уже спятил. Я не понимаю, как это возможно, мозг не отражает действительность! Если бы мы просто очутились в Париже, я бы мог, по крайней мере,

списать это на галлюцинацию, или что ты погрузила меня в гипноз, и я вижу лишь картинки!

— Хватит молоть всякую чушь, давай, поднимайся со стула и идем, — она подхватила его за руку. — Это легко, как войти в обычную дверь! — проворковала она и легко подтолкнула в спину.

Саша запнулся о собственную ногу и буквально выпал на покрытую теплым синим металлом крышу под дымчатым вечерним небом. Сана легко прыгнула рядом.

Все вокруг было настоящим — если это иллюзия, то на редкость правдоподобная. Снизу доносилось движение машин и далекие гудки, легкий ветерок гладил щеки и пахло... пахло смогом, как ни странно. Эта последняя деталь совершенно убедила Сашу в реальности происходящего. Даже двинутой Сане не пришло бы в голову, создавая галлюцинацию Парижа, воспроизвести столь неромантическую особенность. Вокруг высились оцинкованные и черепичные изгибы кровель, площадки, ряды труб, в просветах между ними виднелось море крыш и какие-то небоскребы вдалеке. Некоторые окна в синих мансардах горели желтым огнем.

— Я не верю своим глазам, мы в Париже... — выдохнул Саша.

Он опустил взгляд под ноги, увидел тапочки на ногах и вспомнил, что видок у него довольно затрапезный для города романтиков: серые спортивные штаны и футболка.

— Сана, я же в тапочках! Я стою на чертовой крыше по-

среди чертова Парижа в одних тапочках!

– По-моему, вполне органично. Как еще должен выглядеть человек вечером на крышах Парижа? Именно так, как будто он вылез перед сном в окно подышать свежим воздухом.

– Ты думаешь, французы именно так и проводят время? Посмотри вокруг, сейчас кто-то выглянет в окно и вызовет полицию!

– Не преувеличивай, мы не похожи на грабителей. Ты в тапочках, а я в сарафане – мы вполне смахиваем на молодую романтическую парочку, вылезшую в окно спальни, чтобы поцеловаться под звездами.

– Что-то я не вижу звезд за этим смогом. Тут что, всегда так накурено?

– Солнце еще не село далеко за горизонт, вот и не видно звезд. Не придирайся к деталям, многие отдали бы что угодно за то, чтобы так вот перенестись в Париж на полчаса и погулять по крышам. Но да, в нашей реальности этот город немножко не так хорош, сказываются разные особенности истории.

– Чем это он не так хорош, кроме изумительного синего налета выхлопных газов?

– Вот посмотри туда, – Сана вскинула руку, указывая куда-то между двумя кирпичными трубами. – Что ты там видишь?

– Э-э... ничего.

– Вот именно, а в большинстве близких вариаций нашей ветви там возвышается Эйфелева башня.

– Что-то знакомое название. Это хм... не та какая-то гигантская опора моста, которую построили шутки ради для выставки?

– Да-да, именно она.

– Это было лет сто назад, ее же демонтировали сразу после выставки.

– А во многих других вариациях нет, и она по сей день возвышается над Парижем, став его главным символом и маяком для всех влюбленных.

– Ты шутишь? Я видел фото этой хреновины, страшная черная конструкция, напоминающая... ну да, опору какого-то моста, или радиовышку. И это стало маяком влюбленных?

– Именно так.

– Эти другие миры странное место.

– Когда к той конструкции привыкнешь, она кажется довольно симпатичной и придает городу необычный вид. А впрочем, что я рассказываю, когда могу показать?

Сана взмахнула руками, и на какое-то мгновение мир вокруг мигнул, замерцал, сквозь него будто проступило что-то другое, тоже вечер, тоже Париж. Воздух был чище и свежее, под небом клубились облака, блестели мокрые крыши, от прошедшего недавно дождя. А там, между трубами, возвышалось над городом нечто. Огромная ажурная башня, вся

в огнях. Зрелище было завораживающее.

Мир вернулся обратно, дождливый Париж и башня исчезли.

– Руками я сейчас махала тоже чисто для эффекта, – за чем-то пояснила Сана.

Но Саше было не до нее, он все переживал увиденное, да и тот Париж, что был сейчас вокруг, зрелище более чем необычное, если учесть, что пять минут назад он сидел у себя в комнате в Солнечном Городе.

– Я не могу поверить своим глазам, неужели это все настоящие? – пробормотал он, опустившись и пощупав крышу.

– Более чем.

Они пошли по скату, Сана перепрыгивала выступы и швы и вела себя совершенно непринужденно, словно это банальная дорожка в парке. Сашу же донимала одновременно реальность и нереальность происходящего.

Он запнулся, чуть не потеряв равновесие, и покосился на опасно близкий край, за которым внизу гудели машины.

– А что если я навернусь отсюда? – поинтересовался он чисто для информации.

– Тебе все еще кажется, что все происходящее сон? Могу тебя заверить, что если скатишься за край, то результат не многим будет отличаться от того, если бы ты выпрыгнул из окна своей квартиры. Но не переживай, я всегда успею тебя подхватить.

Небо стремительно темнело, начинали проступать пер-

вые звезды, Ветер шевелил волосы весело кружащейся перед ним Саны. Она действительно казалась волшебным существом.

– Побежали, что ты такой неживой? – засмеялась она, схватив его за руку.

И они побежали по крышам, перепрыгивая выступы уже вместе.

– Не останавливайся, верь мне! – подбодрила Сана, когда они подбежали к краю ската.

Они прыгнули, держась за руки, и перелетели метров пять над проезжей частью,двигающейся синей машиной и парой поздних пешеходов. Никто из них не поднял головы, чтобы увидеть нечто, чего вряд ли бы еще увидели когда-нибудь в жизни.

– А теперь полетели, – сказала Сана, и они полетели.

Саша просто перестал чувствовать вес тела, какая то сила несла и его и Сану над трубами со скоростью летящей птицы. Он вцепился в руку Саны, чувствуя, что лишь эта маленькая сухая ладошка тот мостик, что отделяет его от мира с нормальными законами физики, в которые она не верит, но верит он, и стоит разжать пальцы, он свалится вниз.

Ноги снова почувствовали под собой черепицу. Сана пошла шагом, отпустив его руку и глубоко дыша, наслаждаясь вечерним воздухом Франции. Вероятно, для нее не существовало и смога мегаполиса, в него она тоже не верила.

У очередного края крыши, она просто пошла дальше, не

останавливаясь, и на глазах у изумленного Саши, край стал вырастать вслед за ее ногами. Пожав плечами, он пошел за ней по этому мостику, с опаской поглядывая вниз. На узкой улице никого не было, кроме подозрительного типа нефранцузской наружности с бутылкой пива.

А они просто шли над его головой по возникающему из воздуха мосту.

– И что должен подумать тот, кто это сейчас увидит? – пробормотал Саша.

Сана остановилась и тоже взглянула вниз. Похоже, тип с пивом ее заинтересовал. В руке ее возник маленький камешек, и она совершенно явным образом прицелилась, чтобы запустить его в этого индуса или кто он там был.

– Ты что делаешь?! – одними губами шепнул Саша.

Он никак не ожидал от высшего существа такого детского хулиганства.

– Я просто хочу неприкрыто вмешаться в судьбу этого заблудшего человека и немного ее поправить, – как ни в чем не бывало пожала плечами Сана.

Парень внизу, казалось, не слышал, что над ним кто-то разговаривает.

А далее, Сана метко пустила камешек ему по торчащей столбиком шапке.

Индус вяло поднял мутный взгляд и вполне ожидаемо замер в полном недоумении. Еще бы, ведь над проулком откуда-то взялся какой-то мостик и на нем стоят девушка в сара-

фане вместе с парнем. И девушка кидается камешками!

А Сана помахала ему рукой и весело проговорила:

– Эй, Анвар, кончай пить, это тебя до добра не доведет, я серьезно.

Раздался звон – это парень выронил бутылку, замерев с открытым ртом.

Сана уже забыла о нем, зашагав дальше. Саша покосился на бедолагу, который пучил свои и так не маленькие глазищи так, что они скоро выпрыгнут и побегут за Саной.

Мостик исчез, стоило ступить на крышу. Когда они отошли немного от этого места, Саша спросил:

– Ты что, знаешь этого индуса? Ты назвала его по имени.

– Он не индус, и очень бы обиделся за такое сравнение, он приехал из Пакистана со своим братом нелегально. Брат-то взялся за ум, сумел открыть парикмахерскую, а Анвар слегка запутался. Но ничего, после сегодняшнего происшествия он совершенно изменится. Будет помогать брату в парикмахерской, встретит девушку, женится, и будет до старости рассказывать, как однажды девушка в белом с неба сказала ему бросить пить, и что он ее послушал, поэтому стал счастливым... Подожди, а что ты спрашивал? Нет, я его не знаю, вообще впервые вижу.

– Господи, Сана! Ты что, правда богиня?!

– Нет, я только учусь, – хихикнула Сана. Потом обернулась, видя, что он замер в полном опупении. – Ну что ты такой впечатлительный? Это даже не чтение мыслей, я про-

сто посмотрела на человека и увидела все его прошлое и будущее, ну и мне показалось, что можно его подтолкнуть к варианту посимпатичнее. Счастливая старость и двое детей, по-моему, получше дыры в голове через два года из-за долга Ахмеду с соседнего двора за наркоту.

– То есть ты так вот шла мимо, и как бы между прочим решила изменить человеку судьбу? А может ему было суждено вместо двоих детей баловаться пивком в переулке и получить дыру в голове от Ахмеда?

– А кто, по-твоему, должен решать такие производственные мелочи в нашем брэнном мире?

– Черт, но определенно не ты!

– А кто?

– Ну, я, как ты знаешь, физик и материалист, меня разговоры о боге смущают, но, какая то высшая сила ведь есть, и это определенно в ее ведении.

– Сила есть, но она такими мелочами напрямую не занята, у нее проблемы глобальнее. Давай разберем ситуацию в деталях. Посмотри на это со стороны, вот стоит в проулке заблудший человек, ему плохо, он как раз подумывает о том, что бог должен ему помочь найти себя в жизни.

– Ты это в его голове прочитала?

– Ну не так явно, но он об этом подумывал, уверяю тебя. Так вот, стоит он, пьет пиво и думает, бог, помоги мне найти себя в жизни. И тут вдруг как-то так случайно получилось, что мимо проходила богиня мультиреальности, для

которой совершенный пустяк, дать ему искомое, причем даже, не прибегая к магии, а просто привлечь внимание и сказать пару слов. Как так получилось, что я здесь очутилась и заметила его? Чья длань и воля направила эти события если не бога?

– Хм... ну логично.

– А если его воля направила меня сюда и я могу помочь, почему бы не помочь?

– Хм... А что если, у этих сил и правда запланировано все на свете, им особой разницы нет, как случится в данном случае. И было два варианта, в одном Анвар получает пулю...

– Вообще, ему в том варианте человек Ахмеда стукнул по голове ножкой от мусорного бака... – поправила Сана.

– Ну не важно, в одном он получает ножкой бака, а в другом у него двое детей. Но нюанс в том, что во втором случае, история пошла по другому пути, и не занимаясь вопросами выколачивания долга с Анвара, Ахмед в тот день ширнулся и...

– Ахмед не ширяется, он дилер, он что дурак ширятся?

– Тьфу, ну представим, что он... ну ладно, не ширнулся, а выпил пива, того самого, которое не выпил Анвар, два года назад, у него переклинило мозги, он пошел на улицу и пристрелил пять человек.

– Вполне вероятно, – кивнула Сана.

– И тебя это не беспокоит? Ты спасла Анвара, подтолкнула его на вариант «посимпатичнее», а в результате через два

года погибло пять человек!

– Не хочешь ли ты мне предложить пойти огреть бедолагу ножкой от мусорного бака, чтобы восстановить равновесие?

– Пожалуй, это было бы чересчур.

– Если кто-то шагнул на дорогу, не видя несущегося автобуса, ты же спасешь его, схватив за руку?

– Конечно.

– А представь, как ты изменишь реальность этим. Теперь он не умрет и сделает много всего за свою жизнь. И ты же не станешь переживать на тему, что, возможно нарушил замысел мироздания?

– Хм... ну нет.

– Тогда закроем эту тему и... сменим обстановку, Париж, я вижу, тебя не вдохновляет.

Без всякого перехода и красивых светопреставлений следующим шагом они вступили на каменистый песок. Кое-где росла жухлая, но высокая трава, вдалеке виднелось несколько деревьев.

– Где это мы? – спросил Саша.

– В Центральной Африке.

– Что? О, ну просто отлично, теперь я буду гулять в тапочках по Африке!

– Не переживай, ты же знаешь, что после известных событий шестьдесят восьмого года, здесь на тысячу километров ни души. Мы в том самом месте, куда не пускают туристов.

– Нет, ты точно решила добить мою психику!

– А по-моему, ты уже привык. Из тебя так и льется твой обыкновенный сарказм через каждое слово, хотя еще недавно, ты еле мог дышать от потрясения, что твоя подружка зажгла в руке огонь без зажигалки.

– Количество чудес зашкалило, я потерял чувствительность. Завтра я проснусь, и буду думать, что видел чудесный сон.

– Ты просто несносен, придется принять какие-то меры и на этот счет.

– А не наступило ли уже утро, что-то тут чересчур светло, – проговорил Саша, приставив руку ко лбу и посмотрев на палящее солнце.

– Вспомни географию, Африка находится значительно западнее нашего круглого Евразийского континента прямо посреди Океана Бурь, а значит, если в России ночь, в Европе вечер, то здесь самый полдень.

– Серьезно? А дальше что? Прыгнем на Американский континент, где еще утро? А потом в Японию, где уже сразу следующий день? Я сегодня буду спать, Сана?

– Конечно, мы гуляем не более двадцати минут, а с утра у тебя есть шанс поспать подольше. Хочешь, вообще отменим тебе занятия и работу?

– Э-э... пожалуй, нет. Изменять ход вещей, ради проказ?

– Вообще-то, мы занимаемся познанием.

– В чем оно заключается? Пока что мы прыгали по крышам, летали и заставили бросить пить какого-то бедолагу.

Ты извини Сана, но это больше напоминает хулиганские проделки.

– Ну вот, познание уже в том, что оно может быть веселым и легким времяпрепровождением. А кроме этого, мы расширяем тебе кругозор, показывая, что реальность податливая штука. А сколько мы законов физики уже нарушили – не счесть.

Саша, пренебрежительно прервал ее:

– А если серьезно, что мы забыли на месте Большой Африканской Трагедии?

Сана обвела задумчивым взглядом окрестности и вздохнула:

– Просто... Ты напомнил мне о кое-чем, и мне есть, что показать тебе здесь. Пойдем.

Они дошли до леса, и вступили в благословенную тень, двинувшись по какой-то заросшей дороге. В зарослях угадывались развалившиеся от времени тростниковые лачуги и какое-то каменное здание, видимо, в более славные времена бывшее местной администрацией. Может быть, куда-то сюда и упала та химическая бомба, превратившая все вокруг в запустение, откуда исчезли все: и люди, и звери, и птицы.

– Здесь всегда играли дети, – пробормотала Сана.

Он никогда не видел ее такой... Без обычной безмятежной улыбочки, задумчивой, отстраненной, даже грустной. Грустная Сана – казалось, это просто невозможно для девушки, которая может, по ее же словам, «почти все».

– Я всегда говорила им не играть на дороге, но, конечно, они не слушали. Смешно и глупо, я беспокоилась, что их переедет машина, но здесь редко ездили, да и всякий водитель замызганного джипа привык, что в этих краях надо поглядывать на дорогу, потому что яма, камень или дикий зверь дело нередкое. А им суждено было умереть не от этого, и всем в один день, как бы я их не оберегала.

– Ты тогда не умела видеть будущее?

– Это сложно объяснить. Что значит тогда? Времени нет, Саша. Я и сейчас нахожусь в этом «тогда». Я здесь и я там, и я по-прежнему Сана, можно ли сказать, что я чего-то умею или не умею там, если я умею это здесь? Просто там, та часть меня, которая хотела учиться и учить, там я не хотела летать, телепортироваться и менять реальность одним движением пальца, вот и все. Это было не нужно для той жизни. Но не хотела, не значит, не умела, правда ведь, Саша?

– Ох, могла бы просто ответить да или нет.

– Я не хотела видеть будущее и не видела, но... все равно я всегда предчувствовала, что придет конец и придет неожиданно. Но... Играла в игру до конца. Я любила этих детей, оберегала и боялась, что на кого-то из них упадет ветка, хоть и знала подсознательно, что не ветка их убьет.

– Так ты здесь учила детей в шестидесятых? Об этой жизни ты упомянула, когда рассказывала мне о... той моей жизни.

– Да, Саша, когда ты был стриптизершей-героинщицей, я

была здесь.

– Могла бы снова не проговаривать это...

– Не вини себя за такую жизнь, нельзя сказать, что ты в чем-то виноват. В тот раз, все лучшее в нашем существе перетекло сюда и оба полученного опыта были необходимы и полезны.

– Да, это меня, видимо, должно порадовать. Я обогатил наше существо бесценным опытом. Давай, в следующий раз, твоя очередь разживаться таким опытом.

– Прости, но ты к этому более предрасположен, у тебя, скажем так, лежит к этому душа.

– Это ты сейчас пошутила, или что?

– Как хочешь, так и понимай.

Сана пошла дальше, не став ничего пояснять, Саше осталось только чертыхнуться и идти следом.

Заросшая дорога привела к еще одному каменному зданию, совсем развалившемуся от времени. Кажется, это была школа. Первый этаж оказался относительно цел.

Стоя посреди помещения, на стене которого уцелела доска, Сана подняла из кучи мусора стул и села, жестом предложив Саше проделать то же самое.

– Что ты видишь? – спросила Сана.

– Э-э, что за вопрос? Разрушенную деревню.

– Зеро-вирус уничтожил это место и многие другие. Территория размером в четверть континента превратилась в безжизненное запустение.

– К чему ты клонишь?

– Деятельность человека может быть разрушительной, но не оставляющей следов. Посмотри, вокруг лес, буйство растений, сюда возвращаются животные. Люди уверены, что они зло и несут миру разрушение, но на этой планете было столько войн, а в древности куда более страшных и разрушительных, чем мы можем себе представить, и все же нигде не осталось и следа. Людям не стоит зазнаваться, самое страшное, что они могут придумать, сглаживается через несколько десятилетий. Вся наша суета – миг перед вечностью планеты.

– Глубокомысленно, но зачем мы здесь?

– Я хотела показать тебе это место и рассказать о детях, которых я учила. Рассказать о том, что ничто не бессмысленно. Я прожила здесь пять лет, учила своих учеников, учила чему-то и жителей деревни, с которыми общалась волей-неволей каждый день, но все они исчезли в один миг, и кажется, что в моей жизни не было смысла, но он есть. Прежде всего для меня.

– Если прошлые жизни существуют...

Сана перебила:

– Мне нравится твое «если», учитывая, что мы сидим в пустой деревне, и я тебе рассказываю, что здесь было пятьдесят лет назад.

Саша продолжил:

– Все эти люди родились где-то вновь и помнят что-то из того, что ты им дала?

– Конечно, они родились вновь, и, конечно, то, что я им дала, не исчезло, а осталось с ними, стало их частью. Но и они мне многое дали и научили. Я любила этих детей, они любили меня, и мы учились любви, доверию и стремлению быть лучше, чем мы есть. Я узнала, что даже плохие люди, на самом деле в глубине души хорошие, и ведут себя так подчас, потому что никто не научил их иначе. Если их понять, найти дорогу к сердцу, они раскроются и покажут миру себя с лучшей стороны. Также не бессмысленны трагедии подобного рода. У всего есть свой смысл, даже если люди не способны его увидеть и понять. Трагедия в Африке серьезно изменила мир.

Сана помолчала немного, обведя комнату глазами, а потом встала, хлопнув в ладоши:

– А теперь, пора возвращаться!

– Что? Уже, а я только вошел во вкус. Ты такая внезапная Сана...

– Я хочу, чтобы ты подумал об уроках, полученных сегодня.

– Я завтра проснусь, и все, о чем буду думать, что такой трип не ловили даже хипари после ЛСД.

– Ах да, я чуть не забыла, спасибо что напомнил. Надо дать тебе какой-то предмет, иначе с тебя станется посчитать все случившееся с момента моего появления у тебя дома экстравагантным сном, и мне ничуть не хочется опять повторять фокусы с огненными шарами, чтобы снова доказывать

тебе, что я волшебница.

Саша занервничал:

– А может, нам, все-таки, оставить это сном?

– Нет-нет, ты спал всю жизнь и пора уже проснуться.

Сана наклонилась и подняла с пола деревянную машинку.

– Это принадлежало младшему из детей. На, положи это под подушку, когда вернемся, и тогда твоя сладкая утренняя иллюзия, о том, что ты по-прежнему в своем тихом и предсказуемом мире, рассыплется в пыль.

– О, ты так добра сестренка, но стоит ли? Это же вещь из зараженной зоны, а ты хочешь, чтобы я притащил ее в Россию? Это вообще безопасно?

– Не будь идиотом, период жизни zero-вируса всего несколько часов, и за пятьдесят лет от него не осталось и следа. Ты же знаешь, что причина, по которой сюда не возвращаются люди, это, в некоторой степени, отсутствие достаточного населения в уцелевших окружающих странах, а еще суеверие и страх.

– Я думал, всему виной договор о нейтральной территории на сто лет и превращения места в эдакий заповедник памяти.

– Это лишь следствие. Никто не хочет жить среди сорока миллионов призраков. Но через пятьдесят лет Африка будет стремительно развиваться, и суеверия уже не помешают идеи, что оставлять бесхозными столь большие площади, довольно расточительно.

Саша повертел полученную машинку в руках. Стараясь не думать, где те руки, что держали ее последний раз.

Сана прошла вдоль покосившейся школьной доски, проведя пальцем по желобку для мела.

– Наш разговор об Анваре и твое непонимание, напомнили мне об этом месте. Поэтому я хотела показать, что не так все очевидно в мироздании. Нет четкой градации добра и зла. Возвращаясь к твоему вопросу – а что если мой выбор приведет к худшим последствиям. Посмотри вокруг. Здесь случилась катастрофа мирового масштаба, кто решил, будет она или нет? Что привело к ней? На эти вопросы не ответить, будучи только человеком.

– Черт возьми, о чем ты?

– Эта катастрофа уже была задана самими обстоятельствами, запрограммирована судьбой. Она могла быть здесь, в нашем времени, а могла не быть. Но важно то, что само событие уже существовало в системе мироздания. Вспомни наш разговор о времени. Времени не существует, а значит все одновременно, и эта катастрофа не возникла вдруг, а была всегда. Она была, есть и будет. Решение одного человека не создаст ее и не уничтожит. Разница лишь в том, для кого это станет реальностью, а для кого нет. Люди не понимают, почему в шестьдесят восьмом году чокнутый диктатор Мухато пустил ракету с экспериментальным вирусом и уничтожил четыре страны со всем населением, включая свою собственную. Но на самом деле, они сами сделали это своей ре-

альностью, чтобы получить урок.

– И что, этот парень, что пустил ракету, не несет ответственности за то, что сделал?

– Всю полноту ответственности он будет нести только перед собой самим, а не перед нами или богом. Может быть, содеянное изменит его, создаст то, что называют кармой. Но карма работает не так, как себе представляют люди. Он будет всегда чувствовать некое подсознательное чувство сокрушительной ошибки, которое начнет толкать его к ситуациям, разряжающим накопленный потенциал вины. Он был глупым, но он был тем, кто он есть. Опасным недоумком с красной кнопкой, которую нажал, как только она оказалась у него в руках. Если людям нужен такой урок, значит что-то не в порядке и с людьми и с миром, что они строят.

– Ты что, его оправдываешь?

– Нет. Но легко все спихнуть на одного человека и сказать, это он все устроил, но чьими руками, с чего согласия и кто ему позволил? Мы сами допустили это, вот в чем проблема. Психов надо обходить стороной, а не бросаться к ним в объятье, идти к ним в гости, или тем более голосовать за них на выборах, давать мандат ООН и закрывать глаза на явные признаки все большего помешательства.

– Ты довольно складно говоришь, Сана. А как же ты? Ты вмешиваешься в судьбы людей!

– Да ты меня уже достал! Вот в прошлом я действительно вмешивалась, а Анвар – это скользящее прикосновение, а не

вмешательство в ход мироздания. Я помогла парню понять то, что он и так чувствовал. Он просто случайный бедолага, которому я не дала спиться и погибнуть, а ты мне теперь плешь проешь из-за этого?

– Ты умеешь перемещаться куда угодно, творить из воздуха вещи, и, судя по твоим описаниям, это лишь маленькая доля твоих талантов. Бог его знает, что ты еще можешь и как применишь такие способности. Может, ты сейчас полетишь в Нью-Йорк, выдернешь из земли Эмпайр Стэйт Билдинг и воткнешь его наоборот верхушкой вниз, просто шутки ради!

Сана открыла рот, но тут же закрыла, не найдя что сказать.

– Только не говори мне, что ты так уже делала, – насторожился Саша.

– Ну... Не совсем так, но... надо же мне было проверить, в какой степени я могу воздействовать на реальность.

Саша выпучил глаза, уставившись на нее.

– Господи, да ты же опасна, Сана!

– Успокойся ты, это было в параллельном слое реальности, я немного поэкспериментировала с несколькими зданиями, никто ничего не заметил и не почувствовал.

– Да ты, наверное, снова надо мной подшучиваешь? Я тебе не верю. Никто не мог дать чокнутой девчонке такую силу!

– Но к чему ты клонишь? – спросила Сана, – Я ничего не разрушаю ради забавы. Самосознание – это то, что отличает нас от простой материи. Ураган может пронестись, разру-

шить несколько домов, и для него не будет разницы, дома это или голые камни. А человек поймет, что он сделал, и это понимание, будет тяжким.

Саша улыбнулся ей:

– Ну, как там у Конфуция? Взмах крыльев бабочки порождает ураган на другом конце земли?

– И что, по-твоему, Конфуций хотел этим сказать? Что бабочка виновна в создании урагана или он имел в виду другое? А? Подумай.

Саша пожал плечами:

– Вероятно, нет. Бабочка просто живет, машет крыльями, то, что из-за этого где-то ураганы, видимо, не ее проблемы.

– Примерно так. Одна бабочка не может нести ответственность за ураганы, даже если по законам Вселенной их порождают взмахи ее крыльев.

– Однако бабочка не знает, поэтому может себе и дальше махать. А что если ей скажут, бабочка, когда ты взмахнешь крыльями, на другом конце земли будет ужасный тайфун, и погибнут люди? Кто тогда будет бабочка, если, зная это, все равно взмахнет?

– Бабочка не может не махать крыльями, Саша. Если она их опустит, то упадет. И тогда она будет очень глупой бабочкой.

– А что если ты разрушишь что-то по незнанию?

Саша задумалась. Потом пожала плечами:

– Я могу чего-то не знать и не могу поручаться за то, чего

не знаю. Все, вставай, нам действительно пора возвращаться, в Солнечный город, скоро рассвет.

– Значит, ты можешь напортачить, не рассчитав силенок, да Сана?

– Да, могу, не стану врать. Но я буду очень переживать по этому поводу, если тебя устроит такой ответ, – обворожительно улыбнулась девушка.

Саша лишь пробурчал под нос, о придурочных богинях, хулиганящих здесь без всякого присмотра, и встал с шаткого стульчика. Он напоследок обвел комнату глазами, и ему почему-то подумалось, что эти стены пятьдесят лет не видели живых людей, и не увидят еще пятьдесят, если верить Сане.

С этой мыслью он крепче сжал нелепую деревянную машинку в руке. Показалось важным, что хотя бы один предмет отсюда вернется к людям.

Может быть, что-то есть в словах Саны насчет того, что гибель сорока миллионов стала уроком для всех.

Глава 8. Что дальше?

Саша проснулся около двенадцати дня, кое-как разлепив веки, с ощущением, что забыл что-то важное. Перевернувшись на спину, он припомнил, что, кажется, надо было подползать в Академию к третьей паре. Он вяло перевернулся, взяв телефон и, посмотрев время, бессильно кинул обратно.

Поздно, на третью пару уже не успеть, так что торопится уже некуда.

Так, а что еще он забыл?

И вдруг Саша вспомнил, Париж, Центральная Африка, разрушенная школа. И, черт бы все побрал, Сана действительно умеет летать, телепортироваться и с большой долей вероятности все остальное, о чем говорит!

– Нет! Нет-нет, это точно был сон! – пробормотал он, садясь на кровати. – Такого просто не может быть!

Он потер лицо, приходя в себя и перебирая в голове воспоминания, которые были на редкость яркими, живыми и, что самое страшное, логично связанными, ничуть не отрывающимися от прочих воспоминаний дня.

На сон не походило.

– Нет, не может быть! – воскликнул он, и тут он повернул голову, взглянув на шкаф, где на полке должна была быть...

– О, нет!.. – выдохнул он, совершенно убито.

Деревянная машинка из эпицентра Большой Африкан-

ской Трагедии стояла там, как ни в чем не бывало.

– Вот же сраный мир, – пробормотал он.

Сана волшебница. Не эсперка, не телепатка, а какая-то совершенно охраненная волшебница. Нет, что за дурацкое слово. Все в этом чертовом мире так или иначе объясняется наукой, и она сама говорила, что ее умения не какое-то сказочное волшебство, а вполне объясняется если не законами физики, то законами... того, как все устроено. Естественные психические способности, сверхэкстрасенсорика... и прочая хрень. Возможность воспринимать многие измерения одновременно. Еще Энштейн заметил, что со временем как-то не все в порядке. Это можно понять. Может быть, это возможно? Черт, да и перемещение в пространстве теоретически вероятно. Но как это может делать двадцатилетняя девчонка? Какое-то локальное искривление пространства? Маленькая черная дыра, через которую она мгновенно протягивала их тела? Вот же дерьмо, у нее что, в голове мощнейший генератор энергии способный вызвать такое искажение?! О боже, но что за бред, она же могла создавать вещи из воздуха! Она говорила, что может поднять дом взглядом! Как? Как такое возможно? Этого не то, что наука не объясняет, этого вообще не объясняет ни логика, ни здравый смысл, ни какие-либо самые смелые допущения!

«Элементарные частицы не частицы вещества, а единицы сознания, принимающие форму под воздействием мыслей и идей», – прозвучало вдруг в мозгу воспоминание объясне-

ния из ее уст.

Саша бессильно схватился за голову. Он не понимал, как это может работать. Начав заниматься физикой, он думал, что уже понял этот мир, и вдруг оказалось, что он лишь подержался за верхушку пирамиды, торчащую из песка на сантиметр, а там, под землей, еще километры такого, о чем он даже представления никогда не имел.

Единицы сознания, объединяющееся по схожести мыслей в конструкции идей и воплощающие себя в материю.

– Мысли управляют всей реальностью вокруг? – спросил он пораженно.

Такой вывод напрашивался сам собой. Если он сам состоит из множества единиц сознания объединенных идеями... из которых состоит он сам. Боже, так и есть. Что есть личность и индивидуальность каждого человека? Просто совокупность идей, его представлений о себе и о мире вокруг. И эта конструкция объединяет частицы потенциальной вероятности в нечто, в это тело. А что еще?

Он посмотрел на окно, задумавшись, что и оно может быть совокупностью идей, принявшей форму. А может быть, весь мир совокупность идей? Но чьих?

«Твоих собственных, и других людей», – подсказал голос Саны в голове.

Зазвонил телефон, Саша машинально взял трубку, уже зная, кто это.

– Я чувствую, тебе только что пришла в голову дельная

мысль, – сказала Сана приветливо. – С добрым утром!

– Скажи, ты только что со мной разговаривала мысленно?

– Когда?

– Видимо мне показалось...

– Учитывая, Саша, что мы с тобой как два конца одного карандаша...

– Ого, новая изящная аналогия?

– Да... так вот, учитывая это, мысли возникающие у тебя в голове, в принципе, у нас общие. Так что я могла что-нибудь там у тебя сказать, при этом здесь, в теле этой довольно смысленной девчонки, не заметить этого. Но пусть тебя не смущают такие маленькие казусы.

– И если мы карандаш, то кто из нас грифель, а кто ластик? Ну я просто уточнить, уж больно богатое на образы у тебя сравнение вышло.

– Ты, Саша, определенно тот конец, что менее остер.

– Ты позвонила, чтобы снова поуничтожать меня, сестренка? Это у тебя такая разминка с утра? Вместо чашечки кофе, чтобы войти в тонус?

– Если честно, я почувствовала, что ты проснулся в глобальном смятении, припомнив наши вчерашние приключения. Я беспокоилась за здоровье твоего рассудка. Но видишь, я позвонила и немного привела тебя в норму. У тебя вновь проснулась твоя язвительность и потрясающе ядовитый сарказм. Я рада. Это означает, что ты не сбрендил, и даже, может быть, сможешь пойти сегодня на учебу, не будешь наты-

каться на столбы и вызвать подозрение окружающих. Но если тебя, все же, кто-то из учителей отправит в кабинет психолога, ну знаешь, просто чтобы поговорить по душам, а то ты, мол, такой сегодня, как пыльным мешком по голове огреть, то, Саша, каким бы дружески располагающим не был Борис Степанович, лучше не посвящать его в подробные детали моей божественности.

– А это кто?

– Наш штатный психолог.

– Ты знаешь, как зовут нашего штатного психолога? Чувствую, ты не раз с ним виделась, потому что я, например, знаю только, что он есть, а не как его зовут.

– Да... было дело. Сам понимаешь, я личность выражающая себя довольно свободно, а учителя не сразу привыкли к моей непосредственности. Как-то раз меня к нему направили, а мне было весело сходить и посмотреть, как он будет помогать «чересчур активной девочке, с манией величия».

– И что ты с ним сделала? Отредактировала ему мысли, чтобы он рассказал учителям, что ты не опасна для общества, заодно подлечив геморрой?

– Ты не поверишь, он счел меня вполне адекватной.

– Действительно трудно в это поверить.

– Я была мила, много и остроумно шутила, мы поговорили о математике, и как не просто совладать с неумными подростками. У него две дочери возрастом четырнадцать и пятнадцать лет. Я дала пару дельных советов на их счет и

ему понравилось. На самом деле нормальный мужик. Но дело свое знает, и такого как ты, быстро раскрутит на доверительный разговор.

– Не волнуйся, я не стану ему рассказывать, что мы с тобой два конца одного карандаша, и что я тот, который тупой.

– Ну что ты обижаешься на невинные шутки? Сам же стал уточнять, который ты конец, пришлось что-то ответить.

– Могла бы выбрать для аналогии предмет с одинаковыми сторонами.

– Но мы же довольно неодинаковые стороны, как бы тебе не хотелось настоять на обратном. А как тебе такая аналогия, если представить слона...

– О, нет-нет, не продолжай. Я уже знаю, какую сторону его организма ты мне припишешь, хотя, это из тебя обычно так и вываливаются... знания. Килограммами в минуту.

– И совсем не угадал. Ну хорошо, я убедилась, что ты не сбрендил, мне пора. Постой, а я пожелаю тебе доброго утра?

– По-моему да...

– Тогда пока. Привыкай к новой реальности.

– А?

Но Сана уже положила трубку.

Саша смотрел, как Сана играла. Девушка гуляла по тонкому стеклянному парапету, балансируя на одних цыпочках, раскинув руки в стороны, над безумной высотой в со-

рок шесть этажей. Ее тонкая фигура в развевающемся платье цвета морской волны смотрелась фантасмагорично на фоне зеркальных обелисков офисных зданий делового центра города.

Большой парковый комплекс, разбитый на террасах сорок шестого этажа здания банка, был совершенно пуст. Между обложенными керамогранитом клумбами с сочными кустами и маленькими деревцами, пролегали четкие линии дорожек и прямоугольные площадки отдыха со скамейками. На одной из таких площадок сидел Саша, смотрел на Сану, и делал то самое, что она рекомендовала ему утром: пытался привыкнуть к новой реальности, в которой какая-то девочка может вытворять такое, что нельзя назвать ни магией, ни сверхспособностями. Она действительно меняла материю окружающего мира, как пластилин, будто сами атомы четко следовали командам ее разума.

Саша подошел, глядя на закат.

– Какой-то во всем этом должен быть смысл.

– В чем именно?

– Что ты здесь, тебе дана сила, и ты нашла меня. Должна быть цель, – проговорил Саша.

Сана обернулась на него, заинтересованно:

– И в чем же эта цель?

– Я не знаю.

Сана откинулась на перила и произнесла:

– Я была как ты Саша, я просто жила в своем городе, рос-

ла, ходила в школу. Жила обычной жизнью. Но я всегда понимала, что я необычна. Помню вещи, которые не должна помнить, и знаю тайны, недоступные многим. Я чувствовала, что мир куда больше, чем кажется, и что я, нечто более значительное, чем девочка по имени Сана Серебрякова.

– И ты решила узнать, насколько ты больше, чем просто Сана?

– Именно так. Я стала искать, я стала вспоминать. Реинкарнация открылась мне в новой перспективе. В привычном понимании людей, это линейный процесс: жизни, следующие одна за другой, на которые мы как будто ни как не влияем и не выбираем. Но на самом деле мы выбираем каждую жизнь, пусть и не всегда осознаем, как это происходит, мы можем влиять на эти жизни даже сейчас, когда они якобы уже прошли и остались в далеком прошлом. Я стала меняться, развиваться здесь и сейчас. Я стала ощущать связь с другими своими «Я», не только в прошлом, но и будущем, а также в параллельных вариациях.

– Как это?

– На данный момент у меня четырнадцать одновременных инкарнаций в параллельных мирах. Этот, один из них, где я наиболее полно осознаю происходящее.

– Чего?!

– Это просто случайное число. Сейчас их четырнадцать. А перед этим было три. Завтра может быть больше. Я постоянно расту и развиваюсь во все плоскости Всего Сущего.

– Да ты ненормальная! Не только прошлые жизни, но и параллельные?!

– Есть только момент сейчас, Саша. Из него я, как звезда, проецирую множество лучей в прошлое, будущее и многие вариации настоящего.

Саша помолчал, обдумывая, потом спросил:

– И ты видела меня во сне?

– Также как и ты, или все еще будешь отрицать это?

– Я видел какие-то сны про тебя, – признался Саша. – Я видел порт, зиму, там всегда холодно.

– Не всегда, летом там тепло. И красиво. Зеленые горы, дикая природа.

– Это Хабаровск? Не думал, что он на берегу моря.

– В нашем мире так, это порт на берегу моря.

– А где-то нет?

– Где-то на берегу реки, а где-то посреди гор или на равнине. Где-то же его случайно подорвали в череде местных конфликтов. Миров бесконечные вариации, наш – не более чем одна из них, и по своему своеобразная.

Саша посмотрел на улицы под террасой и проговорил:

– В этих снах я действительно был какой-то девчонкой и видел сцены из ее жизни.

– Разве не удивительное чувство, осознавать жизнь в двух местах?

– Мне казалось, надо меньше пить кофе на ночь. Я думал это просто причудливые сны.

– Глупенький. Глупенький братик.

– Зачем ты нашла меня?

Девушка посмотрела задумчиво вдаль.

– Мне было просто интересно. И я могла это сделать. – Она взглянула на него: – А тебе не интересно было узнать? Почему снятся такие сны? Почему ты живешь одновременно в двух местах? Я хотела понять, что ты такое. Я живу одновременно в четырнадцати других мирах, похожих на этот и не похожих, там меня зовут иначе, и выгляжу я не так. Но все эти части, хм... скажем так, более связаны со мной. Это фактически продолжение моей личности. А ты осколок куда более самостоятельный.

– Когда мы встретились в первый раз, там, в спортзале, ты говорила уверенно, как будто все знаешь про нашу связь. А получается, что нет.

Сана молчала, смотря на закат. Потом проговорила:

– Каждый день я узнаю что-то новое. Я изучаю. Как человек, который обнаружил, что у него есть палец на руке.

– Класс сравнение.

– Возвращаясь к твоему вопросу – в чем цель. У меня нет готового ответа. Мы просто живем. Я протягиваю тебе руку и приглашаю в путешествие.

– А что будет дальше?

– Все что угодно. Любые истории, приключения и открытия.

История 2. Лаура Соммерфельд.

Глава 1. Эксперимент.

– А потом, она перенесла нас в Африку... Ты веришь мне?

Дэн стоял с банкой пива в руках, облокотившись на перила, и разглядывал Сашу довольно спокойно для человека, которому только что поведали совершенно невероятную историю.

– Ты рехнулся, Саня? Ты это серьезно? Верю ли я тебе? – рассмеялся, наконец, Дэн. – Что ты куришь? Это же надо навыдумывать такое! Или тебе привиделось?

– Что значит, привиделось? Я был там наяву и в твердой памяти! Деревянная машинка из школы стоит у меня на полке дома!

– Саня, ты бесподобен. Серебрякова, я слышал, не от мира сего. Но чтобы она могла телепортироваться? Если бы ты рассказал мне, что она может поднимать предметы взглядом, я бы еще рассмотрел, как версию. Но это?

– Ладно-ладно проехали. Но, к слову, предметы она может взглядом даже творить, не то что поднимать.

– Проспись, Саня, серьезно. Тебе надо отдохнуть, физика тебя доконает.

Друг похлопал его по плечу и пошел в зал клуба, оставив

Сашу на балконе. Он отпил пива, подумывая, не напиться ли как следует, но что-то ему не верилось, что это поможет вернуть сошедший с ума мир на место.

Подошел Толик.

– Ну ты-то хоть мне веришь? – спросил Саша с надеждой.

– Я всему верю, Саня, честно, Сана точно инопланетянка и эсперка. Может, и телепортируется, хотя это как-то, по моему, чересчур... То есть... что, прямо взяла и создала светящийся голубой портал у тебя в комнате, как в мультфильмах?

– Я так и знал, что никто мне не поверит! Даже не знаю, зачем я всем разбалтываю эту дикую историю.

– Ты просто пьяный, Саня.

– Черт... надо же мне было с кем-то поделиться этим. Она и правда волшебница, кто бы мог подумать! А с кем поделиться, если не с друзьями? Я знал что, меня оборжут, Толик, я совершенно был готов. Но просто... кому рассказать, если не друзьям? Это ведь самые близкие люди, которые всегда тебя понимают. Верно ведь, Толик?

– Конечно, Саня.

– Я надеялся, что хотя бы попробуют понять, прислушаться. Но нет... что у меня за друзья? Тут опять только ты, мой сраный оруженосец!

– Какие теплые слова Санёк, я, прям, тронут. Я тебя не оборжал, и понимаю, а в ответ меня опять обзывают оруженосцем, да еще и сраным!

– Ну прости, Томас, но ты и правда оруженосец. Что теперь делать?

– Это у тебя первая банка пива или уже вторая? Тебя прямо на глазах растаскивает. Я не Томас, я Толик. Еще не забыл?

– Третья. На, забери, – Саша пихнул ему банку. – А то я подозреваю, что эта гребаная волшебница, не одобряет подобное времяпрепровождение и явится меня воспитывать.

– Что-то у тебя действительно случилось, никогда не видел, чтобы ты выхлестал столько пива за раз. Ты же называл его неблагородным напитком.

– Я просто опасался, что от больших доз благородных напитков я улечу в подпространство, да и мой кошелек опустеет.

– Не переживай, Саня, чтобы она с тобой не сотворила, я тебя не брошу.

– Вот, за это я тебя и люблю, Томас.

– Толик.

– Конечно, Томас. И не расстраивайся, что не выловил меня из реки в 1415 году. Как видишь, смерть, оказывается, вещь не такая летальная, как можно подумать. Да, я не увидел, как мы разгромили этих чертовых разодетых французи-ков, но, что ж, я могу прочитать об этом и в книгах. Тоже интересно.

– Простите, сир Джон.

– Что?! – опешил Саша.

– Э-э... Я не знаю, у меня просто вырвалась какая-то фиг-

ня.

– Блин, как так, Толик? У меня чуть ли не пятьсот друзей, и в Академии и везде, а лишь с тобой я могу поговорить о чудесах, что со мной приключились.

– Только не надо меня опять обзывать оруженосцем, а то я обижусь.

Саша его не слушал, продолжая сокрушаться:

– Черт, я даже не могу позвонить своей девушке, потому что из-за твоей божественной Саны, у меня теперь и девушки нет!

– Карина вряд ли стала бы слушать, про невероятные события. Тут я согласен с Саной, тебе стоило давно с ней завязывать. Правда, лучше бы ты передал эту милашку своему лучшему другу в знак благодарности за все заслуги. Если для тебя она глуповата, то, мне кажется, я бы нашел, как насладится другими ее... э-э... прекрасными качествами.

– Что? Сейчас не пятнадцатый век, чтобы награждать тебя девушками за заслуги. Охренел ты, Томас, с веками. Но что вы – сговорились? Чем плоха Карина? Я временами ее вспоминаю.

– Временами? Обычно так и делают, убитые горем парни! А ты не звонил ей еще раз, через пару дней, может она остыла?

Саша на секунду завис.

– Черт, я забыл! – выпалил он.

Толик расхохотался:

– Да, Саня, это точно была вечная любовь!

– Как я мог помнить, когда творится такое? Да и пофиг на нее. Она же нашла себе какого-то мужика. А у меня теперь подружка, которая умеет летать и телепортироваться. Пошли из этого клуба, местная публика не доросла до чудес!

– Тебе бы надо уже домой, Саня. Пойдем-ка, я тебя провожу. А то... не ровен час, опять в реку свалишься. Сир Джон, блин.

Они вышли из клуба, узкая улица была темна и пуста. Саша почувствовал, что выпитое уже ударило в голову, и его слегка пошатывает, он неловко ухватился за плечо Толика, чтобы не упасть.

Тот подхватил его за руку и повел неровным шагом:

– О... что-то тебя совсем разморило, брат, может такси вызовем? Идти-то далековато, а если тебя так замотало... У тебя деньги есть?

– Какие деньги? Я на мели.

– Отчего так?

– А, не знаю, не рассчитал. Туда-сюда. Сейчас вот в клубе спустил прилично. Боюсь, мой друг, Томас, на такси у меня нет, это совсем создаст дыру в моем бюджете. А где твоя машина?

– Я собирался пить, какая машина? Я рассчитывал, что меня подбросят. Но мы рано покинули вечеринку.

– Ах, простите.

– Да нет, я все равно собирался проваливать, неудачно

подкатил к одной девчонке, она меня чуть из бокала не облила. Пора было скрыться.

– Ты безнадежен. А у тебя что, нет денег на такси? Я тебя все время кормлю, сделай другу приятное, – начал убеждать Саша.

– Ты не поверишь, я тоже на мели.

– Да ты вечно на мели! У тебя что, деньги вообще не держаться?

– Такой уж я.

– Хрен знает что, Толик. Кем тебя не сделай, все равно ты бедный раздолбай. Надо спросить у Саны, отчего ты такой оболтус!

Сзади раздался звонкий голос:

– Водится вечно с другим оболтусом, поэтому за последние полторы тысячи лет ничему не научился.

Саша воскликнул, оборачиваясь:

– О, и правда, зачем нам такси, наша чудесная подружка нас сейчас подбросит!

За их спинами стояла Сана в коротком синем пуховичке. Впрочем, тот был небрежно расстегнут, под ним угадывалось какое-то красное платье и сверкали совершенно голые колени в сапогах.

– Ой! Как ты тут очутилась! Я не слышал, когда ты подошла! – воскликнул Толик.

Бедняга был не на шутку перепуган. Еще бы – превеликая Сана собственной персоной на расстоянии вытянутой руки

от него.

– Я просто перенеслась, – сообщила Сана, улыбнувшись.

– А? Телепортировалась? – уточнил Толик с запинкой.

– Перенеслась. Телепортация – это идиотизм. Ну, если, конечно, вас развлекает, разбирать себя на атомы, а потом снова собирать, то всегда пожалуйста.

– Ты что, правда, можешь телепортироваться? Санёк, она что серьезно? – обеспокоенно переспросил Толик, вертя головой.

Сана устало вздохнула:

– Почему никто мне вечно не верит? Вот за этим и приходится устраивать всякие спецэффекты! Если бы я возникла во вспышке света прямо у вас на пути, этот глупыш не сомневался бы. Но я, напротив, не хотела создавать излишнего ажиотажа, тихо возникнув за спиной, а все равно фурор!

– Надо было тихо возникать в пятидесяти метрах отсюда и выйти из-за угла с видом, что ты как бы случайно прогуливалась неподалеку, – заметил Саша.

– Интересная идея, я учту.

– Вы меня разыгрываете? – все еще ничего не понимал Толик.

– Ах, малыш, я вполне могу телепортироваться, это так, – проворковала Сана, к большому удивлению Саши, протянув руку и взъерошив Толику волосы. Тот так и оцепенел в священном ужасе.

Сана, не обращая внимания, обошла его, направившись

к Саше и разглядывая его как-то грустно и снисходительно, проговорив:

– Удручающее зрелище.

– О, ну вот, что я говорил, Толик? Сана не одобряет, – буркнул Саша.

Сана вздохнула:

– Да мне до лампочки, Саша, о чем ты? Бремя разумного сознания, порой так давит на вас, беспомощных созданий, поэтому вам требуется что-то, что низвело бы это думающее сознание до каких-то простых животных форм, только и всего.

Саша воззрился на Толика:

– Это она меня сейчас что, завуалировано обозвала животным?

Но друг ничего не мог ответить, глядя на Сану квадратными глазами и будто находясь на грани побега.

– Господи, Толик, выдохни уже, что ты так ее боишься? Она бывает мила, когда не обзывает концом карандаша или еще чем в том же духе.

– Ах, спасибо, Саша, – поблагодарила девушка.

– Сана, скажи ему, что-нибудь, а то он, по-моему, боится дышать.

– Не бойся, ведь ты меня подсознательно всегда помнил, не так ли?

– Я... э-э... – выдавил Толик.

– Как это – помнил? – не понял Саша.

– Не важно, – сказала Сана и положила Толику руку на плечо, мягко проговорив: – Я тебе ничего не сделаю, малыш, успокойся. Даже если я волшебница, это же не делает меня страшной, правда?

– Ну нет, наверное, – кивнул Толик неуверенно, но вроде успокоился.

– Ты в пуховике? – поинтересовался Саша.

– Ну так холодно же.

– Неужели?

– На самом деле, я не собиралась здесь появляться и читать нотации, как ты воображал. Но меня посетила одна идея, а у тебя как раз подходящее состояние для этого. К тому же вам все равно требовалась помощь.

– У меня состояние, тянущееся ко сну.

– Вот именно этим мы и займемся, – загадочно улыбнулась Сана.

Толик удивленно ахнул, но тут же стушевался, когда девушка на него коротко оглянулась.

Саша проговорил:

– Не знаю, Сана, на что ты намекаешь, но если ты телепортируешь нас с этой промозглой улочки, туда, где теплее, я на все согласен.

– Нас? Твой дружок нам не понадобится, и я бы даже сказала, будет немного лишним, я рассчитывала оставить его здесь.

Толик опять ахнул, на этот раз с некой робкой претензией

на обиду.

Саша возмутился:

– Сана, имей сердце, на дворе практически ночь, холод, как мы можем оставить здесь Толика? Только не надо телепортаций, ты же повредишь ему психику!

– Я думаю, твой друг куда больше подготовлен к чудесам, чем ты думаешь. Особенно в моем исполнении, – выдала Сана загадочно и стала рассматривать Толика оценивающе, как будто прикидывая, как бы половчее запустить его в небо.

– Вы знаете, а может я лучше пойду? – сообщил Толик, очевидно, предчувствуя недоброе.

– Нет-нет, никуда ты не пойдешь. Саша прав, уже поздно, а живешь ты вообще на другом конце города.

– О... она даже знает, где я живу, – выдохнул Толик.

– Глупо было с твоей стороны не подумать, как будешь возвращаться, Саша-то мог бы и пешком дойти, здесь не далеко, – продолжила наставлять Сана.

– Прости, я не хотел! – выпалил Толик.

– Вот всегда ты так. Ну-ка закрой глаза. Сейчас окажешься дома, не удивляйся ничему, я многое умею, ты же знаешь. И просто ложись спать. Хорошо?

– Да, Сана.

– Вот и славный мальчик.

Толик закрыл глаза и исчез, словно его тут и не было.

Саша поглядел на Сану прищурившись:

– Что-то я не понял. Вы что, знакомы? Ты разговаривала

с ним как-то... Странно...

Сана пожала плечами:

– Может и знакомы, но он все равно не помнит. Нам тоже пора, а то все вероятности указывают на то, что еще тридцать четыре секунды на этом ветру, и ты заработаешь простуду, что совсем нам некстати.

Девушка взяла его руку выше локтя, легонько подтолкнув, и Саша обнаружил, что они уже в его квартире, а свет включился сам собой.

– А где голубенький портал? – спросил он.

– Ох, да сдались тебе эти спецэффекты?

– А что будет с Толиком? Ты просто телепортировала его, оставив разбираться, что это было?

– С ним все будет в порядке. Он, с одной стороны, существо простое и не склонен заикливаться на необъяснимых событиях, а с другой, человек куда более открытый, поэтому примет все как есть. Он давно чувствовал, что я обладаю магией.

– Толик что, какой-то особо чувствительный?

– Не отвлекайся. Раздевайся и ложись в кровать.

Саша засомневался:

– Пусть я слегка пьян, но ты же понимаешь, что я не могу не спросить – а что это ты затеваешь? Что-то мне подсказывает, ты предлагаешь лечь вовсе не затем, зачем можно было бы подумать в такой ситуации.

– Ну... – Сана задумчиво постукала пальчиком по губе, –

может, я полежу рядом с тобой. Я пока не решила, как лучше сделать. Как-то, хм... мне тоже надо будет погрузиться в сон, а делать это на стуле или полу будет, наверное, не очень удобно...

– Слушай, ну ты меня вообще заинтриговала! Ты не захватила с собой пижамку? Я не пущу тебя в кровать в одежде! А если ты ляжешь рядом со мной без одежды... Ух, черт, Сана, я думаю, я не смогу уснуть. Предупреждаю, будешь приставать, я сегодня за себя не отвечаю. Сестренка ты там, не сестренка.

– Поумерь свои эротические фантазии. Могу материализовать пижамку, а могу разместиться и на стуле. Существо моего уровня для вхождения в сон можно прибывать в любом положении, даже лететь по воздуху. Но в кровати, конечно, было бы естественней, и на твой мозг это повлияло бы умиротворяюще.

– Ты как-то мало имеешь представления о моем мозге, если думаешь, что девушка в моей кровати повлияет на меня умиротворяюще.

Сана пихнула его в кровать:

– Давай, раздевайся, а я схожу сделаю тебе чай.

– Даже не знаю, и за что мне сегодня такое счастье?

– Вероятно, мне надо все-таки пояснить, чем мы сейчас займемся, – сказала девушка, сев на стул перед ним.

– Точно, а то я уже почти снял штаны, а ты только вспомнила об этом!

– Я подумала о том, что стоит совершить небольшое путешествие по твоим прошлым жизням.

– Что, прямо сейчас? А что вдруг?

– А почему бы и нет? – пожала девушка плечами и, вздохнув, призналась: – На самом деле, я хочу изучить природу нашей связи. Как мы недавно выяснили, реинкарнации у нас разные. Я хочу узнать о тебе побольше и увидеть твои прошлые жизни своими глазами. Ну и тебе будет полезно, ты раскроешь свои отрицательные и положительные качества.

– Сана, давай не будем в этот чудный вечер употреблять таких мудреных слов! Может, создашь шампанское? Бокалы у меня есть.

– Знаешь что, только природное чувство такта...

– Что природное? У тебя?..

– И некоторая прагматичность удерживают меня от того, чтобы не устроить тебе экстренное протрезвление. Видишь ли, мне настраиваться на твои прошлые жизни не так легко, ты создание довольно отличающееся от меня.

– Кто бы мог подумать, правда?

– Поэтому, чтобы лучше войти в твое прошлое, стоит это делать через твое сознание, причем во сне. А то, что ты накачался низкопробным спиртосодержащим напитком, неожиданно оказалось кстати.

– Почему это?

– Если пережитое будет казаться пьяным сном, то не перевернет все в голове.

– Ты перевернула мне все в голове вчера, когда открыла здесь чертов портал в Париж, подруга. Поздно беспокоится о моем самочувствии.

– Помнишь, какой эффект на тебя произвело, когда ты вспомнил себя китайской принцессой?

– Еще бы.

– А почему так? Я тебе скажу. Ты привык видеть себя парнем, двадцати лет, студентом-физиком и вдруг видишь влюбленной девушкой пятьсот лет назад, уже нужна определенная гибкость.

– Пожалуй, что так.

– Рыцарь не слишком отличался от тебя сегодняшнего, это тебе было легче принять. И в общем эти две жизни ты переварил, но что-то другое может подействовать на тебя ошеломляюще. Есть, также, вещи, которые тебе будет трудно вспомнить самому, ты слишком изменился и сейчас уже другой.

– Когда мы завалимся под одеяльце, красавица, сколько можно философствовать?

– Сон всегда остается сном. Во сне ты можешь быть хоть маленькой поющей снежинкой выписывающей круголя на поверхности гладкого озера...

– Ну ничего у тебя примеры...

– Мы уснем и во сне настроимся на твое прошлое, увидев его как бы со стороны.

– Так я и знал, что сегодня ты все сведешь к чему-то вро-

де совместной медитации у меня в кровати. Ты стала такой предсказуемой Сана. Но надеюсь, будет интересно.

– Будет. Продолжай раздеваться, а я схожу за чаем, уютная домашняя обстановка поможет легче ввести твой мозг в нужное состояние.

– Мне кажется, если ты в этом коротком платишке присядешь ко мне на колени, и мы выпьем пару бокалов шампанского, мой мозг войдет в нужное состояние в два раза быстрее.

– Бокал шампанского, скорее приблизит твой мозг к отмиранию некоторых достаточно полезных групп нейронов, чем к нужному состоянию. И ты-таки напрашиваешься на лекцию. Привычка прятаться от сложностей реальности давая себе по голове, Саша, само по себе ведет к постоянно-му затуманиванию этой самой головы, что, ну, по меньшей мере, немного неудобно для жизнедеятельности, не так ли? Если, конечно, ты рассчитываешь вести жизнь чуть посложнее орангутанга.

– Черт, Сана, теперь мне вообще расхотелось, что-либо пить! Но я все жду, а когда ты начнешь раздеваться. Не стану скрывать, наблюдение за этим, станет для меня не менее волнующим переживанием.

– Правда? – Сана даже чему-то обрадовалась. – Я схожу за чаем, – сказала она, поднявшись со стула.

Девушка скрылась за дверью.

– Эй, а ты знаешь, где у меня, что лежит на кухне? Может

тебе все-таки помочь? – крикнул Саша.

Но она неожиданно вернулась, с чашкой дымящегося чая в руке и в какой-то розовой пижаме.

Саша с недоверием разглядывал девушку, когда она пода-
ла ему чай, и спросил:

– Ты в курсе, что не прошло и трех секунд, когда ты вышла за дверь. Ты даже не успела бы дойти до кухни за это время, не говоря уже о том, чтобы подогреть чайник, сделать чай и переодеться!

– Скорее всего, так.

– И к чему тогда этот балаган? Могла бы колдовать у меня на глазах. Меня ведь уже ни чем не удивишь.

– Ну, должна же быть какая-то естественность.

– Естественность?

– Если я отвыкну хотя бы иногда изображать обычную де-
вушку, то могу где-нибудь прилюдно напортачить, чем введу
в несказанное удивление всех окружающих.

– Да ты и так вводишь. Постояла бы там хотя бы минут
десять!

– Пей чай и не болтай, тебе надо успокоиться, выровнять
мозговые волны.

– Ты шутишь? Не представляю, как это сделать, если ты
втираешь мне заумности.

– Я помолчу.

Саша смерил ее взглядом. Лег в кровать, накрылся оде-
ялом, стал пить чай. Открыл было рот, но девушка тут же

оборвала его:

– Ни слова, просто пей чай и дыши ровно.

– Да ты шутишь, Сана, когда ты сидишь тут рядом в розовой пижаме, и созерцаешь меня, как натуралист лягушку, я должен дышать ровно?

– Я рассчитываю, что алкоголь в твоей крови начнет действовать усыпляюще, до сих пор этому мешало твое возбужденное состояние от прогулки по холоду и разговор со мной.

– Если бы, только прогулка и разговор, Саночка, меня перевозбудили.

Она неотреагировала, просто сидя и наблюдая с легкой улыбкой, как бы говоря – у меня полно времени и терпения. Саша отпил еще чая, уставившись в потолок, потом еще. И вроде бы тело стало наливаться теплом и безмятежностью.

Сана как будто почувствовала это, поставила чашку на стол, и... осторожно перебравшись через него, легла рядом. Саша отметил, что не чувствует никакого аромата духов и вообще искусственных цветочных запахов, просто неуловимая свежесть.

– Я думал, у тебя будет пижама в мишках, – брякнул он.

– Тебе нравятся пижамы с мишками? В следующий раз учту.

Она скользнула под одеяло, шелковистая пижама прижалась к ноге и боку.

– Черт, Сана, должен тебе сказать, что я сейчас могу снова прийти в возбужденное состояние.

– В самом деле, ты что такой озабоченный? Я же практически одета, и просто лежу рядом.

– Толику бы хватило, чтобы сразу улететь в рай.

– И кровать у тебя достаточно широкая, чтобы уместиться вдвоем, так что...

– Ну так, кровать бралась в расчете на двоих-троих – жизнь студента полна неожиданностей. Правда, не ожидал, что окажусь здесь с какой-то богиней мультиреальности. Но мне кажется, если я потрогаю тебя за ляжку, ты сразу сломаешь мне руку. Вот в чем трагичность ситуации.

– Настройся на рабочий лад, Саша! Мы здесь не просто так прилегли, а для серьезного дела. Закрой глаза, дыши глубоко. Так, все задолбал, я выключу свет и тебя заодно!

Свет погас и сознание Саши, тоже вслед за ним.

Глава 2. Дикое прошлое.

Он поплыл в безбрежной разноцветной реке.

Однако, долго плыть не пришлось, кто-то будто выдернул его из этого потока за руку, прошептав на ухо:

– Нет, Саша, сегодня мы не будем барахтаться в море сновидений, у нас есть другое дело, помни о нем.

– Где мы? Куда плыть?

– Плыви назад по хронологии, в прошлое, и мы не плывем, мы летим. В ближайшее прошлое. Кем ты был, до того, как стал Сашей...

– Разве не стриптизершей?

– Не сбивай себе настройку, давай проверим, есть ли там что-то еще. Там умещается лет двадцать. Что ты видишь?

– Я стою с куклой на дороге.

– Так, сейчас, скорректирую наше движение, посмотрим. Сосредоточься на образе, ты стоишь с куклой. Ага, я вижу, ты маленькая девочка.

Саша тоже видел сквозь расступающийся туман. Заасфальтированная дорога, дома вокруг, американский частный сектор.

– Надеюсь, это не Канада, – буркнула рядом Сана.

– Это Америка, – проговорил Саша, заморожено глядя на себя самого.

Перед ними стояла девочка лет трех, засунув палец в нос

и рыдая. На ее макушке торчала смешная косичка, а голубое платьишко растрепано.

Саша так же увидел, что Сана стоит рядом с ним все в том же пуховичке и красной платье, засунув руки в карманы и ежась, как будто здесь холодно, хотя на дороге царило лето и было часа четыре вечера.

Девочка перед ними ничего не замечала, заливисто рыдая и болтая каким-то изрядно поломанным пупсом, держа его одной рукой за ногу.

Вдруг, раздался трубный гудок откуда-то слева. Девочка удивленно подняла взгляд, обернулась, а в следующее мгновение огромный черный американский грузовик с блестящей хромированной решеткой радиатора, снес ее на огромной скорости.

– Интересно, – проговорила Сана.

– Интересно? – Саша прибывал в ужасе. – Что это было? Это что? Это же был я, да? Та маленькая девочка? Где она?

– Да, ты был этой девочкой, а это, похоже, семьдесят шестой год. Получается, быстрое перерождение сразу после стриптизерши, и не менее быстрый финал.

– О чем ты? Что с той девчонкой?!

– О... прости, Саша, я говорила, что могут быть шокирующие сцены. С тобой в той жизни произошла небольшая неприятность, тебе было почти три года.

– Неприятность?! Грузовик это неприятность?! – Саша схватился за голову. – Боже, я помню это! Последнее, что я

видела, этот здоровый грузовик и его стремительно приближающуюся решетку радиатора! А потом темнота.

– Послушай, Саша, тебе надо научиться реагировать на такие вещи без истерик. Мы сегодня не раз полюбуемся на твою смерть, если ты каждый раз будешь так переживать...

– Да меня же размазал по своему бамперу чертов грузовик, когда мне было всего три года!

– Саша, успокойся, это проза жизни. Ты умирал и рождался тысячи раз. Мы всего лишь увидели финал одной из твоих жизней. Посмотри на себя сейчас, ты жив, ты родился снова. То, что тебя сбил грузовик ребенком, не более трагично, чем, если бы, он сбил тебя в старости.

– Не более? Я вообще не успел пожить, не успела жизнь раскрыться мне, как мои мозги оказались на дороге!

– Не драматизируй. Даже короткая жизнь имеет смысл. А эта жизнь по каким-то причинам должна была быть такой короткой. Это естественно. Жизнь завершилась, поэтому оборвалась.

– Какой логичный довод! Ты так говоришь, потому что тебя то, небось, не сбивал грузовик.

– В средневековье во Франции меня сожгли на костре, могу тебя заверить, грузовик не плохая альтернатива.

– На костре?... О... прости...

– Да ничего, мне тогда уже был доступен чрезвычайный контроль над телом и сознанием. Я смеялась, когда меня жгли. Эти бедолаги, в последствии, умерли от инфарктов и

инсультов, вызванных тревогой и страхом, думая, что я прокляла их этим смехом, а мне просто было смешно над их за-теей.

– Блин, Сана, ну ты просто камень. Так спокойно рассуждаешь о таких вещах!

– Поживи с мое, братик.

Саша огляделся.

– Похоже вон там, мой дом. Что за странная короткая жизнь. Почему так случилось?

– Причин может быть много, либо твое короткое воплощение и смерть должны были чему-то научить родителей или даже водителя, либо ты чувствовал, что все лучшее уже случилось, дальше вырастешь, совершишь непоправимые ошибки, так что пора на перерождение, здесь делать нечего.

– Что? Мне было три года, Сана. Я был мелкой сопливой девкой. Я, по-твоему, сообразила, что залечу в двадцать лет по глупости или еще что в том же духе, и поэтому встала под грузовик? Я оказалась на дороге случайно! Я даже не поняла, что это дорога, что тут опасно!

Сана вздохнула:

– Саша, мы формируем нашу жизнь, как перед ее воплощением, так и во время него. Да, ты был несмышленой девочкой, но твое надсознательное «Я» направило тебя на дорогу, потому что жизнь должна была закончиться.

– Как-то все это ужасно, – пробурчал Саша, убито.

– Вот поэтому я не стала показывать тебе это наяву. Утром, когда увиденное будет лишь сном, ты сможешь смотреть на вещи чуть более философски.

Сана осмотрелась, не без интереса. Для нее это все, похоже, было не более чем интерактивным кино.

Саша проворчал:

– Вот смотрю я на тебя и думаю, грани твоей странности бездонны. Там, наяву, ты ходила по морозу почти раздетой, а здесь, в сонном видении, да еще когда лето, ты в пуховике.

– Ну, просто такой мой последний образ перед вхождением в сон... это не имеет никакого значения, почему тебя все время беспокоит моя одежда?

– Твой последний образ, был розовая пижамка, Саночка. Шелковистая на ощупь. Я запомнил.

– Ну не буду же я ходить здесь в пижаме!

– Ладно, Сана, проехали. Твоя логика поистине запутана, как гиперкуб Хинтона!

– Идем дальше, – сказала Сана.

– А? Куда?

– Прыгнем в водоворот.

Сана взяла его за руку, дернула за собой, и в следующую секунду они уже летели с какой-то поразительной высоты в центр бурлящего внизу не то смерча, не то циклона. Ветер ревел в ушах, сверкали молнии.

– Что это? Это что, водоворот по-твоему?! – крикнул Саша.

Сана умудрилась пожать плечами.

Спирали облаков поглотили их.

Напротив Саши сидела симпатичная блондинка, разглядывая его сосредоточено. Саша, от неожиданности, тоже на нее уставился. Он не понимал, что происходит. Только что они падали в какой-то ураган, и вот, вдруг, он здесь.

Это была поразительно замызанная квартирка, бог знает где. Горела лампа, стоящая на столе, отбрасывая тени на стены в жухлый узорчик.

– Ни хрена ты не понимаешь, в жизни, Луи, – сказала девушка Саше со всей серьезностью, потом потянулась, взяла зажигалку с тумбочки между ними, и закурила. Девушка была худая, изможденная, с большими глазами, но симпатичная. Ей было лет пятнадцать.

Саше показалось, он ее где-то видел.

Она смачно затянулась и выпустила струю дыма в воздух. Донесся запах, и Саша не знал, что это, но точно не обычный сигаретный дым.

Девушка затянулась еще, при этом у нее задергался глаз и рука.

– Простите... – открыл рот, Саша. – Но я, ни разу не Луи, и где это мы...

– Чертов французик, ты вообще ни хрена не понимаешь, – сказала блондинка, смотря куда-то мимо него.

– А ты, можно подумать много понимаешь, Элизабет, – ответил девушке кто-то сзади.

Саша обернулся, буквально вплотную на диване сидел какой-то парень с бородкой и в смешной шапочке. Вероятно, это и был Луи.

В замешательстве Саша обнаружил, что парень сидит не просто вплотную, а нога Саши проходит сквозь его ногу, да и плечо незнакомца сейчас утопало в его груди на добрые пять сантиметров. Вдруг из живота Саши вынырнула рука с сигаретой и тот парень тоже затянулся.

– Эй! Что происходит? Я что, гребаный призрак! – воскликнул Саша, подпрыгнув на месте.

Парочка совершенно на него не отреагировала, подтвердив этот довод.

– Успокойся, Саша. Это твое воспоминание, – проговорила Сана.

Она стояла, прислонившись к шкафу, сложив руки на груди и разглядывая блондинку с каким-то меланхоличным выражением.

Саша провел рукой сквозь тумбочку, наблюдая, как ладонь проходит через дерево, скрываясь внутри.

– А мы что, тут как голограммы, что ли? Почему я прохожу сквозь предметы?

– Ну, обычно, в воспоминании присутствуют и вовсе бестелесно, я произвела маленькое улучшение, для удобства.

– Кто эта белобрысая девчонка?

– А ты не узнаешь?

– Да ты что, Сана? Девка выглядит так, как будто бухала

с рождения, а от курева у нее уже глаза навывкате. Откуда я ее могу знать? У меня немного иной круг общения!

– Мне неловко говорить тебе об этом, но эта блондинка – ты.

– Забористую ты дрянь притащил на этот раз, Луи, – присипела девка, выдыхая дым через нос. – Я чувствую себя розовым шаром, которого надули гелием, а где-то в башке разноцветные пузырьки хором поют «Иисус возлюби нас».

У Саши отвисла челюсть.

– Сана... Скажи, что ты пошутила!

– Что, тебе не нравится малышка Элизабет? Посмотри, какая лапочка, вся в тебя, – хихикнула Сана.

Элизабет стряхнула пепел себе на собственное колено в зеленых колготках и даже не заметила.

– Что с ней случилось? – в ужасе спросил Саша. – Ее что, из дома выгнали? Она больна на голову? Что это за притон?

– Это та самая сногшибательная блондинка, которую ждет оглушительная карьера стриптизерши через десять лет, – пояснила Сана.

– Ты же согласилась, что мне не стоит это переживать заново!

– А разве мы переживаем? Мы наблюдаем со стороны во сне. Все безопасно. Да, она выглядит немного не фонтан – ну что поделать, бурное детство, стремительное отрочество. Пьянки, гулянки, много новых знакомых. Ах, разве все мы не веселимся в старшей школе?

– Что? Ты что так шутишь Сана?

– Я бы сказала, испускаю черный сарказм.

– Правда, что Земля, круглая, Луи? – подала голос деваха.

– Да, – кивнул Луи.

– А я думала квадратная.

– Что ж, бывают в жизни разочарования Элизабет, Санта-Клауса тоже не существует, – пробурчал Луи, уставившись в одну точку.

Саша схватил Сану за плечи и вскричал:

– Это сюрреализм! Я не мог быть этой прокуренной малолеткой, у которой даже форма земли вызывает сомнения! – воскликнул Саша.

– Ну что ты так переживаешь, во времена крестовых походов я тоже немного плавала в этом вопросе. Общественное мнение тогда, разделялось, хи-хи-хи!

– Хватит издеваться, Сана! Там было дремучее средневековье, а тут Англия, шестидесятые годы! Черт, да уже цветные телевизоры изобрели!

Сана отошла от шкафа, прохаживаясь по квартире, говоря на ходу:

– Мы здесь присутствуем, как бы проекцией и наблюдаем со стороны за сценой из той твоей жизни. На вопрос, что случилось с Элизабет, у меня нет однозначного ответа. Отчасти пробелы в воспитании, отчасти природное раздолбайство. Мать уборщица, отец водитель спецтехники. В принципе с деньгами особых проблем нет, да и семья, как семья.

Родители ее по своему любят, но воспитывать некогда, да и попробуй воспитай такую разгильдяйку. Учиться она не любит, зато общительна, состоит во многих молодежных компаниях и часто так вот зависает с друзьями по квартирам и притонам.

– Ужасно, – отозвался Саша, разглядывая версию себя, отрезанно смозящую папиросу.

– А потом, как ты помнишь, встретит большую любовь в виде рок-музыканта и уедет с ним в Ливерпуль. К тому моменту она будет меньше пить, да и подрастет, так что внешние данные станут вполне ничего. Даже в таком состоянии, как видишь, Луи не жалуется.

– В смысле? Они что – парочка? – испугался Саша. – Да он же старше даже меня сейчас! Ему лет двадцать пять!

– Луи двадцать три, просто на нем тоже сказалась бурная жизнь. И он не так плох, мозги у него тогда еще работали, он потом смог выбраться из такого прозябания, обзавелся семьей и дожил себе спокойно до старости.

– Какая идиллия...

Луи тем временем отпил еще пиво, и подал голос:

– Элизабет, я все думаю, почему ты таскаешься с такими, как я? Зачем тебе это? Ты же не такая уж дура.

– Это он сейчас про ее ремарку о квадратной Земле? – вставил Саша, не удержавшись, но Сана ему шикнула, чтобы слушал дальше.

– Опять ты за свое, Луи. Я же сказала – ни хрена ты не

понимаешь. Я так хочу. Я не хочу жить, как все! Я хочу жить, как я хочу, понял?

– У тебя бы могло быть будущее, Лиззи, это у нас всех его уже нет.

– Не нуди, и не называй меня Лиззи, терпеть не могу.

Элизабет затушила сигарету о тарелку, не с первого раза попав в нее, а потом стала методично скатывать чулок с левой ноги.

– О... – воскликнула Сана. – Нам, пора, Саша. Малышка Элизабет и Луи, сейчас займутся кое-чем, на что смотреть нам совершенно излишне. В основном для сохранения нашего же психического здоровья.

– Что? – опять испугался Саша.

– Ах, мне тоже нелегко, ты же понимаешь, что эта Лиззи в каком-то смысле часть меня, и я ощущаю ее личность. Вот уж, не самое приятное сознание. Пошли-пошли, да не оглядываясь ты так, у них все будет отлично. В первый раз, ты сделала аборт не в пятнадцать, и виноват там был не Луи, а улыбчивый парень, моющий машины на автозаправке в соседнем квартале.

Саша уже не знал, что сказать, у него просто отнялся язык, и он дал себя увести, в клубы тумана.

– Я думаю, тебе надо, все-таки, кое-что пояснить, касательно такого воплощения, – сказала Сана, когда они остановились в облачной дымке. Понимаешь, в той жизни ты хотел эксперимента.

Саша ужаснулся:

– И стал тупой девочкой-наркоманкой попадающей в истории? Ну, зашибись, тяга к экспериментам!

– Да, ты хотел исследовать самое дно. Я прочитала это в том, чем является Элизабет. Грубый поспешный слепок, сделанный в отчаянии. Хмм... а это интересно. Я думаю, нам обязательно надо посмотреть, что было перед этим. Что на тебя так повлияло.

– Да уж, давай-ка посмотрим.

– Настройся, улови проблему. Тот момент, который стал для тебя ключевым. Это не последняя жизнь перед Элизабет. Не ремонтник из Мэриленда. Та жизнь была спокойной.

Саша отрешенно смотрел в туман, видя там сцены американской глубинки, шоссе и придорожных закусочных.

– Да... это была скукота, рефлексия и стагнация, – пробормотал он.

– Стагнация?

– Не знаю, как объяснить. Как будто все двигалось по кругу. Еще одна жизнь, в которой... все по-прежнему.

– Так... понимаю. Двигайся дальше, вглубь. Посмотри, целая череда достаточно одинаковых и коротких жизней. Это интересно, какая то интрига.

– Черт, Сана, мои жизни – это тебе не сериал, чтобы скоротать вечерок с попкорном! И почему череда? Эта картинка в тумане будто застыла на начале и середине двадцатого века.

– У тебя там веер параллельных жизней. Твое сознание пыталось выйти из замкнутого круга в многочисленные варианты. Ты прожил сотни лет, которые заняли пятьдесят в истории Земли.

– Если бы я еще понимал, как это.

– Сейчас не время этим заниматься. Давай просто отправимся дальше и посмотрим на что-нибудь еще.

Сана взмахнула рукой, и они мгновенно оказались совершенно в другом месте. Саша обнаружил себя стремительно скачущим на лошади по жаркой прерии. В лицо летела пыль из-под колес какого-то дилижанса.

Происходящее ввело его в ступор и панику. Ведь он никогда в жизни не ездил на лошадях, а тут такая скорость, он верхом, и чувствует, как кобыла под ним несется галопом. Однако он почему-то не падал, хотя убедился, что сейчас на лошади сидит он сам, Саша, в... А что за одежда на нем, действительно? Он задумался об этом впервые, как они затеяли это путешествие во сне. Но увидел нечто вполне приличное, джинсы, футболку, кроссовки. Правда, заподозрил, что это появилось только что, как задумался об одежде. Так обычно и бывает во сне.

Справа возникла Сана, верхом на черной кобыле... А может и коне, Саша не разбирался. Девчонка лихо скакала, прижавшись в стременах, при этом ее пуховик и платье никуда не делись, что смотрелось весьма гротескно для такой ситуации. Девушка получала явное удовольствие от происходящего.

го.

– Что твориться? Мы где? Почему я на лошади?

– Мы скачем по прерии за каретой, Саша, не видишь что ли?

– Очень смешно. А зачем? Что это?

– Дикий Запад Саша. Судя по местности центральные штаты. Год, я так понимаю, в районе 1870-х.

– Это одна из моих жизней?

– Да, но сам ты, вон там.

Саша посмотрел в указанном направлении, в пыли проступил какой-то ковбой не менее лихо, чем Сана, скачущий на своем коричневом жеребце, размахивающий на ходу веревкой. Кажется, это называлось лассо. И, судя по всему, он собирался закинуть его на резной угол кареты.

– Так, я что, был грабителем дилижансов? – поинтересовался Саша.

Тем временем вокруг появились и другие участники погони, такие же залихватского вида ковбои в шляпах, с пистолетами. Трое. И все они гнались за злосчастным экипажем, что усиливало подозрение о разбойничьей банде, решивший грабануть каких-то путников.

– Какого плохого ты о себе мнения, Саша. Это походит на дилижанс?

– А что, нет?

Девушка как будто присмотрелась внимательней.

– Ой, и правда. Наверное, повозки такого типа и называ-

ются дилижансом. Что ж, я не увлекалась фильмами про индейцев, так что не признала, прости.

– Я тоже не увлекался!

– Правда? Как интересно. Но как видишь, эта тема тебе более чем близка.

– Как ты умудряешься даже во время такой дикой скачки, научнообразно разглагольствовать?!

– Ну, мы же в видении, экстрим происходящего кажущийся, я могу в любой момент слезть с коня и парить по воздуху в полулежащем положении.

– Так что, я главарь какой-то банды, которая грабит почтовые фургоны? – напомнил ей Саша, о текущем, а то, она, похоже, отвлеклась.

Тот ковбой, которым, по заверениям Саны, и был он сам, тем временем, закинул свое лассо на угол. Правда, не ясно, что он этим хотел добиться, экипаж таким способом определенно не остановишь. Потом выхватил револьвер, и начал сближаться.

Из окна дилижанса высунулся человек в черной шляпе, с гирляндой пуль через грудь. И сделал пару выстрелов, но мимо. Ковбой-Саша, как будто этого и ждал, метко всадив пулю ему в лоб, и человек повис в окне. Спутники ковбоя, ободряюще засвистели и закричали, прищипывая коней.

– Ну вот, я пристрелил почтальона! – удрученно проговорил Саша.

– Ты серьезно? Этот парень в окне, по-твоему, походил на

почтальона? – спросила Сана, смеясь.

– Ну... письмо любимой я бы ему не доверил, видок у него какой-то нерасполагающий, но это же Дикий Запад, они тут душ принимают раз в год и носят весь свой боезапас даже в туалет.

– Ты знаешь, Саша, при всей дикости Дикого Запада, почтальоны пулями не обвешивались и в черное не рядились. Это тебе такой жирный намек.

Ковбой приблизился к дилижансу вплотную, натянул веревку, и перепрыгнул на заднюю подножку.

– Это правда я? Ну прямо Клинт Иствуд, – прокомментировал Саша.

Ковбой прополз к двери, держа пистолет, распахнул дверцу, дал телу мужика в черном выпасть и стал палить в салон, зычно крича:

– А ну останавливайтесь, говнюки, и сдавайтесь, быстро! Стой, говорю! Руки вверх!

– Да, Саша, ты прямо был гением переговоров. Люди входящие внутри, вряд ли бы успели последовать твоим разумным воззваниям, ты же изрешетил их пулями, – проговорила Сана.

– Скажи это парню в шляпе, я вообще происходящее не помню.

Лихой мужик уже залазил в карету под дружные радостные вопли его друзей. А через некоторое время дилижанс стал замедлять ход, четверка лошадей, что его тянула, стала

взбрыкивать, ржать, и замедляться.

Повозка остановилась, из открытой дверцы выпал какой-то юнец в смешной шляпе. Причем так, как будто его оттуда вышибли пинком. Следом, эффектно и красуясь, выскочил ковбой. Его спутники осаживали лошадей, окружая выпнутого пацана, хохоча и ругаясь.

– Полюбуйтесь, парни, последний выживший из банды Эрни.

– Черт, Быстрый Билл, ты что, положил всю банду Кривого Эрни? Кого мы будем теперь вешать?! – воскликнул один из спутников, и все дружно загоготали.

– Я предложил им сдаться, они не захотели. Там внутри штук пять трупов.

– А где сам Кривой Эрни?

– Кажется, это он выпал, там, чуть дальше. Давно не видел его рожу вблизи, не признал. Его, конечно, стоило бы взять живым.

– Скажи ему, чтобы в следующий раз представился, прежде чем высовываться и палить в стражей порядка! – воскликнул другой спутник и все снова загоготали.

– Это вот они, стражи порядка? – переспросил Саша у Саны.

– Познакомься Саша, шериф и его команда, не видишь что ли, звездочки у них на груди?

– Елки-палки, да они сами больше на бандитов походят. Где их шерифская форма?

– Ну, Саша, провинция, крайний рубеж. Здесь людям не до формальностей, да и бюджеты местных городков довольно скромны. Тем более Быстрый Билл, любил наряжаться элегантнее, чем скучные костюмы шерифов.

– То есть... это что, вон тот мужик, который я? Шериф и есть?

Саша увидел на рубашке ковбоя золотистую звезду, и даже чертыхнулся. Его прямо гордость за себя распирала.

– Да, иной раз от тебя был какой-то прок обществу, – прокомментировала Сана. – В данной сцене, шериф Быстрый Билл, оперативно пустился в преследование угнанного бандитами дилижанса перевозившего деньги банка. Сейчас, как раз, эти прекрасные мужчины...

– Ты сказала прекрасные мужчины? Ты интересуешься ковбоями? Никогда бы не подумал. Подойди сначала их понюхай.

– Ну, я об образе в целом, нюхать мне их совсем не обязательно. Есть в суровых мужчинах на жеребцах и с револьверами что-то...

– Сана, ты ли это? Что за речи? Я думал представители мужского пола для тебя малозначительный копошащийся планктон. Ты что-то перевозбудилась от погони.

– Да дашь ты мне сказать? Так вот, сейчас они залезают в салон, чтобы проверить сундук под сидением. По горячим следам банду удалось нагнать на дороге...

– Это дорога?

– Но уходя от погони, бандиты свернули в прерию, надеясь, видимо, где-то затеряться. Хотя глупость очевидная. Дилижанс куда быстрее едет по дороге, а на бездорожье одиночные ездоки на лошадях определенно имеют преимущество в скорости. Быстрый Билл отличился в этой истории, лично проведя задержание разбойников. Если можно так выразиться, потому что он лишний раз подтвердил свое прозвище, поспешив и перестреляв всю банду Кривого Эрни, оставив для суда только самого молодого участника, который на свое счастье так перепугался, что забился под сиденье, поэтому не схлопотал пулю и был обнаружен Биллом, уже когда слегка выпустил пар.

– Тебе надо книги озвучивать, складно рассказываешь. Только поменьше бы черного сарказма.

– В этой жизни ты был хорошим парнем, хотел сделать мир лучше и искренне сражался со злом в виде бандитов разного пошиба на этих просторах.

– Почему мы еще не видели, как меня здесь прикончат? Обычно я люблю исключительно на такие сцены.

– Смерть бывает сильным эмоциональным событием, на которое легче настроится спонтанно. Быстрый Билл тихо умер в старости, а сцена что мы наблюдали некая квинтэссенция сути его жизни. Поэтому нас перенесло именно сюда.

– Не знаю даже, что сказать. Мне нравится здесь. Не верится, что я мог быть таким крутым парнем с пистолетами. Ну, хоть что-то веселое, после твоих страшилок. Я уж и не

думал, что у меня были какие-то нормальные жизни.

– Ну, если считать нормальным, когда дни за днем гоняешься за всяким отребьем, участвуешь в перестрелках, рискуешь жизнью, а в остальное время играешь в карты, пьешь в салунах и проводишь время с сомнительными девками...

– А что не так? Класс!

– По мне так, воплощению стоит быть более содержательным. У тебя было много хороших жизней. У каждого они есть.

– Очень на это надеюсь.

– Но мы здесь не на хорошие жизни пришли любоваться, Саша.

– Ну на фиг...

– Сейчас будет немного романтики, почти в духе Шекспира.

– Не предвкушаю ничего хорошего.

– А зря. Каюсь, я настроилась на это, как-то раз пару дней назад сама, и да, провела чудесный вечерок с попкорном. Итак, Шотландия, двенадцатый век, живописный замок на холодной скале у моря, – начала Сана рассказ.

Обстановка менялась вслед за ее словами. По темному каменному коридору шла девушка в красивом, но без излишеств, шерстяном красном платье с желтой вставкой на груди и по бокам. Она торопилась на свидание... По крайней мере, Саше откуда-то так показалось.

Девушка была рыжеватой зеленоглазой и в целом не дурна

собой. Вот она спустилась по лестнице к конюшне, открыла деревянную дверь и... попала в объятия какого-то юноши, поджидавшего ее в тени стойл.

– Ах, Кайл, я думала, больше не увижу тебя! – хихикнула девушка.

Парень был хорош собой, и одет в черный камзол с вышитыми узорами.

– Гризель! Ты мое солнце, не говори так! – выдохнул Кайл, ненадолго оторвавшись от ее губ.

Парочка увлеклась затяжными поцелуями в углу конюшни.

Саша обнаружил себя стоящим у противоположной стены, рядом возникла и Сана в каком-то вечернем платье в духе этого времени.

– Я послужу рассказчиком, пока наши герои заняты друг другом, – изрекла девушка.

– Где твой пуховик? – поинтересовался Саша.

– Ну, я подумала, зачем ходить во сне в пуховике, к тому же, мы в шотландском замке, я решила, наконец, соответствовать декорациям нашего сюжета.

– Кто из них я, Сана, признавайся.

– Брось, можно подумать, ты не догадываешься? При некоторой сноровке и желании ты бы даже мог вспомнить во всех подробностях, как Кайл засунул тебе язык чуть ли не в пищевод. Ох, и зачем я только это сказала, вместо тебя, я вспомнила это сама.

– В следующий раз наслаждайся одна и избавь меня от подробностей.

– В общем, перед нами типичные романтические герои того времени. Гризель – юная дочь местного барона, владельца этого замечательного замка, и Кайл – сын другого барона по соседству. Так случилось, что последние пару лет эти бароны как-то не воевали, что для них необычная редкость, и часто пировали друг у друга, поэтому дети сдружились.

Громкое хихиканье Гризель, заставило Сану прерваться.

– Ах, Кайл, ну что ты делаешь, это же неприлично! Мы не можем... прямо здесь... Хи-хи-хи!

– Я не могу терпеть, Гризель, твой отец, никогда не одобрит брак!

Гризель с хохотом оттолкнула ухажера, а потом они снова прильнули к губам друг друга.

Сана продолжила:

– Да, проблема в том, что отец девочки невысоко ценил юнца и совсем не видел его отцом своих внуков. Даже если с соседским бароном относительный мир, у суровых горцев это было ненадолго, к тому же, сосед все равно ему не нравился, а мысль с ним породниться задевала все гордые чувства. Как-никак, отцы и деды прилежно и регулярно воевали целый век, грешно нарушать традицию.

– Слушай, Сана, это все конечно очень интересно, но эта парочка там сейчас точно перейдет ко второй базе, они как-то чересчур увлеклись.

– Нет-нет, не переживай. Ты был достаточно воспитанной девушкой. Что с тобой случилось не часто, но само время обязывало к благопристойности, да и суровый отец был не прочь оттащить тебя за волосы и за менее серьезные проступки. Кстати, вот и он.

Деревянная дверь со стуком отворилась, в конюшню вбежал дородный мужчина в доспехах и два перепуганных солдата.

– Ах ты сраная потаскушка! – сходу разорался мужчина. – А ну отлепись от нее молокосос, а то я тебе сейчас кишки выпущу!

С этими словами он оттащил Кайла за изящный камзол от своей дочери и отшвырнув к стене.

– Что ты себе позволяешь, Бран! – возмутился было юнец.

– А ну заткни пасть! Я бы запер тебя в клетке, да твой папаша припрется под мой стены тебя вызволять! Ну-ка выволочите его отсюда и вышвырните из моего замка, чтобы я его тут не видел!

– Отец, не надо!

– А ты, маленькая неблагодарная дрянь! В конюшне с отпрыском Эвена Сухорукого? Да это плевок на весь наш род!

– Ничего не было, отец, мы просто целовались!

– Это сейчас бабка Иннес посмотрит! Я выпорю тебя и запру, несносная девка!

Сопrotивляющегося Кайла уволокли солдаты, а толстяк Бран, потаскав дочь за волосы и надавав ей солидных оплеух

вытолкнул ее в дверь вслед за ними.

– Нда... а я думал, мой нынешний отец слегка жестковат, – обронил Саша.

– В средние века, любовь у аристократов всегда была не проста и полна препятствий, – хмыкнула Сана.

– И что же, где романтика?

– Ах, какой ты нетерпеливый.

Сцена сменилась на другую. Они очутились в какой-то темной комнатухе с узкими оконцами, едва прикрытыми деревянными ставнями, сквозь которые нещадно задувал промозглый ветер.

Гризель сидела на кровати в пламени свечи и грустила. Вдруг с той стороны ставень, кто-то постучал. Девушка вздрогнула, а потом радостно вскочила, подбегая к окну.

– Да ладно, неужели там этот идиот? – прокомментировал Саша.

– Какой ты критичный к своей большой любви той жизни, – хмыкнула Сана.

– Кайл! – воскликнула Гризель, распахнув ставни.

Да, в оконце виднелся тот юноша, его нещадно хлестал дождь, черные волосы разметались, но он улыбался.

– Ты сумасшедший, Кайл! – вскричала девушка и радостно и перепугано. – Мой отец тебя убьет, если увидит! Как ты сюда забрался? Там же дождь! Камни скользкие!

– Да ну, можно подумать, я этого уже не делал столько раз, любовь моя! Я не мог без тебя! Я хотел тебя увидеть!

– Ты мог разбиться!

– Пусть так, но я бы погиб с мыслями о тебе!

– Дурачок, залазь скорее, ты весь промок!

Она втащила парня за камзол в окно. Оно было так узко, что он едва протискивался в него.

Саша воспользовался моментом, подошел и выглянул.

– Да этот парень точно чокнутый, Сана, тут же метров десять! И я не вижу никакой веревки!

– Замок старый, а кладка грубая, там полно выступов и сколов, за которые можно уцепиться. Кайл был довольно ловким юнцом.

– На фига такие замки строили, если любой любвеобильный дурачок может залезть в окно по стене? – проворчал Саша.

Влюбленные тем временем придавались жарким поцелуям и объятиям.

Сана развела руками:

– Ну, положим, не совсем любой. И это всего один мальчишка, а не целая армия. Солдаты в доспехах и с оружием так не смогут.

– Эй, полегче, джигит, посмотри на него, неровен час схватит меня за грудь, – проговорил Саша с неудовольствием наблюдая за объятиями парочки.

– Ты что, совсем ничего не помнишь? – спросила Сана.

– Нет. И я не удивляюсь, почему. Местечко мрачное, папаша козел, бойфренд не впечатляет, и у меня все время та-

кое чувство, что закончится все это плачевно. Если их отцы на ножах, как может быть иначе?

– Что-то, значит, все-таки припомнишь, – улыбнулась Саша.

– Может они могли бы жить дальше, украдкой встречаясь, но, наверняка, выкинули какую-нибудь глупость, – пробурчал Саша.

– И именно ты будешь инициатором. В образе девушек тебя всегда тянуло на какие-нибудь приключения. Твоя затея куда веселее, чем сидеть в этой келье и тайком встречаться с любимым.

– Ах, Кайл, мне так тебя не хватало! – выдохнула Гризель после очередного затянувшегося поцелуя.

– Я всегда буду с тобой, что бы не случилось, любимая! Но мой отец уже идет сюда с войском, опять будет война.

– Что случилось? Из-за чего? Потому что тебя грубо выгнали из нашего замка?

– И да и нет. Что не знаешь наших отцов? Они всегда найдут из-за чего поскандальить. Твой начал предъявлять претензии, что я на тебя заглядываюсь, мой стал орать, что меня побили и вышвырнули, как последнюю шавку, что, конечно, явное преувеличение. Я бы сам навалил этим двум стражникам, если бы не их копыя. Ну, в общем, слово за слово, они стали орать друг на друга и чуть не подрались прямо там, в общей зале нашего замка.

– Ах, какой ужас! – прижала руки ко рту Гризель.

– Их растащили, мой пообещал что так не оставит оскорблений, а твой кричал что, это война, Эван. Ну как всегда.

– Твой отец будет осаждать замок?

– Не бойся, ему никогда это не удавалось.

– Они так мне надоели, Кайл! Давай сбежим! Ты же хочешь быть со мной всегда!

– О да, искрометное предложение, – проворчал Саша.

– Сбежать? Но куда? – спросил Кайл.

– Куда угодно! Подальше от них и их глупых сор!

– С тобой я готов идти хоть на край света Гризель! Но нас будут искать. Наши отцы отправят солдат и отыщут нас в первой же деревне!

– Мы сбежим в лес, Кайл! Тут повсюду одни леса да горы, они никогда нас не найдут. А мы построим себе где-нибудь далеко дом и будем жить!

Саша скептически приподнял бровь, проговорив:

– Построим дом? Нежная девица и паренек, не выдавший настоящей работы, да и вряд ли имеющий представление о строительстве? Да там, по-моему, еще и прохладно за окном. Я смотрел пару передач о выживании в лесу, у этих двоих никаких шансов.

– Будучи влюбленной девушкой в двенадцатом веке, ты не был столь критичен Саша, не придирайся, – одернула его Сана. – Ты вообще вряд ли представляла себе, какова жизнь за пределами замка и думала, что люди так и живут. Выбирают полянку посимпатичнее, строят милый домик за пару

дней, и живут себе без забот, днем гуляют и собирают цветочки, а вечерами рассказывают истории у камина.

– А еда откуда берется?

– Ну, как откуда, Саша? Поля возделывают какие-то люди, конечно. И с радостью поделятся. А Кайл будет охотиться на дичь, – хихикнула Сана.

Словно в подтверждение ее слов, Гризель, романтично закатив глаза, расписывала Кайлу прелести их свободной жизни:

– Представь, только ты и я в деревянном домике далеко-далеко отсюда, где никого кроме нас. Никто нас там не найдет, мы уйдем очень далеко. Мне приносили еду сюда, я не ела, ее тут много, мы можем взять с собой, нам хватит на несколько дней, а потом, когда уйдем достаточно далеко, мы можем собирать грибы или ягоды, а ты будешь охотиться на кроликов.

– Я согласен на любые тяготы, ради тебя, Гризель, любимая. Но начинается зима, сейчас там холодно и идет дождь, я боюсь за тебя. Что ты простудишься, заболеешь и умрешь, оставив меня одного!

– Нет! Я тебя не брошу, мы теперь всегда будем вместе. Я возьму покрывало, обернусь в него, как в плащ, будет совсем не холодно! Давай сбежим, прямо сейчас, Кайл. Сейчас самое время. Наши отцы будут заняты этой глупой войной, они нас даже не сразу хватятся!

– Я всегда восхищался твоей находчивостью, любимая, из

тебя бы вышла прекрасная королева!

– Мы будем королем и королевой лесов, озер, кроликов и оленей!

– Да, любимая!

– Это фейспалм, – прокомментировал Саша.

– Ш-ш-ш, не порти момент, – шепнула Сана. – Это так прекрасно, они так любят друг друга.

– Ты что Сана? Заболела?

– Если я не интересуюсь парнями и любовью, это не значит, что я не романтична. Я же девушка! А в моих прошлых жизнях было много прекрасного, и я могу их вспомнить, глядя на такие моменты.

– Иди включи себе романтическую комедию на компе, черт! Использует тут меня как ретранслятор для настройки на развеселый фильм!

– Это история не веселая, а грустная, Саша, в этом и есть ее красота.

– Можно, я пойду пока погуляю, мне надоела эта парочка.

– Да хватит уже, у тебя прямо какое-то отторжение этой жизни. Видимо ты до сих пор чувствуешь, что совершил ошибку, или переживаешь все это близко к сердцу.

Кайл, тем временем, полез в окно, радостно воскликнув:

– Я захватил веревку, Гризель. Сейчас, она у меня привязана к кобыле. Я опасался, что из-за дождя будет трудно забраться по стене, тогда я кину тебе веревку. И вот она пригодится нам сейчас, чтобы ты смогла спуститься.

– Ах, Кайл, сама судьба благоволит нам сегодня. Мы сбежим! Я чувствую! Это так невероятно! Свобода, наконец-то!

– Я тоже жду этого с нетерпением. Надо торопиться. К утру тут уже будут солдаты моего отца.

– Тогда поторопись.

– Вот только... – юноша что-то замешкался. – Я никогда не охотился на кроликов. Мне было как-то не интересно...

– Вряд ли это так уж сложно. Сделаешь себе лук.

– Да, ты права, – улыбнулся он.

Юнец скрылся в окне.

Саша посмотрел на Сану:

– Ты шутишь? Я переживаю из-за этого вот дурдома? Мне даже думать о нем не хочется.

– Вот именно. Но если тебя что-то гнетет в этих воспоминаниях лучше посмотреть еще раз с новой стороны. Любовь и яркое приключение. Почему бы и нет? Они, тем самым, наказали своих отцов, заставили их понять, что есть что-то большее, чем их дразги и войны, за которыми они забыли о счастье своих детей и потеряли их.

– Я шас всплакну, Сана.

В окно залетела веревка с петлей. Донесся приглушенный оклик:

– Привяжи ее к кровати или к чему-нибудь тяжелому.

Гризель выглянула в окно, испуганно оглядевшись, и прошептал одними губами:

– Да поняла я, поняла.

Она накинула петлю на столбик кровати, потянула на себя, проверяя. Кровать была внушительная, из дерева, и, может быть, могла бы и выдержать вес хрупкой девушки.

Гризель стащила покрывало, накинула на себя, завязала углы под шеей. Взяла в углу корзину, и скидала в нее все, что было на небольшом столе рядом с кроватью. Какая-то телячья или баранья нога, головка сыра, пара мелких жухлых яблок, нарезанный хлеб, кувшин, который тщательно закупила пробкой. Была еще тарелка с некой кашей, но с ней девушка не придумала, что сделать, поэтому так и оставила.

– Однако, не богат рацион у местной аристократии, – хмыкнул Саша.

– Край северный, начинается зима, фруктов нет, картофель еще не открыли, питаться особенно нечем кроме мяса, круп и запасенных овощей. Вот такую ногу, которую она так небрежно прихватила, ни одна из семей в окрестных деревнях даже во сне не видела.

– У них же есть коровы.

– Корова в семье кормилица и источник молока, никто ее ради жаркой не зарежет. Разве что, когда она совсем состарится. А больше одной коровы только у зажиточных крестьян. Люд здесь военный, не особо землепашествует.

Гризель выбралась в окно и, попискивая от страха, стала спускаться по веревке.

– Сейчас свалится, вот и будет сказочке конец, – пробормотал Саша.

– Не будь таким пессимистичным. Я же говорила, что конец здесь шекспировский.

– Траванутся подкисшим вином из того кувшина? Оно, вероятно, давно тут стоит.

– Нет, – мотнула головой Сана. – Полетели за ними.

Богиня взяла его за руку и, прежде чем Саша успел возразить, вытянула его в окно, как какой-то воздушный шарик. Они парили над землей, сквозь тьму наблюдая, как Гризель спустилась-таки по веревке. Ожидавший Кайл обнял ее, потом помог забраться на лошадь, взял под уздцы и они побрели в лес, в сторону от дороги.

Небо затянули тучи, лил ледяной дождь и никаких источников света вокруг, но Саше с Саной, было все неплохо видно, как в сумерках. А вот как что-либо видела эта парочка, оставалось только гадать. Может быть, поэтому шли они медленно, пробираясь через деревья. Кажется, они совершенно не представляли куда идут и когда можно будет остановиться.

– Я перемотаю немного время, если ты не против. А то будет довольно скучно наблюдать, как эти двое ползут по буреломам и оврагам, – проговорила Сана.

– Да, пожалуйста. По мне так, здесь уже не на что смотреть.

Дождь вокруг быстро сменился снегом, небо над головой пришло в какое-то движение, где-то с боку начинало светать, а они с Саной летели вперед, вдаль от замка.

– Наши влюбленные неутомимо шли по лесу до самого утра, – продолжила Сана изображать рассказчицу.

– И кто бы мог подумать, – буркнул Саша.

– Оба были молоды, полны сил, поэтому смогли это сделать. Но им было очень нелегко. Они ничего не видели, не представляли, куда шли, лишь надеясь, что идут по-прежнему прочь от замка в сторону гор. Ближе к утру дождь перешел в снег. Покрывало на плечах Гризель, будучи промокшим насквозь, стало замерзать, как и ее хозяйка. Кайл же, двигаясь, еще держался. Когда небо начало светать, они остановились на одном из холмов и увидели зарево вдалеке.

На этих словах, мгла внизу расступилась, и показались верхушки елей – это правда был какой-то холм, а среди деревьев юноша и девушка, глядевшие в даль.

– Сражение началось, мой отец дошел до замка, – проговорил Кайл.

Кутаясь в одеревеневшее покрывало, с волосами в инее, Гризель прошептала:

– Ах, эти наши глупые отцы и их глупые войны. Хорошо, что мы сбежали. Ты ведь не жалеешь, Кайл?

– Нет.

– Мы далеко отошли?

– Кажется, да. Но мы не должны останавливаться. Они скоро отправят кого-нибудь нас искать. У моего отца хорошие следопыты.

– Ты, наверное, устал? Может быть, мы уже сможем по-

ехать на кобыле вместе?

– Нет, тут нет дороги, ты же не хочешь, чтобы наша единственная лошадь сломала ногу. Я не устал. Смотри, горы уже близко. У нас получилось, Гризель! Мы сбежали от них!

– Да. Уже почти, – слабо улыбнулась девушка. – Мы свободны, Кайл.

Парочка двинулась дальше, исчезнув за деревьями.

Саша мрачно провожал их глазами.

– И что было дальше?

– Ну... – Сана пожала плечами, смущенно улыбнувшись. – Они сбежали.

– Что, неужели добрались до какой-то пещеры и жили долго и счастливо?

– Нет, конечно. Они замерзли и умерли.

– О... Ну ладно хоть их не сожрали волки.

– Но последние минуты они были счастливы. Они шли до полудня, остановились на привал и сидели, обнявшись, глядя на падающий снег, и так и заснули. Навсегда.

– Блин, Сана, умеешь ты рассказывать грустные истории.

– Ну, может быть, чуть-чуть. Это история о прекрасной любви и непреодолимом желании быть вместе, несмотря на суровую эпоху. И желание сбылось. Они умерли вместе.

– Ну зашибись, Сана. А почему эти двое не развели костер?

– Они боялись что дым их выдаст и они устали, чтобы думать. Да и, скажу тебе по секрету, ничего бы не вышло. Все

в снегу, хворост мокрый, ничего, чем можно разжечь огонь у них с собой не было.

– Боже, что за идиоты! И это одна из моих жизней? Сбежала в лес с каким-то доходягой и замерзла с ним в обнимку? Одно меня радует, Сана, что эта дурацкая история осталась в веках неизвестной. И никакой умник не описал ее в каком-нибудь романтическом рассказе, явив миру.

– Ну, кхм... – отчего-то отвела глаза Сана. – Ну-с, нам пора отправляться дальше.

Они оказались в белых облаках, паря, словно в невесомости.

Сана задумчиво постучала пальчиком по щеке, как будто размышляя, чем бы еще развлечься.

– Мы можем посмотреть что-нибудь действительно интересное? – спросил Саша.

– То есть, романтическая шотландская история это неинтересно? Или малышка Элизабет. По-моему тоже насыщено.

– Не издевайся. Мы не знаем, чем ты занималась до того, как стала просветленной волшебницей. Может быть, у тебя были жизни и похлеще.

– Насколько я вижу, последние лет пятьсот я не занималась ничем предосудительным. Мои жизни направлены на поиск себя, помощь людям, саморазвитие.

– Всего пятьсот, а до этого? Ты что-то скрывать хочешь, сестренка. Уклоняешься.

– Если хочешь знать, примерно пять-шесть тысяч лет я

довольно милое создание, старающееся заниматься созидательной деятельностью. Но...

– И что же но?

Сана отвела глаза:

– Я тоже совершала ошибки. Много ошибок. Но страница перевернута, и я не хочу об этом вспоминать.

– Мы уже вдоволь полюбовались на мои жизни. Но про тебя я ничего не знаю. Мне кажется, чтобы лучше понять, кто ты сейчас, надо увидеть твоё прошлое.

– Не думаю, что так уж необходимо рассматривать мои прошлые жизни. Многие из них покажутся тебе скучными, а другие же могут через чур смутить.

– В каком смысле?

Сана опять замялась, посмотрев в сторону:

– Я... создание, наделенное большой силой и энергией. Иногда их требовалось куда-то прилагать. Влиять на ход мировой истории, участвовать в глобальных событиях.

– Ты что, вызывала мировые войны?

– Нет, слава богу, здесь есть кому было этим заняться и без меня.

– Короче, Сана, давай перенесемся в какую-нибудь твою жизнь, и я от тебя отстану.

Девушка закатила глаза:

– Ох, хорошо, что ты хочешь увидеть?

– Я не знаю, что-нибудь интересное.

Сана развернулась, сделав шаг, и вот она уже ступала по

величественному египетскому залу.

В нем возникли люди в разных одеждах, стоящие толпой устремив взгляды вглубь помещения. Некоторые были в набедренных повязках из белой холстины, с голым торсом, другие имели накидки из того же материала. На многих из них сверкали золотые украшения, браслеты, ожерелья, головные уборы, часть людей, одетых попроще, стояла с корзинами фруктов и большими кувшинами.

Саша с Саной пошли сквозь толпу. Взоры всех устремлялись на человека, сидящего на золотом троне. Это был молодой парень с безмятежной спокойной улыбкой, серыми глазами и редкой бородкой. Он сидел с голым торсом в некоем золотом воротнике, а на голове покоилась диадема с коброй.

Саша как-то сразу понял, парень – воплощение Саны. Сложно сказать, что наводило на эту мысль. Спокойная улыбка или общий какой-то такой вид законченного совершенства. Но скорее глаза. Это были ее глаза и ее взгляд.

– Ты была фараоном? – шепнул Саша пораженно.

– Да. Но не стоит так шептать, нас никто не слышит. Это просто сцена, воспроизведенная из моей памяти.

– Что это за век? Все такое величественное с признаками расцвета цивилизации.

– Сложно сказать точно, современные датировки сильно сбиты. Это было очень давно. Я полагаю в районе трех с половиной тысяч лет назад.

– Как тебя звали? Это какой-то известный фараон?

Сана ответила не сразу, позволив себе небольшую заминку, как будто не очень то хотела говорить.

– Ра-Сети.

Саша просто опешил, так и замерев на полушаге.

– Что? Ты шутишь! Это же египетский бог!

– Да, известный так же как бог Ра-Сети. Однако, он был человеком, просто фараоном.

– Я в шоке, Сана. Ты была всем известным египетским богом и ничего не рассказывала об этом?

– Саша, уймись. Ра-Сети не был никаким богом. Обычный человек, правитель своего времени. В Египте заканчивались темные времена упадка науки и культуры, начинался своеобразный Ренессанс, нужен был кто-то, кто бы стал символом эпохи, символом для людей и двигателем этого процесса. Так получилось, что моя сущность подходила на эту роль, и я заняла нишу в историческом промежутке, сыграв просветленного египетского правителя. Ра-Сети стал для своего народа духовным лидером. Обладал многими знаниями о природе мира, умел лечить прикосновением. Однако во всем остальном оставался таким же человеком, как все. Просто, впоследствии, легенды преувеличили и раздули образ такого всемогущего бога-покровителя Египта. Как, впрочем, случилось и со всеми остальными «богами». Некоторые были людьми, причем довольно заурядными. Изначальные боги, правда, были инопланетянами с Марса.

– Что?

– Ладно, этого я тебе не говорила. Это маленький секрет.

– Не знаю, Сана, у меня культурный шок. Тебе стоило как-то подготовить меня к известию. Подумать только. Я держал за задницу реинкарнацию бога Ра-Сети. Как теперь жить дальше?

– Для сегодняшнего времени это было давно, и сейчас я не египетский бог, так что расслабься.

– Богиня мультиреальности – немногим легче, – буркнул Саша.

– Что-ж, я кое-что выяснила и могу делать выводы.

Сана хлопнула в ладоши и Древний Египет исчез, сменившись парком. Девушка присела на лавочку, указав Саше сесть рядом.

– Я должна сказать, что немного лукавлю, называя твоё или своё прошлое жизнями, которые были когда-то.

– Да знаю я, сейчас опять запоешь песню про все одновременно.

– Да, все одновременно, и ты, кажется, совершенно не понимаешь, что это значит. – Девушка придвинулась поближе: – Послушай, Саша, ты не появлялся тысячи лет назад, развиваясь, живя жизнь за жизнью. Твоя сегодняшняя жизнь и есть твоя первая. А до этого, тебя не существовало.

– Как это? А откуда тогда эти прошлые жизни?

– Ты спроецировал их практически сразу, после своего рождения. Ты возник, осознал себя, стал усложняться, познавать иные свои формы, и проецировать себя в другие из-

мерения и другие времена. Все это было из момента сейчас. Понимаешь?

– Вообще нет, Сана, что за ахинея?!

– Ах, может быть, когда-нибудь ты это поймешь. Ты ведь уже начинаешь чувствовать другие свои «Я» в других веках. Потом будешь ощущать и в других реальностях. Ты поймешь, что ты строишь себя из момента сейчас, а не из прошлого или будущего.

– А ты как же? Этот парень Ра-Сети жил три с половиной тысячи лет назад.

– Представь, что я создала это воплощение, скажем, на прошлой неделе.

– Что?

– Я, так же, как и ты, возникла в этом времени и пространстве, как вспышка сверхновой. Я осознала себя Саной Серебряковой, а уж потом мгновенно в огромном множестве других своих инкарнаций. Я необычное сознание. Я часть чего-то большого и мощного, поэтому у меня все это произошло очень быстро, быстрее, чем у любого другого только что появившегося сознания. Если тебе будет более понятная такая аналогия, то я, едва только родившись на свет, тут же прожила тысячи жизней в прошлом, будущем и настоящем – в его параллельных вариациях. Поэтому я могу так многое.

– Что-то ты меня запутала. Ты родилась Саной и поначалу у тебя вообще не было никаких прошлых жизней? А потом ты их, бац, и «создала»? А кто тогда был тем фараоном? Ведь

история планеты существовала, до того как ты появилась, не так ли?

– Не так, – улыбнулась Сана. – В той вариации реальности у планеты была другая история и там или не было Ра-Сети или был кто-то другой, занимающий его место, но это была не я. Даже если его звали так же или похоже. А как только я спроецировала такое воплощение в прошлое, реальность сместилась, и я оказалась в немного другой реальности, с другой историей планеты.

– С ума сойти Сана.

Она лишь проговорила:

– Ты тоже самое проделываешь. Да и практически каждый человек на Земле, хотя, обычно люди больше привязаны к хронологии времени и выстраивают свою реальность соответственно ей. Им так удобнее. Они помещают свое первое рождение в древние времена и развиваются жизнь за жизнью. Но это просто один из способов, а можно иначе. Вот мы с тобой пошли по иному пути.

– А почему?

– Этого я пока не знаю. Я просто поняла, что это так. И глядя на твои реинкарнации убедилась, что и ты из того же теста. Ты как какой-то осколок меня, который отщепился в момент моего «взрыва» и пошел своим путем. Но, как я вижу, ты тоже развиваешься довольно стремительно.

– Да уж, большое достижение возникнуть как думающее сознание и успеть наплодить пару влюбленных дурочек, нар-

команку и пьяного рыцаря.

– Ты видел далеко не все, это лишь часть, у тебя есть и другие реинкарнации, куда более созидательные. Повспоминаешь их как-нибудь сам, на досуге, тебе полезно этим заниматься.

– А когда мы... хм... создали эти все свои прошлые воплощения? В течении этой жизни, что ли?

– Ты опять привязываешься к линейному понятию времени. Вопрос когда, уже неправилен. Это сложно объяснять в таких понятиях. Про себя я уже сказала, что я создала большую часть своих инкарнаций мгновенно, практически в момент рождения. А может быть за неделю до встречи с тобой.

– А... слушай. Так это что, как Теория Большого Взрыва? Когда вся наша Вселенная возникла практически в один миг, расширившись взрывом из точки сверхсжатого вещества?

Сана закивала:

– Да-да. Собственно так и возникло Все Сущее. А точка – Источник.

Саша продолжил, захваченный, представившейся ему аналогией:

– Не было ничего, и вдруг за мельчайшие доли секунды из точки сингулярности возникло все, а потом почти четырнадцать миллиардов лет этот взрыв продолжался, материя разлетается в стороны до сих пор. И ты также? Ты что, маленькая Вселенная?

– Ага, – кивнула Сана. – И ты тоже, только помень-

ше. Каждый человек, своя маленькая однажды взорвавшаяся вселенная. Я это и хочу тебе сказать. Что ты создал все эти прошлые жизни, прожил их мгновенно, едва появившись на свет.

– Черт... – Саша потер лоб.

– Если уж выстраивать все в какую-то хронологию, то наиболее правильно было бы сказать, что мы возникли вспышкой большого взрыва за сколько-то дней до нашей встречи. Сначала возникло мое сознание, спроецировало себя в тысячи жизней, включая эту самую, а потом отщепился ты и проделал то же самое. Через четыре дня, по времени этой реальности, мы встретились.

– Господи, Сана, мы во сне, а ты грузишь меня такой матерой метафизикой!

– Ничего, надо же развивать мозг.

– Я когда-то думал, что теория относительности Эйнштейна это сложно!

– Эйнштейн был очень умен, он понял, что время и пространство могут существовать только относительно чего-либо. Поэтому так и назвал свою теорию.

– Ну хоть какого-то физика ты ценишь!

– Это был один из немногих его плюсов, в ворохе минусов.

– Зачем я сказал...

Она молчала, глядя как будто сквозь него или, напротив, глубоко внутрь и проговорила:

– Но, самое интересное, что я до сих пор до конца не по-

няла, что же ты такое. Менее совершенное отщепление, при этом умудрившееся так же, как и я, мгновенно разрастись до довольно сложной структуры, правда не осознающей пока-что, свои части.

Сана умолкла, задумавшись, потом хлопнула себя по коленям, вставая:

– Ладно, пора возвращаться, на сегодня хватит путешествий.

– Куда возвращаться? Мы спим. Разве утро уже наступило?

– Я имею в виду, возвращаться в обычное состояние сна. Ты же не против, если мое тело поспит там, в твоей кровати? А утром вместе переместимся в Академию.

– Звучит романтично, Саночка. Мы что, уже начали жить вместе?

– Ой, да хватит видеть во всем двойной смысл. Что такого в том, что девушка поспит у тебя? Все равно мы учимся вместе и нам с утра по пути.

– Да нет, конечно, ничего такого. Просто поспит рядышком у меня в кровати в розовой пижамке. Обычно это и имеют в виду, когда хотят переночевать у малознакомого друга, с которым не состоят ни в каких отношениях. У тебя что, совсем мало опыта общения с парнями?

– Я понимаю двойственность ситуации, но мы же с тобой братик и сестричка, так что в этом нет ничего такого, – хихикнула Сана, пихнув его локтем.

- А утром ты будешь готовить завтрак в одной моей рубашке?
- Вряд ли, я не люблю готовить.
- Да от тебя никакого толку, Сана!

Глава 3. Лаура на дне.

Лаура нервно кусала губу, когда Реми, закинув ноги в кедрах на деревянный резной стол и откинувшись в кресле назад, слушал ее запись в наушниках. Он был в черной оправе, да еще в шляпе, так что сложно было понять что-то по его лицу.

Сраные рэперы, подумала зло Лаура, в помещении, даже если жарко, они будут щеголять в своих цацках!

Наконец, чернокожий стянул наушники, потом снял очки и взглянул на нее:

- Это полное дерьмо, Лаура.
- Что?! Да ты даже не послушал толком!
- Я послушал достаточно. Мне не нравится.
- Мне нечем платить за квартиру! Меня сегодня выставят на улицу если ты...
- А мне насрать, Лаура. Запись говно.

Девушка покинула маленькую захолустную студию, утирая выступающие слезы рукавом. Что теперь делать, куда идти? Что в этой жизни пошло не так и почему? Чего не хватает?

Она вернулась в свою маленькую квартирку на Алл-пайн-стрит, располагающуюся в старом кирпичном трехэтажном доме. Прокралась на последний этаж по скрипучей лестнице, чтобы не слышала домоправительница.

Оказавшись в квартире, Лаура быстро скидала в чемодан на колесиках все свои немногочисленные пожитки, по крайней мере то, что было наиболее необходимо и ценно. Кое-что пришлось здесь бросить. Когда отправляешься бомжевать, то глупо брать что-то лишнее.

Лаура оглядела захламленную комнатку, которая была ей домом последний год, потом взяла карандаш и на каком-то обрывке бумаги принялась быстро писать письмо домоправительнице:

«Миссис Флитстоун, я не могу вернуть вам долг за последний месяц, я ухожу. Извините, за причиненные неудобства. Я благодарна вам за ваше терпение, но у меня нет денег. Можете забрать себе все, что я оставила, надеюсь, это хоть как-то возместит вам ущерб, но это все, что я могу...»

На лестнице слышались шаги, Лаура испуганно вскинула голову.

– Лаура, чертовка, это ты?! Я слышала, как сюда кто-то поднимался! Ты не обманешь меня! Когда ты заплатишь арендную плату?! Лаура?!

Хлипкая дверь заходила ходуном от стука так, как будто по ней била не хрупкая рука пожилой крикливой леди, а кулачище портового грузчика. Впрочем, ругаться миссис Флинстоун могла вполне, как он, и, судя по голосу, была близка к этому.

Девушка бросила быстрый взгляд на окно, там находилась пожарная лестница. Последние ступеньки спилены, но она всегда была спортивной девушкой, авось не переломает кости прыгнув с двухметровой высоты.

– Лаура! Открывай! Ты же там, я знаю! На этом этаже сейчас никто не живет, кроме тебя! Я достаю свой ключ, Лаура!

Лаура чертыхнулась и кинулась к окну, раздумывать больше некогда, а если домоправительница ее поймает, то отвертеться уже не получится. Она потребует в качестве платы что-нибудь поценнее, чем пара старых платьев, джинсы или кофеварка с микроволновкой. А ноутбук она отдать не могла. Даже если будет нечего есть, ноутбук она не продаст. Это был ее инструмент творчества. Единственная вещь, которая еще может привести ее в тот мир мечты, который она видит во снах.

Окно задребезжало, открываясь, и, кажется, чуткий слух миссис Флинстоун уловил этот звук сквозь тонкую дверь. Она закричала с новой силой:

– Лаура! Негодница! Ты там! Я слышу! Что ты задумала?! Сбежать по лестнице?! Не дай бог сломаешь шею, дурочка!

Но Лаура ее не слушала, вытаскивая чемодан через окно. В замке застучал ключ, и девушка быстро побежала по ржавой лестнице, гремя тяжелым чемоданом. Если домоправительнице придет в голову оставить дверь в покое и ринуться вниз через подъезд и перехватить ее внизу, то все пропало. Но Лаура знала, что так события развиваться не будут.

С детства она умела делать некоторые почти магические фокусы. Например, улавливать вероятности или своей решимостью делать так, чтобы случилось, как она хочет. Но, что-то последние месяцы ничего из этого ей не помогало.

— Лаура! — донеслось сверху. Старая леди высовывалась из окна и потрясала кулаком. — Вернись немедленно! Я вызову полицию, Лаура!

— Извините, я написала вам записку! — крикнула Лаура.

Вот и конец лестницы, она кинула чемодан вниз, моля бога, чтобы одежда спасла ноутбук от повреждений.

— Какая еще записка, никчемная девчонка?! Ты думаешь, я сейчас пойду читать записки, когда ты улепетываешь?! А ну вернись!

Лаура спрыгнула сама вслед за чемоданом. Все-таки, кеды удобная обувь — и на вечеринки ходить стильно и по пожарным лестницам сбегать.

Девушка подхватила чемодан и бросилась со всех ног вперед по улице, а миссис Флинстоун оглашала весь квартал такой бранью, что, пожалуй, и моряки покраснели бы.

Лаура очень надеялась, что она не вызовет полицию, как грозилась. Все-таки за оставленные вещи и кое-какую мебель можно что-то выручить, а у старухи было, на самом деле, доброе сердце. Сколько раз она соглашалась подождать с оплатой, видя, что девчонка совсем одна и ничего не умеет кроме как петь и диджеить по барам и клубам, но живет мечтой.

Не многие умели так жить своей мечтой, не давая жизни увести на другой путь. Даже если приходилось еле сводить концы с концами или когда было совсем тяжело. Но Лаура умела.

Однако сейчас она была в отчаянии. У нее кончились силы, кончилась вера в себя. Все кончилось. Она не знала, что будет дальше.

Но пока она не умрет, она будет сражаться. Этот свет должен показать нить спасения. Должен!

Сана разбудила его, потрепав за плечо. Саша проснулся не сразу, долго соображая, где он, и кто его будит. Остаток ночи он провел в каком-то глубоком сне, в котором опять была рыжая певица. Она снова стояла на сцене и пела, но зал был пуст, никто не пришел, и она пела сквозь слезы. Во сне его притягивала эта девушка и, казалось, они должны однажды встретиться. И хотелось ей чем-нибудь помочь. Но чем?

Саша протер глаза, гоня прочь мысли о рыжей, тут и без нее хватало впечатлений. Он прекрасно помнил все эти прошлые жизни, увиденные вместе с Саной, но кроме ковбоя предпочел бы все забыть.

Волшебница склонилась над ним все в той же пижаме, убеждаясь, что он очнулся ото сна.

– Блин, я думал, проснусь с тобой в обнимку, а ты уже соскочила? – проворчал Саша, зевая.

– Мне не требуется много сна.

– И ты решила и мне не дать поспать? – он уронил голову на подушку, закрыв глаза.

– Ну вообще, нам пора на учебу. Обычно в это время ты и просыпаешься. Вставай, пошли на кухню, завтракать.

Саша открыл один глаз и пробормотал:

– Что? Ты-таки приготовила завтрак?

– Нет, я сотворила его из воздуха.

Он открыл второй глаз, посмотрев на девушку пристально.

– Это не ирония, Саша, я действительно сотворила из воздуха. Ну, если быть точнее, перевела частицы потенциальной вероятности в некое определенное состояние. Помнишь наш урок об элементарных частицах?

– Ну, короче, ты все-таки приготовила завтрак, каким бы способом это ни было бы достигнуто.

Девушка пожала плечами:

– Я хотела что-нибудь перекусить с утра, и рассудила, что тебе понадобится то же самое. Поднимайся.

Саша тяжело сполз с кровати, держась за голову:

– Ох... а почему у меня болит голова?

– Я не специалист, но по-моему после трех бутылок пива накануне вечером, это вполне вероятно.

– А ты, разве, меня не отрезвила?

– Когда?

– Признавайся, до твоего появления там, в проулке, я едва

стоял на ногах, а потом так ничего, стал чувствовать себя пободрее. Я помню.

– Ну ладно, разве что немножко, чтобы ты вел себя более-менее адекватно, но не более того. И эта процедура не включала избавление от похмелья на утро. Должна же быть хоть какая-то расплата за совершенную глупость, правда?

– Ты так жестока!

– Брось, это же было не три бутылки водки. Сейчас попьешь теплого молочка, расходишься и все пройдет.

– А почему не кофе?

– Кофе тебе сейчас было бы вредно.

Саша только пробурчал кое-что нелестное в ее адрес и стал искать штаны.

Через несколько минут они сидели на кухне пили это самое молоко и ели какие-то свершено ресторанный вида горячие булочки с запеченным в серединке сыром.

Саша удивленно разглядывал кухню. Не то чтобы он тут все сильно запустил, неряшливостью не страдал, но было определенно почище, чем обычно. Белый стол сверкал, шкафчики тоже, все расставлено, развешано. Идеальный порядок.

– Ты помыла столы? – спросил Саша, оторопело.

Сана посмотрела на него укоризненно.

Он хлопнул себя по лбу, проговорив:

– Ну, то есть. Да, я понимаю, что ты с тряпкой тут не ползала, а тоже, того, помахала руками.

– Мне это ничего не стоило. Я даже ничем не махала, у меня же не было зрителей. Краткая мысль – одно мгновение, и кухня стала чистенькой и прибранной. Чтобы завтракалось приятней.

– Я бы похвалил какие вкусные у тебя булочки получились, но ты их не готовила.

– Но все равно, согласишься, требуется некая фантазия и умение, чтобы получились вкусные французские булочки.

– Ну тогда, Сана, булочки просто улет, молодец.

– Спасибо, – искренне улыбнулась девушка. – Как спалось?

Саша пожал плечами:

– Довольно неплохо. А тебе как? Выспалась на новом-то месте? Я одеяло с тебя не стаскивал?

– Нет, видимо, по части спать с кем-то под одним одеялом у тебя накоплен большой опыт. Все хорошо, я прекрасно выспалась.

– Ну рад это слышать. Послушай, Сана, ты же вроде с родителями живешь, верно?

– Да.

– И как, они не станут спрашивать, где и с кем ты провела ночь? Ты им так и расскажешь, что просто поспала в кровати у друга до утра, а то, мол, все равно вместе учимся и с утра вместе ехать.

– Они привыкли, что я могу или не спать или отсутствовать ночью. И они так же всегда знают, что, где бы я ни бы-

ла, я точно не занимаюсь каким-то глупостями, тем более с парнем.

– Но ты была с парнем, и сильно умной твою причуду не назвать.

– Ах, Саша, они не станут спрашивать, где я была и что делала. Но если бы я действительно нашла себе парня, их бы это только порадовало. Они считают меня слишком оторванной от обычной жизни.

– Довольно справедливо.

Покончив с булочками, они стали собираться. Вернее, собирался Саша, а Сана просто прямо у него на глазах, вдруг как будто мигнула и оказалась в форме Академии.

– А! Ты что?! – вскрикнул Саша перепугано с полуодетым на ногу носком.

– Я переоделась. А что?

– А почему у меня на глазах, да так неожиданно?

– А что такого? Я же делаю это мгновенно, и мне не надо раздеваться при этом. Ты как будто увидел меня голой!

– Но ты обычно делала это так, чтобы я не видел! Как же иллюзия нормальности?

– Ты же вчера сказал, что тебе не нужен этот балаган, ты ничему не удивишься. Ну ладно, прости, я торопилась и забыла.

– Что за спешка? У нас полно времени, мы же не на поезде поедem.

– Мне надо появиться там раньше пар и переговорить с

парой учителей, о сдаче некоторых работ.

– А я что буду делать полчаса?

– Это твои проблемы, Саша, если что-то не нравится, едь на поезде.

– Нет-нет, так и быть. Не каждый день ведь предлагают подбросить до Академии телепортацией.

Когда Саша, наконец, оделся и собрал сумку, Сана взяла его за руку, и вот они уже шли по вестибюлю Академии. Совершенно удивительное ощущение. Только что были у него в комнате и вдруг уже здесь. Наверное, он никогда к этому не привыкнет.

Вокруг было полно студентов, но кажется, никто не заметил, что они материализовались прямо из воздуха. И Саша гадал, применила ли Сана какую-то магию, чтобы отвести глаза, или этого даже не потребовалось. Потому что когда в одно мгновение кто-то появляется там, где только что никого не было, любой подумает, что просто не заметил или что ему показалось.

– Эй, привет, вы теперь везде вместе? – раздался сзади оклик.

Это был Толик.

Саша обернулся, с интересом разглядывая друга. Как он пережил вчерашнее? Сашу весьма занимал этот вопрос.

– Привет. Что ты тут околачиваешься, так рано? – спросил Саша.

– Я? Я всегда раньше прихожу, для меня Академия не

только место для получения знаний, но и общения.

– Понятно.

– А вы что, теперь ходите вместе на учебу?

– А мы не расставались со вчерашнего дня, Толя, – сочла необходимым сообщить Сана.

Толик так и впал в ступор.

– То есть... Нет... Вы?... Не может быть...

– Нет-нет-нет, между нами ничего не было, – поспешил разъяснить Саша. – А то ты сейчас навывдумываешь. Сана просто... притащила меня вчера домой, ну и возвращаться было поздно, вот и...

Толика такое объяснение ничуть не успокоило и его глаза еще более расширились. Саша замешкался, не зная, как продолжить эту историю. Сказать, что Сана спала на полу на матрасе? Это было бы как-то совсем далеко от правды. Но не рассказывать же, что она спала рядом у него в кровати, и все это сугубо по-дружески?

Сана закончила вместо него:

– Между нами ничего нет, и быть не может, Анатолий, это все, что тебе следует знать. Я у него переночевала, но без всякого интима, – добавила она без обиняков.

Толик закрыл, открывшийся рот, и медленно кивнул.

– Черт, Сана, тебе не пора? Ты же торопилась, – проговорил Саша.

– У меня еще есть время, я успею, а пока, я не прочь познакомиться поближе с некоторыми твоими друзьями.

– Мне казалось, с Толиком ты уже вполне себе знакома.

– А я не про него, – туманно выдавала Сана.

Они прошли до одного из оранжевых диванов, стоящих в зале вестибюля в изобилии. Саша не знал, как Сана, а им с Толиком точно не куда было торопиться, до начала еще полчаса, можно было поторчать здесь, пообщаться с кем-то из знакомых, проходящих мимо.

– А ты как? – спросил Саша у Толика, чтобы отвлечь от скользкой темы про их Саной совместное прибытие, и заодно выяснить, что хотел. – Нормально вчера... э-э... добрался?..

Вопрос вышел с подковыркой.

Толик стрельнул глазами на Сану, замялся и выдал:

– Да, нормально. Сана меня доставила прямо домой, я сразу лег спать.

– Черт, Толик, ты хоть понял, что тебя, ну как бы... телепортировали?

– Что? Да? Э-э... Я предпочитаю об этом не думать.

– Я же говорила, – многозначительно вставила Сана.

Толик, кажется, хотел спросить что-то еще, но в присутствии Саны, его обуревала какая-то совершенно ненормальная робость. Как будто он ожидал, что сейчас чем-то не угодит превеликой Сане, и она сожжет его взглядом.

Да что там, похоже, он был в этом уверен!

– Ну что еще? – спросил Саша, нетерпеливо.

Косясь на Сану, Толик неуверенно проговорил:

– Сана теперь и учиться с нами будет в одной группе, нет? Как в аниме?

– Еще чего нет, конечно! – возмутился Саша, чуть не вскочив, от такой перспективы.

Сана же фыркнула:

– Зачем мне физика? Она мало что может мне рассказать об окружающем мире. А математика – это, по крайней мере, забавно. Довольно весело описывать реальность формулами, зная при этом, что они лишь одна из кажущихся логичных и единственно верных последовательностей, но существует еще приличная куча других.

Саша уставился на нее, спросив:

– А? Сана, я вот не средний ум, но я ни на йоту не понял, что ты сейчас сморозила.

– Весело описывать формулой, что мяч – это мяч, при этом зная, что на самом деле мяча не существует, и я могу превратить его в грушу.

Саша только убито вздохнул на это:

– Видишь, Толик, а мне приходится общаться с ней практически круглосуточно, как я еще не свихнулся?

В дверях Академии появилась Нина, увидев Толика и Сашу, она направилась к ним. Насторожено и с интересом разглядывая, кто это еще сидит рядом.

– Привет, – поздоровалась она со всеми.

– Привет! – весело помахала ей Сана, и улыбнулась так радушно, что Саша невольно залюбовался.

Когда эта красавица-богиня изображала обычную девушку, она была такой милашкой!

– А ты, Сана, да? – спросила Нина, скорее изображая приветливость.

– Да, это я.

– Не думала, что ты существуешь на самом деле, – пробормотала Нина с некоторой прохладой.

– Многие так думают, пока не познакомятся со мной, – улыбнулась Сана. – Присаживайся к нам. Мы ждем начала пар, болтаем. Садись.

– Да я... э-э... замялась Нина, поглядев на Толика.

– Нина обычно ни меня, ни моих друзей не жалует, – счел нужным пояснить Саша.

– Ну естественно. А кто твоих друзей жалует, Саша? Они сборище круглых идиотов, с жирными в краплениями полных дебилов! – хихикнула Сана. – Садись, Нина, я не такая.

– Надо же так взять и оскорбить друзей человека! – воскликнул Саша, но его все проигнорировали.

Нина же от такой ремарки немного оттаяла и села с ней рядом, однако, слегка смущаясь и держа сумку в руках.

– Про тебя я тоже слышала... всякого, – неловко сказала она. – Особенно от некоторых, – Нина коротко взглянула на Толика.

– Ах, про меня вечно выдумывают всякие выдумки, не знаю, откуда что берется. Я просто много читаю, и люблю вываливать это на головы окружающих, только и всего.

Упоминание чтения, еще больше расслабило Нину, она посмотрела на Сану заинтересовано:

– Правда? Этот вон, – она небрежно ткнула подбородком в Сашу. – Говорил, что ты заставила его вспомнить прошлые жизни.

– Да что за глупости! – очень натурально удивилась Сана. – Он сам навспоминал там чего-то, я тут не причем.

– Я тоже так подумала, – совсем расслабилась Нина и поставила сумку рядом с собой.

– Ах, не причем? – Саша посмотрел на Сану в упор.

– Конечно не причем. Я же тебе объясняла. У тебя это само собой получилось.

– Ага, особенно вот сегодня во сне. Устроила мне целую экскурсию!

– Ну, Саша, твои сны, это твои сны. Не надо смущать нас сейчас рассказами, какие я тебе там экскурсии совершала, – засмеялась Сана, подмигнув Нине, и та, вот же безобразие, тоже захихикала, все поняв совершенно превратно!

– Ты что, хочешь прикинуться нормальной, что ли? Чтобы Нинка в ужасе не убежала? – спросил он запальчиво.

– Во-первых, Саша, Нина, а не Нинка, мы тебе не эти твои подружки, – наставительно сообщила Сана, чем заслужила от Нины благодарный и одобряющий взгляд. – А во-вторых, что значит нормальной? Я более чем нормальная, ну разве что, может быть, немного одаренная в разных областях.

– Толик, что происходит? – спросил Саша. – Ты посмот-

ри на эту лису. Она хочет выставить нас перед Ниной идиотами. Что за игра? Ты не просила хранить твои тайны и тебе всегда было неважно, что про тебя думают.

– Конечно, ведь у меня нет никаких тайн.

– Нина, Сана умеет летать и создавать предметы взглядом, – веско заявил Саша, и пихнул локтем Толика: – Подтверди.

Толик кинул испуганный взгляд на Сану, но пробормотал:

– И телепортируется... Кажется.

– Что? Вы что, свихнулись? – спросила Нина.

– Ах, не бери в голову. Это же мальчики, – хихикнула Сана.

Нина тоже улыбнулась:

– Надо же. Предметы... взглядом... – Она помолчала, потом спросила, глядя на Сану испытующе: – И ты не увлекаешься эзотерикой? Кто-то этим двоим изрядно запудрил голову.

– Я? Эзотерикой? Да ты что? – возмущение Саны опять было столь натуральным и искренним, что так и хотелось раскаться, что никто никогда такого не говорил про бедную девушку и даже подумать не мог.

– Ну ты, Сана, вообще актриса, – подивился Саша.

– Я не актриса, я не увлекаюсь эзотерикой, болван! Ты слышал от меня хоть одно слово про такую ахинею?

– А реинкарнация это что?

– Латинское слово, обозначающее вполне существующее

явление, – парировала девушка.

– Вот слышала? – торжествующее посмотрел Саша на Нину.

Сана подняла руку, останавливая его и продолжая:

– Однако это явление вполне научно и напрямую связано с психологией.

– Ты тоже думаешь, что это своего рода самообман? Когда людям кажется, что они что-то вспоминают? – оживилась Нина, видимо, уже почитавшая про эту тему и составившая какую-то теорию.

– Конечно самообман, – ничуть не запнувшись, кивнула Сана. – Им кажется, что они жили двести или триста лет назад, потом возродились. Все это не так. Физика уже сейчас доказала что время величина относительная. На самом же деле, эти переживания происходят с ними сейчас, они лишь условно помещают это в прошлое.

– Да-да, расскажи ей про одновременность всего сущего и то, что ты там мне затирала, когда сидели на лавочке в облачках, как мы сначала появились, а потом придумали свое рождение в этой жизни, – хмыкнул Саша.

– Где вы сидели? В облачках? – переспросила Нина, поправляя очки. – Этот прожигатель жизни покуривает тайком, что ли? Я не пойму, – добавила она.

– Нет, это он про свой сон. Ему снилось, как мы разговаривали о теории Большого Взрыва, не обращай внимания.

– Так как же относительность времени объясняет, что лю-

дям что-то чудится, будто они жили в другом веке? – напомнила Нина. – Мне кажется, тут замешана чисто человеческая психология. У них происходит какой-то психологический перенос в прошлое, на которое они проецируют свои проблемы или что-то такое.

– Верно, – кивнула Сана.

– Верно? – вытаращился на нее Саша.

– Верно-верно, – подтвердила Сана. – Ведь так и есть, прошлая жизнь, проекция своего сознания в некое прошлое, для получения некоего нового опыта.

– Да? – заинтересовалась Нина. – Я просто еще немножко психологией увлекаюсь. Мне нравится читать о закоулках психики. Но подобного не встречала. То есть это такой способ подсознания не просто решить какие-то проблемы или убежать от реальности, а получить некий опыт? Интересно.

– Да-да. Человек проецирует себя в другую жизнь, в другую ситуацию, переживает различные события, решает какие-то застоявшиеся проблемы своей психики. Фактически на глубоко подсознательном уровне у каждого какое-то число таких параллельных личностей, не только в прошлом, но настоящем и будущем.

– Ничего себе. А зачем?

Сана улыбнулась и развела руки:

– Для наибольшей самореализации, перебора вариантов, поиска наилучшего. Ведь каждый из нас даже в повседневных мелочах, обдумывая какой-то шаг, представляет себя

в будущем, разные варианты, быстро проживает их. Он даже не замечает, настолько все это мгновенно проносится у него. Так же он, бывает, перебирает варианты прошлого, как мог бы что-то иное сказать или сделать в какой-то ситуации. Представляешь насколько сознаний, в этот момент, он распараллеливается?

– Никогда не думала, что психология человека может быть устроена так сложно и многоуровне, – пораженно протянула Нина.

Саша сказал:

– Я понял, Сана, ты читеришь! Ты ей то же самое говоришь, что и мне, только в понятных ей терминах, исходя из ее представлений.

Сана едва улыбнулась уголком рта, и это заметил только он, а потом, как ни в чем не бывало, встала, проговорив:

– Пошли отсюда, Нина, эти глупые мальчишки совершенно ничего не понимают в этом. Наши умные разговоры, кажется, их утомили, и поэтому будут перебивать на каждом слове.

– Да, этот красавчик так и лезет поумничать, но до сих пор ничего умного не сказал, – кивнула Нина.

– Почему красавчик? – искренне удивилась Сана.

Саша аж оскорбился. Неужели ей не очевидно?!

– Ну, это я так его иронично называю, он же у нас тут первый парень на деревне, – Нина тоже встала. – Не знала, Саша, что ты способен найти действительно умную девушку,

с которой есть о чем поговорить, даже мне, – похвалила она его.

– А я то, как удивлен! – в тон ей ответил Саша.

– Он меня не находил, я сама его нашла, – вставила Сана.

– Ах, ну конечно, куда ему, – хмыкнула Нина, добавив: –

И ведь гуляя с тобой, наверняка, до сих пор плачется по той расфуфыренной дурочке с длинными ногами, с которой таскался раньше.

– Еще бы! Но в этой психологической вариации не так часто, а вот в других, весь мозг проел! – сказала Сана. И они обе звонко расхохотались уходя.

И ведь Нина наверняка подумала, что Сана пошутила, но Саша был готов поставить что угодно, что это была ничуть не шутка, Сана действительно имела в виду параллельные миры или вариации, или как она их там называет.

И он там плачет по Карине? Да быть не может.

– Эй, мы с ней не гуляем! Что бы ты ни имела в виду под этим архаичным словом! – крикнул им вслед Саша. Но девушки его уже не слышали.

Саша удивленно пробормотал:

– Что это все было? Сана подружилась с Нинкой? Кто бы мог подумать? Зря я ей говорил, что надо друзей заводить. Толик, а ты что думаешь? Толик? Что с тобой?

– Сана подружилась с моей подругой детства! – в ужасе выдохнул Толик, смотря перед собой. – Они теперь ведь будут везде ходить вместе!

– И что?

– Как мне теперь к Нине подходить, если там будет все время эта эсперка семидесятого левела?!

– Да, придется, тебе как-то справиться со своим страхом перед Саной, Толик. Это все равно ненормально. Ну, пусть она умеет летать и телепортироваться, что такого?

– Она специально к Нине подобралась, чтобы выпрашивать про меня и поучать потом! – сообщил Толик.

– Да зачем ты ей сдался?

– Я не знаю, она меня все время поучает. Я чувствую себя так, как будто она моя строгая мамочка, причем с божественной силой! Представляешь мое состояние?! И теперь она не только везде с тобой, но еще и с Ниной!

– Господи, Толик, сдался ты Сانه! Да она половину людей вокруг держит за планктон едва достойный взгляда, и ты, прости, как раз в той половине. А что надо, она давно про тебя выяснила, просто взглянув на тебя и прочитав все о тебе и в прошлом и будущем, поверь мне.

– Ужас.

– Да расслабься. Пойдем на пары.

В аудитории, Саша поглядывал на Нину, которая чуть было не опоздала, заскочив перед самым звоном. Вероятно, увлеклась разговором с новой знакомой. Она не выглядела как-то особенно, хотя, как ему показалось, была немного отвлечена, и что-то обдумывает.

Глава 4. Друзья и отличия мира.

– Лаура? Это ты? Черт... мы так давно не виделись!

– Да... я... мне было не до тусовок, Билли, прости.

Парень стоял в дверях своей квартиры, причем в одних трусах, изрядно помятый и от него пахло спиртным. Кажется, в глубине коридора на полу угадывалась валяющаяся бутылка. Это об нее он, видимо, запнулся, когда шел открывать дверь и там что-то сбрыкало.

– Мы классно тогда оттянулись! Черт, да я до сих пор тебя вспоминаю.

– Да, я тоже помню... Билли, у меня есть одна просьба...

– Для тебя все что угодно, Лаура!

– Я... Мне негде жить, Билли. Ты... Может, я перекантуюсь у тебя с месяцок?

Билли сразу улыбаться перестал и осмотрел пристальней ее белую курточку на синтепоне с порванным рукавом – она зацепилась где-то на той ржавой лестнице, и на грязное пятно на боку, – а это она упала, когда перелезала через забор, убегая от охранника супермаркета, стащив там несколько булочек и салат в пластиковой коробке.

– Я вижу, ты в отчаянном положении, – сказал Билли.

– Да... Помоги, а? Ты же мой друг, верно?

– Не вспоминала обо мне два месяца, а теперь я друг, да?

А как глазки мне тогда строила!

– Когда?

– Тогда, ты еще и не помнишь?

Лаура заставила себя выдавить улыбку и проговорить:

– Ну может быть.

Надо было где-то жить, а Билли был последней надеждой. Настоящие друзья все остались в Белфасте, где она родилась и выросла, а здесь только так – приятели и знакомые. Кто-то женат, у кого-то девушка и сами ютятся вдвоем в квартирке, кто-то просто решил, что пошла бы она на фиг. Когда ты ди-джей в клубе это прикольно, и люди хотят с тобой общаться, а когда тебе нечего есть и ты оказалась на улице, то это уже не прикольно, и никому не охота иметь дело с такой не прикольной девчонкой. А Билли, она помнила, что вроде как нравилась. Хотя ей он не нравился, но парень верно сказал, положение отчаянное.

Билли разглядывал ее задумчиво, с какой-то полуулыбкой и пробормотал:

– Пусть ты выглядишь потрепано, но ноги у тебя такие же длинные, верно?

– Кхм... – отозвалась Лаура, не зная, как отреагировать.

Надо где-то жить, надо, твердила она себе.

– А денег у тебя ведь вообще нет, да?

– Нет... Но потом может быть, я куда-то устроюсь. Не знаю. Я не могу работать не с музыкой.

– Я пушу тебя пожить, Лаура, так и быть. Ты же такая симпатяжка. Но ты должна понять, я не добрый самаритянин

и у меня не приют святых угодников.

– Каких угодников?

– Если мой арендодатель прознает, что я живу здесь уже не один, а с какой-то девчонкой, то потребует дополнительной платы. У меня был с ним уговор, что я буду один. Там и места не так много.

– Ты же сказал, чтопустишь меня пожить. Может съеду от тебя и раньше, может дела пойдут в гору.

– Да зачем, Лаура, можешь пожить подольше...

Он разглядывал ее как-то совсем откровенно и облизнул губы.

Лаура едва сдерживалась, чтобы не попятиться. Какого черта он не пойдет и не наденет что-нибудь, чтобы прикрыться? И что не пустит ее уже, держит на площадке как дуру? И если она будет с ним жить, он что и по квартире будет так ходить?

Билли продолжил:

– А мне еще тебя, небось, и кормить придется.

– Ну, у меня есть пара десятков, но я экономлю, не знаю, что будет в будущем. Мне чтобы до тебя доехать, пришлось купить карточку на метро.

– Да-да, кормить тебя, доплачивать, делить жилплощадь, и все это бесплатно Лаура?

– Ты же сказал, чтопустишь меня, я не понимаю, Билли.

– Пущу. Но я надеюсь, что ты будешь меня как-то благодарить за все это, а милашка? Подумать только крутая Лаура

припелась без гроша за душой и просится ко мне пожить. — Он протянул руку и погладил по щеке, пробормотав: — Ты всегда мне нравилась, ты же знаешь? Ты будешь мне благодарна, ведь так? Сделаешь и для меня пару одолжений, если я попрошу, правда?

— Я... конечно я буду тебе благодарна за все, Билли. Какие вопросы?

— А где ты будешь спать? У меня только одна кровать, правда, двуспальная, Лаура.

И он улыбнулся ей очень сальной улыбочкой.

Лаура поняла, что она не может. Просто не может.

— Прости Билли, — бросила она, развернулась и ушла.

— Да куда-ты? Постой. Это я пошутил про кровать, что ты?! — доносилось сверху, когда она бежала по лестнице, но она чувствовала, что не хочет сюда возвращаться никогда и видеть эту сальную улыбочку тоже.

И вот она снова шла по улице, утирая слезы. И почему она такая слабая? Она помнила, что в прошлых жизнях все было иначе. Совсем иначе. Но она знала точно, что лучше умрет с голоду, чем сдастся и забудет свою мечту.

Холодало. Зима в этом году пришла в Реддинг раньше.

Лаура пришла на вокзал и, под видом, что ждет своего поезда, поспала немного в тепле в зале ожидания. Это был единственный момент, когда она порадовалась, что с ней тяжелый чемодан на колесиках, он отлично сыграл роль довершения образа усталой путницы, поэтому охрана ее не выгна-

ла.

Когда солнце село, она отправилась искать работу. Как и все столицы мира, именно ночью Реддинг по-настоящему оживал. Волоча чемодан, она дошагала до самого центра, туда, где бурлила жизнь: клубы, небоскребы, яркие огни наружной рекламы. Вот он ее мир и ее стихия. Правда не так уж она стремилась снова возвращаться к этим случайным заработкам в прокуренных питейных или шумных дискотеках. Она думала, что как только запишет альбом, все, наконец, получится. Но нет, деньги кончились, записи оказались никому не нужны, и вот она на улице, голодная, все снова сначала.

Присмотрев клуб помельче и похуже, такой из которого ее не выпнут сразу, а хотя бы выслушают, она зашла внутрь. Заведение называлось – Пьяный Фламинго, и можно было ожидать всякого, но интерьер был чистым и приятным.

– Эй, с чемоданом нельзя! – закричал бритый мужик у раздевалки.

Лаура разделась, сдала вещи хмурой тетке и вошла в душевное помещение, где играла музыка и толпились люди. Первым делом она направилась к барной стойке. Бармен это тот человек, который всегда знает, где начальство, а в таких маленьких заведениях, собственно он и сам мог оказаться этим начальством.

– Здорово, шеф у себя? – сказала девушка, приветливо улыбаясь, парню с бородкой протиравшему стаканы.

Рядом крутился точно такой же тип с бородкой и, кажется, чинил машинку для колки льда и тоже заинтересовано поднял голову.

– У себя, – хмыкнул бармен. – А тебе зачем?

– Мне бы с ним поговорить насчет работы.

– Он тебя не возьмет, – проговорил парень с ухмылкой.

– Почему это? – и покосилась на второго, с машинкой, тот отложил агрегат и следил за разговором.

– А нам не нужны стриптизёрши, – пояснил бармен.

Лаура почувствовала, что вся покраснела, но терпеливо проговорила:

– Я не стриптизерша, я пою. Могу на пульте играть.

– На каком пульте?

– На диджейском, умник.

– У нас нет никакого пульта, рыжая, я сам ставлю музыку с флэшки, и в колонках играет, что еще надо?

– Живой артист вам бы оживил интерьер, парни, – сказала Лаура веско.

Бармен хотел ответить каким-то сарказмом, но тот второй, поднял палец:

– Подожди, Джимми, я хочу ее послушать, – он подошел. – Я хозяин этого заведения, девушка. Ты действительно умеешь петь?

– Умею, – кивнула Лаура.

– Училась где-то?

– Два года консерватории.

– Круто. То, что ты говоришь, я сам об этом подумывал. Нанять каких-то артистов, чтобы иногда играли или пели, но нам платить нечем.

– Я много не попрошу, мне бы просто на какое-то время подработку, свести концы с концами.

– Серьезно? Пошли, я послушаю, как ты поешь, а то тут шумно. Если мне понравится, я может, предложу и побольше.

Он провел ее в небольшую комнатку с письменным столом и шкафом. Видимо что-то типа кабинета.

Лаура нервно переминалась с ноги на ногу, подозревая, что ее завели сюда вовсе не слушать, но хозяин прикрыв дверь, проговорил:

– Ну давай, спой что-нибудь.

Лаура запела одну из песен собственного сочинения. Она всегда пела похожую во сне, и многотысячные залы подпевали стоя. Но... песня была лишь похожа, мелодия не та, слова не те, все не то. Наяву у нее никогда не получалось спеть так, как там. А после всего, что сегодня случилось...

– Поешь ты хорошо, голос и правда есть, но...

– Но?

– Что-то в тебе нет никакой искры, девочка.

– Нет? Но была же! – воскликнула Лаура расстроено.

– Да, может быть и была. Но сейчас исчезла.

Девушка молчала, потупившись.

– Ладно, я вижу у тебя что-то случилось, и тебе нужна

эта работа. Я тебя возьму на время. Голос есть, петь, вижу, умеешь. Будешь исполнять какой-нибудь джаз, сумеешь?

– Да-да.

– Платить много не могу, тем более раз ты такая неживая, да и работать будешь всего часа по два вечерами. На весь вечер нам не нужно, у нас публика не привыкла. Посмотрим, может, потом будешь петь больше. Платить буду как посудомойке, говорю, как есть. Устраивает?

– Да... хорошо, – пробормотала Лаура.

– Могу еще бесплатно кормить.

– Правда? – оживилась чуть больше, чем хотела показать Лаура.

– Тогда договорились, приходи завтра в восемь, какие-нибудь джаз-песни подучи. Есть у тебя?

– Да-да, есть, я пела уже в одном клубе.

– Отлично. Как зовут-то?

– Лаура.

– А я Джек. Завтра увидимся.

Лаура покинула заведение. Не сказать, что в большом воодушевлении, но определенно настроение немного приподнялось. Может и стоило, конечно, походить поискать еще, зарплата как у посудомойки за живое пение, это что-то вообще, да и два часа это мало, но впервые за долгое время ей, наконец, повезло и она боялась упустить удачу, да и положение отчаянное, срочно нужны деньги. Обещанного, конечно не хватит, чтобы снять где-то даже самую захудалую комнат-

ку. Может быть, за несколько дней работы удастся подкопить на задаток, и будет, что есть.

Хотя бы так, а потом можно поискать что-то поднежней.

Во время обеда Саша взял Толика, нашел Дэна, Машку, всех остальных и они собрались большой компанией у окна в конце одно из коридоров, шумно обсуждая вчерашнюю вечеринку. Саша убеждал собравшихся, чтобы не брали в голову, то, что он вчера им всем наговорил, ссылаясь на кратковременную депрессию и выпитое. Но, народ, похоже, особо и не помнил. Обсуждение быстро переросло в то, как проходила вечеринка дальше, кого выносили из клуба, кто наблевал в туалете и прочие увлекательные вещи, как вдруг Саша увидел в коридоре идущую сюда Сану и так и замер.

Друзья тоже заметили девушку и невольно стали затихать. Она двигалась по коридору величественно, как принцесса, и легко, словно порхала, форма Академии смотрелась на ней сегодня особенно эффектно.

– Вы только посмотрите на это, как идет, – восхитился Дэн.

Уж если такого прожженного пофигиста она поразила, то можно было себе представить, какое действие это явление возымело на всех остальных.

– Да это же гребаная Сана Серебрякова! – выдохнула Маша.

– Ах, как она прекрасна, – вырвалось у Игоря.

– Нам всем кранты, парни, – пророчески обронил Толик.

Сана приблизилась и непосредственно помахала всем ручкой:

– Привет, ребятки!

Ребятки что-то попытались нестройно проблеять в ответ, глядя кто на ее лицо, кто на ноги, но под строгими взглядами девушек, умолкли.

– А я пришла выкрасть из вашего, прекрасного общества Сашу, вы не против?

Саше подумалось, что проявив с утра с Нинкой чудеса психологии и приемов коммуникации, сейчас эта лапочка явно налажала.

Или она специально?

– Ты чё, его приватизировала? – грубо сказала Маша.

Дэн и Славик тихо заржали:

– Ты понадобился своей Сане, Сашка! Беги быстрее!

Саша почувствовал приливы возмущения и выпалил:

– Какого черта, Сана?! Я с друзьями общаюсь!

– Я вижу. Однако, я хотела пригласить тебя провести обед со мной.

Парни заржали, девушки фыркнули.

– Я собирался пойти сейчас с ними в столовую. Что на тебя нашло? Мы не встречаемся, – попытался отмахнуться от нее Саша.

– И что, ты против провести время с приятной симпатич-

ной девушкой? – ни чуть не растерялась Сана.

– Слушай ты, пигалица, проваливай отсюда, мы общаемся, – опять встряла Маша.

– В натуре, красавица, ты что-то попутала, мы не та компания, с которой стоит проводить время таким, как ты, – сказал ей Славик, выдвинувшись чуть вперед. – Иди лучше к своим ботанам.

Он был здоровым пухлощеким парнем, никогда не отличавшимся особыми манерами, и любой бы глядя на него постеснялся с ним спорить.

– А может тебе кто из нас подойдет, малышка? Зачем тебе обязательно Саша? – ухмыльнулся Дэн, шагнув к ней поближе, беззастенчиво оглядывая: – Я тоже люблю послушать про астральные путешествия.

– Зря ты, сказал это слово, – проговорил Саша.

По лицу девушки промелькнула какая-то тень, она взглянула на него небрежно:

– Астральные? Ты сказал астральные? Где ты такое слово услышал, нехороший мальчуган?

– Мальчуган! Ха-ха-ха, – загоготали остальные.

– И что же это значит? – спросила Сана с непосредственностью глядя на парня.

– Что? Откуда мне знать? – растерялся Дэн.

– Ну, мне казалось, ты специалист по астральным путешествиям, после стольких-то косячков, самокруток и таблеток в твоей жизни.

– Что?

– Ах, ты сейчас будешь отпираться? Конечно, травка это не наркомания, не осуждайте его ребята. Это всего лишь легонькое баловство. Так ты обычно себя успокаиваешь? А что ты так розовеешь, парнишка? Ты же интенсивно мечтаешь погладить меня по румяной попке, а уже стал пунцовым, как церковная девица, которой рассказали пошлый анекдот. Нет-нет, ничего не говори, разговоры не твой конек, я уже заметила.

– Я ничего не курю, парни! – воскликнул Дэн, и Саша впервые увидел его настолько потерявшим самообладание.

– Я понимаю твоё смущение, Денис, – продолжала Сана, – ведь при всем общем упадке этой плеяды лоботрясов, никто не увлекается тем же самым, хоть как-то пытаются соответствовать образу студентов престижного учебного заведения. И тебе стыдно перед ними. Даже наша прелестница Машуля, питает исключительно теоретический интерес, после, должно быть, какого-то неудачного опыта. Я ведь права?

Упомянутая, Машуля, тоже пошла красными пятнами, Сана ничуть не заботясь об этом беспечно продолжала, лучезарно всем улыбаясь:

– Ну, знаете, как бывает? Примешь какой-то кислоты на вечеринке, потом просыпаешься, бог знает где, в чей-то плохонькой квартире и без трусов. Да-да, Света, я вижу, тебе знакомо это чувство, хотя, в твоём случае, я полагаю, всему виной перманентное увлечение алкоголем. Не морщи лобик,

перманентный означает время от времени, но достаточно часто и без возможности удержаться.

– Что несет эта?.. – начал Славик, но Сана шагнула к нему, привстав на цыпочки и закрыв ему губы пальцем.

– Ни слова больше, мой дорогой толстячок. Ты уже порадовал нас своей искрометной манерой общаться с девушками, – проговорила она, ласково заглядывая ему в глаза, от чего Славик тоже начал стремительно краснеть. – Я все понимаю, твоя грубость с девушками как защитная реакция. Ты испытываешь комплекс из-за своей внушительной наружности и на самом деле боишься девушек, что они будут над тобой смеяться, поэтому наносишь упреждающий удар. Тактика так себе, мой мальчик. А ведь некоторые девушки любят мужчин поздравнее, – проворковала она, похлопав по плечу.

Это было просто моральное убийство на месте.

Резко развернувшись, она встретила глазами с Машей:

– А, ну с тобой все понятно, падшая девица, и тебя я уже одарила комплиментами. Кто тут у нас еще? Ах, а это что за мальчик, все время забываю его имя, он у вас такой невзрачный.

– Игорь, – напомнил Саша.

Он испытывал оторопь от происходящего, но в тоже время какую-то веселость. Как она разделала всех под орех, это же надо! А минуту назад он думал, что они ее съедят. Конечно, он не рассчитывал, что у них получится, но умение телепортироваться и летать не означают защиту от нападков

в студенческом обществе, он ожидал всякого.

Девушка прошла около нервно моргающего Игоря.

– Ах, Игорь, да... даже не знаю, Игорь. Ты такой обычный. Ты как Анатолий, но у того, хотя бы есть спортивная машина и богатые родители, поэтому его более менее ценит сия компания, а на что она держит тебя, даже ума не приложу, должно быть, в качестве глуповатого подпевалы. Когда все такие классные, надо же им кого-то иногда шпынять. С Толей-то это сложнее, как шпынять кого-то, когда понимаешь, что он может себе позволить менять тачки каждый год, водить девушек в Метрополь и летать на выходные с родителями в Швейцарию, покататься на лыжах?

– Не летаю я никуда с родителями, я не маленький! – слабо возмутился Толик.

– Прости, тебя все это не касается, Толя. Ты у нас славный малыш, просто втянулся опять не в ту компанию, ну что мне с тобой делать?

– Эй-эй, Сана, ты вроде по мою душу явилась? Что опять к Толику пристала? – вырвалось вдруг у Саши. Просто от ее упреков, Толик весь сжался, и казалось, сейчас в окно выпрыгнет.

– А ты, да, пошли со мной. Этот сброд абсолютно для тебя не уместен и я уже говорила тебе об этом.

– Послушай Сана, я все-таки...

– Пошли, это будет необычный обед. Я поинтересней твоего клуба неудачников и никчемных девиц.

Саша покосился на друзей. Все они стояли покрасневшие и в каком-то убитом ступоре, стараясь не смотреть друг на друга. Ему и самому стало как-то неловко оставаться сейчас с ними. Ведь та, что проделала с ними это – его подруга, и пришлось бы как-то объяснять, может быть, утешать, оправдываться или просто что-то им говорить. Но что? Он никогда не представлял, что словами можно такое учинить с людьми.

Оставалось только спешно ретироваться, надеясь обсудить происшествие как-нибудь потом.

– Да-да, пойдем, ты меня заинтриговала, что там у тебя на этот раз? – проговорил он поспешно и с нарочитой веселостью. Взял ее под руку и пошел. – Извините, парни. Но она не иначе хочет показать мне какие-то фокусы в приватной обстановке, если вы понимает, о чем я, – бросил он, чтобы хоть что-то сказать друзьям. Но те, кажется, его уже не слышали, погружившись в мрачные мысли.

Каждый в свои.

– А ты, Анатолий, возвращайся в класс, нечего околачиваться с подобным контингентом! – обернулась Сана.

Толик вздрогнул, огляделся, произнес:

– Хорошо, Сана!

– Почему Нина им совсем не занимается? – пробурчала девушка.

Толик обогнал их, побежав по коридору прочь.

Когда Саша и Сана завернули за угол, он выпустил ее руку, остановился, воскликнув:

– Что на тебя нашло?

– На меня? Ничего. О чем, ты? Я пошла на обед, решила взять тебя с собой, у нас всегда есть, что обсудить, и мне не нравится, что ты общаешься с этим сбродом. Я решила, что будет полезно избавить тебя от их общества.

– Да ты кто такая, чтобы говорить мне, с кем общаться?

– Твоя старшая сестричка, олух. Ну ладно, Саша, не кипятись, но зачем тебе эти идиоты? Сам же говорил, что много с кем общаешься, но нет, тебя так и тянет либо в эту компанию, либо в подобную.

– Это мои проблемы, куда меня тянет!

– Ты злишься на меня, потому что я сказала каждому, кто они есть? Или потому что теперь тебе неловко перед ними?

– Черт, Сана, опять со своими психологическими штучками!

– Или тебе неловко, что ты общаешься с заторможенным наркоманом, которого находил крутым и рассудительным, двумя легкомысленными давалками и какими-то неудачниками, которые и стали существенной частью твоей жизни?

– Да хватит нотаций!

– Твое окружение формирует тебя Саша. Если ты с теми, кто на дне, то ты и сам там же. Попав в Академию, я удивилась, как много здесь всерьез недоразвитых личностей, и надо же, некое отщепление от меня, собрало их всех вокруг себя! Вот где удивительное!

– Ну ладно-ладно, хорош уже. Поэтому у меня и не сло-

жилося здесь настоящих друзей. Все, с кем я рос, остались в другом районе, у них своя жизнь, учеба. Только Толик и Нина поступили вместе со мной.

– Сыграли роль кармические связи, – вставила Сана. Потом быстро добавила: – И это не эзотерический термин! Вернее да, но другого нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.